

Алекс Ведов

*С той
стороны*

повести и рассказы

Алекс Ведов
С той стороны.
Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395649

ISBN 9785449099594

Аннотация

Мир, в котором мы живём, наполнен тайнами. Кажется, современная наука объяснила всё на свете, не оставляя места чудесам. Однако сама жизнь порой помещает нас в обстоятельства, когда мы чувствуем дыхание Неведомого и испытываем его могущественное влияние. И самое удивительное скрывается в нас самих. В чём вы убедитесь, читая эту книгу. Но главное в ней другое. В самых фантастических ситуациях и неожиданных коллизиях, которые посылает нам судьба, нужно оставаться Человеком.

Содержание

Апифобия	5
Поймать удачу	114
1	114
2	119
3	125
4	131
5	139
6	143
7	150
8	157
9	164
10	169
11	174
12	189
13	196
14	201
15	209
Конец ознакомительного фрагмента.	211

С той стороны

Повести и рассказы

Алекс Ведов

© Алекс Ведов, 2019

ISBN 978-5-4490-9959-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апифобия

Сколько себя помню, мать всегда говорила мне, что я пошёл в отца – такой же любознательный. И столь же непутёвый. В том смысле, что постоянно попадаю в какие-нибудь неприятные переделки. И главным образом из-за вот этой своей повышенной любознательности. Даже когда был маленьким, всюду пытался залезть или хотя бы заглянуть: и на чердак, и в подвал, и в трансформаторную будку, и даже в колодец. Как-то раз в пятилетнем возрасте убежал за городскую черту в ближайший лес, чем заставил родителей сильно понервничать, пока меня не нашли (отец тогда был ещё жив). И, что удивительно, не пугали меня никакие страшилки, которые близкие придумывали, чтобы отвести меня от привычки совать свой нос куда ни попадя. Ну там, насчёт лешего в лесу, крыс в подвале, привидения на чердаке и тому подобное. Наоборот, это ещё больше подстёгивало моё любопытство.

Такие вылазки в неизведанное часто заканчивались для меня ссадинами, царапинами, шишками и синяками, потом ещё выволочками от матери, а пару раз и близким знакомством с отцовским ремнём. Но и это не умаляло моего повышенного интереса ко всяким местам, от которых нормальные дети обычно держатся подальше. Я скоро опять находил какую-нибудь малопривлекательную дыру, забирался в неё,

а часто заманивал туда и друзей. И всё повторялось: ушибленные коленки, разбитый нос, испорченные чужие вещи, жалобы от соседей, нотация от мамы, подзатыльник от папы, обещание больше никогда... До скорого следующего раза, конечно. Мой исследовательский инстинкт был неистребим.

«Смотри, Славка, – часто повторяла мама, – найдёшь ты когда-нибудь таких приключений, что тебе хватит на всю оставшуюся жизнь! И я со страхом думаю о том».

Да, тогда до меня ещё плохо доходил смысл её слов. Это потом я убедился в том, как она была права. Собственно, об этом мой рассказ. Но к нему вернусь чуть позже.

Так вот, непоседа я был тот ещё. Впрочем, во всём остальном я своим родителям не причинял особых хлопот. Учился хорошо, помогал им по дому, водился с нормальными ребятами (а в нашем рабочем городишке, недавнем посёлке городского типа, всякие были). Кого я реально побаивался, так это всяких хулиганистых и прибрлатнённых парней. Да, повторяю, были такие в школе и во дворе, – ну, как и везде. Те, что постарше, побольше, посильнее, а главное – агрессивнее. Вот с такими я старался не связываться и обходил их стороной. Не всегда, правда, получалось. Они не раз сами ко мне клеились. Дело в том, что зрение у меня к седьмому классу стало ухудшаться – не знаю, то ли это наследственное (у матушки тоже рано наступила близорукость), то ли читал чересчур много, – во всяком случае, в четырнадцать лет пришлось надеть очки. Естественно, это сразу же стало предме-

том насмешек со стороны тех, с кем я учился в одной школе. Не всех, конечно. Но были и такие, которые сразу же начали дразнить меня очкариком, придумали кличку «Профессор», – ну, чего тут объяснять. Наверное, каждый, кто начал носить очки ещё в школе, проходил через это.

Кого ещё я боялся, как это ни смешно может показаться, – пчёл. Не змей, не диких собак, не пауков, а именно пчёл. Ну и ещё тех, кто похож на них – ос, шмелей, оводов. Тех, кто летает, жужжит и жалит. Это была вот такая несоразмерная и непонятная мне самому боязнь: наверное, примерно так же многие женщины боятся безобидных мышей. Если поблизости пролетало такое насекомое, а тем более несколько, мне становилось сильно не по себе. Хотелось или отогнать эту тварь, или скрыться, убежать подальше. А уже если они начинали виться около, то меня охватывала настоящая паника.

Матушка говорила, это оттого, что однажды в раннем детстве меня ужалила пчела. Как-то летом мать варила малиновое варенье, а я (мне было года три) мельтешил где-то рядом на кухне. На запах через раскрытую форточку влетело несколько пчёл, они носились вокруг, жужжали и пытались залезть в кастрюлю. Мать полотенцем разгоняла их, одну прихлопнула, но не убила, а просто оглушила. Пчела упала на пол, и я, естественно, подобрал её, чтобы разглядеть. Тут-то пчела ожила у меня в руке и вонзила жало в нежный пальчик. Мать рассказывала, что рёву и визгу было на весь подъезд. Палец распух, и видимо, болел по детским меркам

сильно и долго.

Я того случая не помню, но вероятно, именно он оставил в моей душе боязнь этих не таких-то уж и страшных на самом деле насекомых. Я вполне отдавал себе отчёт, что мой страх перед ними даже не преувеличен, – он вообще смешон, но ничего не мог с собой поделать. Когда рядом с собой видел пчелу или там осу, у меня по всему телу бежали неприятные мурашки. Не скажу, чтобы эта боязнь сильно мешала мне жить, но иногда бывало неприятно, да и перед окружающими неловко.

Позднее, на приёме у детского психиатра (не помню, по какому поводу она меня туда повела), пожилой доктор объяснил моей матушке, что боязнь пчёл – в общем-то, страх довольно распространённый. И у него, мол, даже есть своё название в классификации всяких неврозов, как же... а, вспомнил – «апифобия». И что эта разновидность фобии лечится гипнозом за несколько сеансов. Но наверное, матушка посчитала эту проблему пустяковой, не стоящей времени и сил, и что со временем это само пройдёт.

А вот здесь она ошиблась.

Я бы не стал рассказывать о своём страхе, если бы он не сыграл такую роль в этой истории. Да, я в конце концов избавился от боязни пчёл. Но не так, как рекомендовал старый доктор. Мне *пришлось* от неё избавиться. Но обо всём по порядку.

В то лето мы с моим другом Витькой закончили девятый класс. Не то чтобы Витька был мне закадычным корешем. Но знали мы друг дружку с первого класса, а с пятого общались довольно близко. Парень он дружелюбный и неглупый, простой, без дурацких вывертов, а главное – активно поддерживал мои авантюры.

Было ещё одно обстоятельство, почему я держался его компании. Батя у него был какой-то важной шишкой в мэрии, – не знаю кем по должности, но человеком в городе известным и уважаемым. Витька даже как-то похвастался, что отцовскую кандидатуру выдвинули на предстоящие осенью выборы в законодательное собрание города. Чей сын Витька, знали многие, поэтому всякое хулиганье (по крайней мере, большинство) старалось его не задевать. А поскольку я был рядом, то меньше доставалось и мне. Это была своего рода дань, которую я получал за участие Витьки в моих затеях.

Незадолго перед теми событиями Витькин отец купил себе новую машину, а старый «джип-чероки» подарил сыну. Дескать, давай осваивай, чтобы потом на права было легче сдать. Витька был на седьмом небе от гордости и счастья, не говоря уж о том, что сверстники подышали от зависти. Не скажу, что лично я сильно ему завидовал, но с горечью думал о том, что у меня-то подобная машина не скоро появится. К тому времени моего отца не стало, да и денег у на-

шей семьи никогда не было на такие подарки. Так что я довольствовался велосипедом, подаренным на моё тринадцатилетие.

Витька вскорости начал лихо разъезжать по округе. Конечно, не выбираясь на проезжую часть. Отец ему строго-настрого запретил под угрозой отнятия машины. Но в окрестностях нашего карельского городка есть где разъездиться. Для внедорожника самое то.

Тем летом Витька даже никуда не поехал отдыхать – ни на юг, ни за границу, как обычно у них в семье практиковалось. Каникулы он решил посвятить предмету своей гордости – автомобилю.

У меня таких возможностей, как у него, не было. Я и на югах-то бывал всего пару раз в жизни. И в то лето никуда не собирался. А тут такая возможность – на Витькином джипе обследовать дальние окрестности!

Надо сказать, к тому времени у меня появилось своё увлечение. Я сильно заинтересовался минералогией. Собирал всякие камни и образцы горных пород, читал обо всём таком разные научно-популярные книжки. Я даже намеревался поступать в университет на геологоразведочное отделение. В нашем городском доме дополнительного образования и досуга молодёжи был кружок «Юный геолог», и я с седьмого класса в нём занимался. Правда, там не могли предложить ничего более интересного, чем несколько походов по ближним окрестностям. Тем не менее, мне это было чертовски

интересно. В пятнадцать я уже хорошо знал, какие породы и где встречаются на северо-западе страны, как они выглядят, какими свойствами обладают и где применяются.

Это я к тому, что километрах в тридцати от нашего городка есть место, где велись когда-то выработки доломита и мрамора. Сами по себе ни доломит, ни мрамор особенного интереса не представляют. Для меня, во всяком случае. Но примечательно другое – в слоях этих пород есть прожилки шунгитовых сланцев, а среди них встречается и сам шунгит, который меня очень даже интересует. Шунгит – это как бы нечто среднее между каменным углём и графитом, хотя по составу сложнее. А это минерал гораздо более интересный во всех отношениях, чем всякие там известняки.

Начать хотя бы с того, что в мире он мало где встречается, по пальцам можно сосчитать месторождения. А в России больше нигде не встречается, кроме как в Карелии. И обладает многими полезными свойствами. Например, он хорош как отделочный материал – полируется идеально (при том, что чёрный). Используют его также в разных химических производствах. Но главное – он хорошо очищает воду от всяких примесей. Ему даже некие целебные свойства приписывают, – ну про это ничего утверждать не берусь. Насчёт его происхождения тоже многое неясно.

Как только у Витьки появилась своя машина, я сразу подумал: классно, можно же туда скататься! Туда ведёт грунтовая дорога. Надо только добраться до неё по загородному

шоссе, – не забираясь на дорожное полотно, а по обочине. Я знаю, так как ездил в тех местах на велосипеде, правда, не дальше десятого километра. По той грунтовке давно уже никто не ездит, а мы проедем. Я всегда мечтал о том, чтобы побывать на том месторождении. И может, набрать шунгита, если удастся найти. Но даже если не удастся, всё равно поездка туда обещает быть захватывающе интересной.

К середине лета Витька уже более-менее уверенно сидел за рулём. Я подкинул ему идею съездить к местам выработки, и тот, как обычно, сразу её одобрил. Мы начали готовиться к путешествию. Дождались, когда установится сухая и ясная погода, наметили дату, собрали всё, что считали нужным для похода. Мать, конечно, была не в восторге от моей затеи, но запретить мне туда поехать она уже не могла. Парень я был своенравный и упрямый. Я просто поставил её перед фактом, что мы с Витькой едем в то место. Впрочем, заверил, что всё будет хорошо, мы уже не маленькие, и беспокоиться за нас не надо.

Витька сказал своим родителям примерно то же самое, и с их стороны принципиальных возражений тоже не встретил. Правда, они поставили некие условия, но главное, согласие он получил. Таким образом, было решено: едем!

Я уже предвкушал замечательное приключение, когда Витька накануне несколько озадачил меня, сообщив, что где-то там по пути находится пасека. И что его мать осложнила наш маршрут, нагрузив его, Витьку, поручением заехать

туда и купить свежего мёда и прополиса. Ибо сезон медосбора уже начался. На рынке-то, мол, чёрт знает что торговцы могут намешать, а тут продукты пчеловодства натуральные на все сто.

Признаться, я про тамошнюю пасеку никогда не слышал. Сама по себе задача привернуть куда-то по дороге была бы не слишком обременительной, если бы не...

Да, чёрт побери, если бы не моя боязнь пчёл. А ведь там, на пасеке, их должно быть полным-полно. Для меня появиться там было почти равносильно тому, чтобы войти в здание, охваченное пожаром. В общем, когда я узнал о предстоящем посещении пасеки, это сильно умерило мой энтузиазм по поводу поездки. Витька, который знал о моём отношении к пчёлам, сказал:

– Славка, не переживай! Коль ты так их чураешься, так и будешь сидеть в машине. А я схожу, куплю что нужно, и дальше поедem. Какие проблемы-то?

Подумав, я согласился: действительно, ничего страшного. Но следующей новостью Витька огорчил меня по-настоящему. Оказалось, мы едем не одни. С нами собирается ехать его старшая сестра Даша и её кавалер Жора.

Дашу, его сестру, я тоже знал давно, по школе. Да и когда у Витьки бывал в гостях, успел пообщаться. Она пятью годами нас старше, худая и долговязая. Закончила торговый техникум, работает где-то на рынке, бутиками заведует. Хоть и смазливая, но та ещё стервозина, надо сказать: вредная,

взбалмошная и острая на язык. Даже сам Витька то и дело с ней бывает в контрах. У меня к ней сразу, как только увидел, возникла антипатия, и, по-моему, взаимная. Мне всегда казалось, что она недоумевает, чего её младший брат водится с этим смешным неуклюжим очкариком, то есть со мной.

Но ладно бы Даша. Но вот её дружок... Его я тоже видел несколько раз. Редкостный отморозок этот Жора. И где она такого откопала себе? А главное, что в нём нашла? Вроде, Витька говорил, на танцах в каком-то увеселительном заведении они познакомились... Здоровый и высоченный детина, на пару лет её старше, где-то в автосервисе работает. На правой руке наколка. Витька мне по секрету сообщил, что полтора года Жора отсидел. Избил кого-то сильно, получил срок, а три года назад вышел. И до сих пор промышляет какими-то тёмными делишками. А дружки у него ему под стать, Витька рассказывал, тоже из тех, приבלатнённых.

Вообще тип очень неприятный: физиономия широкая, вся в красных то ли прыщах, то ли пупырышках, волосы вечно сальные. Пятерни большие и, кажется, всё время потные. Голос громкий, особенно когда ржёт. Смотрит на всех нагло, часто с противной глумливой ухмылкой. Из рта у него – когда я близко сидел, почувствовал – будто гнильём несёт. Да и его глаза навывкате с большими белками какие-то мертвенные. Я бы сказал, гнилого, болотно-коричневого цвета, как тина.

Я, честно говоря, недоумеваю, как Даша с ним связалась.

Она хоть и сама далеко не подарок, но всё же из приличной, как говорится, семьи. А этот... И ещё мне кажется, что не только Витька его побаивается, но даже батя Витькин. Уж больно этот Жора развязно себя вёл у них дома. Может, поэтому его и принимают как своего. Ну да ладно, их дела...

К Витьке он относился этак снисходительно-покровительственно, с некоторой долей грубоватой насмешливости. А меня, похоже, вообще всерьёз не воспринимал. Так, вертится рядом какая-то козявка очкастая.

Короче говоря, перспектива ехать в компании с этой парочкой как-то мне не очень улыбалась. Естественно, я об этом Витьке сразу же, не смущаясь, заявил. На что он мне ответил, что он и сам не шибко тому рад. Однако обещал сестре и её ухажёру прокатить их на пасеку, и придётся взять их с собой. К тому же Витькин отец настоял, что должен быть с нами кто-то старший. Для пущей безопасности. По крайней мере, у Жоры-то права есть.

Вот такие старшие. По мне так лучше бы не ездить совсем, чем с такими попутчиками.

Но раз уж решили с Витькой ехать, на попятную идти было, что называется, в падлу. Да и всё-таки желание побывать на той неизвестной территории пересилило.

В назначенное утро я пришёл к дому Витьки. День выдал-

ся замечательным, как и обещали по прогнозу: солнечный и жаркий. По небу плыли редкие облачка, похожие на барашков. Настроение у меня было классное, я предвкушал массу интересных впечатлений. И даже предстоящее посещение пасеки с этими двоими в придачу не так уж сильно омрачало общую картину.

Джип стоял во дворе, возле него стояли и курили Жора с Дашей. Я сдержанно поздоровался.

– Чё, профессор, и ты с нами? – Жора усмехнулся и сплюнул.

– Ну да, с вами... – поправив очки, пробормотал я.

Это мне хотелось спросить что-нибудь вроде «чё, и вы с нами?» Но я робел и перед Дашей, и тем более перед этим верзилой, хоть старался этого не показывать. Вместо этого я спросил:

– А Витька-то сам где?

– Да вон, гребёт со своими банками... – Жора мотнул головой в сторону подъезда, откуда выходил Витька с объёмистой дорожной сумкой. Внутри что-то позвякивало.

– Привет, Славка. Это под мёд, – пояснил Витька, подходя.

Он открыл багажник, сунул туда сумку:

– Давай сюда тоже свою торбу. Чего-то не густо у тебя положи!

– А мне-то зачем? Я затариваться мёдом не собираюсь.

Я снял свой тощий рюкзачок, положил рядом. Витька за-

хлопнул крышку.

– Ну что, садимся?

– Залезайте, гуси, – Жора швырнул окурок. – За руль я сяду. Пока на грунтовку не выехали.

Никто из нас не стал возражать. Наверняка это была инициатива Витькиного отца. Да оно и понятно. Было бы крайне досадно закончить путешествие, толком не начав его.

По бездорожью Витька рассекал лихо, но на проезжей части опыта вождения у него никакого не было. Да главное, и права ему ещё рано иметь. И пришлось бы отвечать его родителям, если что...

Однако про всякое «если что» никому из нас и думать не хотелось.

Мы забрались в машину. Переднее сиденье рядом с водителем занял Витька. Даша и я сели сзади. Жора завёл мотор, и мы тронулись.

Ту часть города, где ездили другие машины и ходили люди, мы миновали достаточно быстро. Городок-то небольшой. За пятнадцать минут мы добрались от центра до окраины, потом вырулили на федеральную трассу «Петрозаводск – Мурманск». Жора поддал газу, и джип с рёвом рванулся, стремительно отматывая назад дорожное полотно.

Окна в салоне были приоткрыты, приятный ветерок свистел в ушах и обдавал свежей прохладой, двигатель гудел убаюкивающе-ровно, и ему аккомпанировал гладкий шорох шин по асфальту. Встречных машин было на удивление ма-

ло. Мимо нас по обе стороны от шоссе проносились сказочные пейзажи: приземисто-плавные зелёные холмы, привольные цветущие луга, глухие сосняки в отдалении, россыпи гранитных и базальтовых валунов, небольшие озёрки, блестящие на солнце сине-стальной гладью... Изредка попадались одиноко стоящие аккуратные, будто игрушечные, деревянные домики, которые тоже добавляли красоты окружающей картине. Никто не говорил ни слова, все любовались видами. Даже Витькина сестра, у которой рот не закрывался надолго, молчала и восхищённо глазела по сторонам.

Я думал: как же всё-таки здорово, что мы мчимся по этой дороге навстречу чему-то волнующему и восхитительному! Уже и Жора казался не таким противным, и беспокойные мысли о возможной встрече с пчёлами улетели куда-то далеко.

Мы проехали километров десять, потом круто свернули с трассы на ответвление. Оно тянулось через необозримое поле по направлению к синеющей вдалеке полосе леса и ещё дальше – к возвышенности за ней, где-то на самом горизонте. Это были те самые места известняково-мраморных выработок, куда я стремился попасть.

Мы с пацанами, как я уже говорил, ездили не раз этим маршрутом на великах. Правда, в основном по обочине – тут обычно сильное движение, это сегодня нам везло. Но доезжали только досюда и поворачивали назад: асфальт здесь заканчивался и начиналась грунтовка. Можно, конечно,

и по ней ехать дальше, но уж очень грязно и пыльно. Да и не отваживались: кто знает, какая дорога дальше и можно ли вообще проехать? Тем не менее, меня эта неизведанная даль всегда манила. Я холил и лелеял в себе надежду, что непременно когда-нибудь побываю там. И вот, похоже, моя мечта сбывалась.

Человеческого жилья уже не было видно никакого. Джип понёсся по дороге, то и дело подпрыгивая на ухабах и вздымая за собой клубящийся пыльный шлейф. Даша сморщилась, и, торопливо закрывая окошко, прокричала сквозь гул двигателя:

– Жорик, не гони так, а то мы тут задохнёмся!

Тот влоборота ухмыльнулся:

– Да лан тебе, Даха! Ехать так ехать!

– Жор, – просительно прогундосил Витька, – давай теперь я! Как договаривались!

Жора притормозил машину.

– Ну садись, пионэр, коль не терпится, – он иронически усмехнулся и прихлопнул по баранке тяжёлой потной ладонью. Слово «пионер» он так и выговаривал – через «э».

– Я не пионер, – обиженным тоном буркнул Витька. – И не был им никогда.

– А кто ты? – загоготал Жора. – Пионэр и есть! Ладно, рули, – он вылез из машины.

Витька тотчас занял его место, и на лице его нарисовалось блаженство.

– Ехать-то знаешь куда? – небрежно осведомился Жора, грузно плюхаясь на сиденье рядом с ним.

– Да знаю вроде, – неуверенно ответил Витька и повернул ключ.

– Мать объяснила, – подала голос Даша, – доезжаем до леса и там развилка. Нам влево и ещё пару километров. Никак мимо не проедем, просто некуда.

Мы поехали дальше. Витька вёл джип не так разухабисто, как Жора, – видно было, что он осторожничает. Как Даша и сказала, скоро дорога раздвоилась: одна ныряла в заросли берёз и елей, вторая протянулась параллельно кромке леса.

– Эй, профессор, – Жора повернулся ко мне, – ты туда, что ли, хотел? – он махнул рукой к лесу.

Я кивнул:

– Ну да, мы хотели с Витькой к тому месторождению... потом, после пасеки. Да, Вить?

– Ага, – отозвался Витька, не отрываясь от управления.

– И чё вы там забыли, – недоумённо хмыкнул Жора. – Мне так совсем влом туда переться. И Дахе тоже, да, моя куколка?

– Мне тоже там делать нефиг, – пожала плечами Даша.

– Так может это... вы с Дарьей на пасеке побудете? – осторожно предложил я. – А мы потом за вами заедем. Мы недолго!

– Не знаю, сейчас за мёдом, а там видно будет, – хмуро бросил Жора.

Витька повернул машину влево, и мимо нас замелькал ча-

стокол деревьев. Потом лес понемногу начал редеть и отступать. Дорога стала петлять, следуя за изгибами ландшафта в одну сторону и в другую, вверх и вниз. Скоро деревья исчезли совсем, а местность устойчиво пошла немного в гору. Перед нами широко раскинулась местность, напоминающая почти сплошной зелёный ковёр. Снова на этом ковре стали попадаться небольшие водоёмы в отдалении от дороги. Наконец мы разглядели вдалеке небольшой бревенчатый домик, а неподалёку от него – сооружения, похожие на большие почтовые ящики, только деревянные.

– Ну, вот она и пасека, – облегчённо выдохнул Витька.

Подъехав, мы остановились и вылезли.

– Красота-то какая! – воскликнула Даша, задрав лицо к небу и раскинув руки.

Да, вокруг была просто благодать. Ветра не было, в высокой синеве радостно сияло солнце. Стояла почти полная тишина, только стрекотали где-то близко в высокой траве кузнечики. Воздух был напоён ароматом луговых трав, и хотелось просто стоять вот так, ни о чём не думая, взирать на всё это великолепие, и вдыхать полной грудью.

Всё было настолько замечательно, что я напрочь позабыл о своём страхе, на то время он просто выветрился из меня.

– Ну чё, идём? – нарушил общее молчание Жора, кото-

рый держал в руках взятую с собой авоську. – Или тут будем торчать?

Витька достал из багажника свою сумку. Мы направились к домику.

Большая чёрно-белая собака возле дома, завидев нас, загавкала, махая хвостом. Впрочем, не зло, а скорее приветственно. Из дома навстречу нам, видимо, уже заслышав шум машины и собачий лай, вышла бабуся в цветастом платке, приветливо улыбаясь.

– Тихо, Жуча, тихо, – приговаривала она собаке, глядя её по голове сухой ладонью.

– Здравсьте, – обратился к ней Витька. – Мы тут у вас мёда хотели бы купить, и этого, как его...

– Прополиса, неуч, – подсказала Даша.

– Да, и ещё прополиса. А хозяин дома?

– Хозяин, милые мои, с утра поехал улы переставлять на другой луг, – пояснила старушка. – Пчёлы у нас сей год хорошо роятся. Скоро уж должен бы вернуться, как вы с ним разминулись, не знаю. Но ничего, я за него. Милости прошу в дом!

Мы зашли в избу, хозяйка усадила нас вокруг стола, поставила самовар, начала хлопотать, доставая всякие нехитрые угощения.

– Вот, сейчас чаю с медком попьёте, гости дорогие! – ворковала она радушно. – Разнотравный, последнего сбора!

– Да вы не беспокойтесь, мы недолго, – сказала Даша, –

купим у вас что хотели и назад.

– У нас так не принято, – степенно ответила старушка, – мы всякого покупателя угощаем всегда. Люди такой путь к нам проделывают, уважить надо, а как же?

Она поставила перед нами по чашке чая, а в центр стола – огромную плоску с янтарным мёдом, от запаха которого просто кружилась голова. И на вкус он был просто потрясающий. Витькина матушка была права: он был явно лучше того, что продавался на городском рынке, а с магазинским так и вовсе было не сравнить.

Пока мы пили чай, бабуся рассказывала нам о непростом труде пчеловодов, о свойствах мёда и пчелиного воска, о жизни этих насекомых.

– Так значит, вы здесь вдвоём на этой пасеке трудитесь? – поинтересовалась Даша.

– Вдвоём, дочка, – вздохнула старушка, – уж давно тут с моим стариком. Дети вот уехали, навещают редко. Пенсия-то мала у обоих, а тут, глядишь, и заработок какой-никакой. И людям польза. Но этим нынче мало кто занимается...

– А что, не кусаются у вас пчёлы? – спросил Витька с едкой интонацией. – А то вот у нас товарищ боится, – он кивнул на меня.

– Правда, что ли, боишься, очкарик? – живо отреагировал Жора, покосившись на меня.

Я сидел раздосадованный и молчал. На кой чёрт Витька это ляпнул? Теперь у этого гнусного Жоры будет ещё один

повод меня подначивать.

– Знаете, дорогие мои, – ответила старушка размеренно, – вообще наши северные пчёлы злыми считаются среди других пород. На юге-то – те спокойнее будут. А наши сердитыми бывают, но только если их сильно потревожить. А так пчёлки, они отношение к себе чувствуют. Как животные. Ты к ним с заботой да лаской – и они тебе тем же ответят. Плохих людей, я вам скажу, не любят они. Вот ещё когда химией какой несёт или перегаром – шибко злятся, могут и напасть. А хорошему человеку их бояться нечего.

– Да ну, ерунда какая-то, – прокомментировал Жора. – По мне так, что пчёлы, что мухи – одна хрень!

– Мухи-то, молодой человек, мёда не дают, – ответила старушка с улыбкой. – И летят не на цветы, как пчёлки, а сами знаете на что.

Даша хихикнула, улыбнулись и мы с Витькой.

– Ладно, баловство это всё, – пренебрежительно осклабился Жора. – Ты вот, мать, лучше скажи: у тебя закусить чего найдётся? У нас с собой поинтереснее мёда кое-что есть.

С этими словами он вынул из авоськи, которую принёс с собой, пол-литровую бутылку водки «Столичная».

– Жорик, – с укоризной выговорила Даша.

– А чё «Жорик»? – невозмутимо ответствовал верзила. – Пионэры поедут развлекаться, а нам скучать?

– Жора, тебе же машину вести потом, – робко напомнил Витька.

– А то я забыл! – тот выкатил свои болотные глаза на Витьку. – Не бзди, пионэр, прорвёмся!

Потом повернулся к хозяйке:

– Ну так как, мамаша, найдёшь закусь хоть какую-нить?

Старушка поглядела на него, как мне показалось, с некоторым сожалением, легонько вздохнула:

– Ну, коли вам, молодой человек, это лучше, что ж... вот, держите. – Она поставила на стол блюдо с ломтями хлеба. Потом добавила к ним нарезанное кусочками розоватое сало и солёные огурцы.

– Во, это совсем другое дело! – Жора аж потёр руки. – Уважили, мамаша! Даха, ты будешь?

– Не, Жора, я не хочу, – дёрнула та плечиком. – Как тебе в жару охота?

– Ну как хошь, – Жора стал отвинчивать пробку. – Мать, давай стопарь!

Он набулькал стопку до краёв, резким движением опрокинул в себя, довольно крякнул: «Эх, хорошо пошла!» и захрустел огурцом.

Витька тем временем показал свою тару хозяйке и сообщил, что все банки хочет наполнить мёдом. Старушка ответила: «Пойдём, милый, в сени». Я торопливо допил свой чай и поблагодарил её, вылезая из-за стола. Сидеть рядом с Жорой, который, развалившись на лавке и не обращая на меня внимания, закидывал себе в нутро одну стопку за другой, было удовольствием ниже среднего. Я решил выйти с Вить-

кой, с нами пошла и Даша – проконтролировать процесс за-
товаривания.

В сенях стояли несколько больших молочных бидонов, литров этак на сто, и рыночные весы с гирями. Бабуся сноровисто наполнила черпаком все банки. Потом положила на весы шматок смолистого пахучего вещества светло-коричневого цвета, завернутый в полиэтиленовую плёнку – тот самый прополис. Он потянул более чем на килограмм.

Витька достал деньги, расплатился с хозяйкой. Вид у него был довольный: груз поручения сбросили.

– Ну, что, первая часть программы выполнена? – спросил я Витьку, когда Даша вернулась к Жоре, бабуся пошла по своим делам, и мы остались в сенях одни.

– Это точно, – подтвердил Витька, сияя, как только что выпущенная монета.

– Я предлагаю пока всё это оставить тут, – я показал на покупки, – и съездим, куда собирались. Немного там пошаримся и назад. Часа за два управимся.

– Не знаю... – замялся Витька. – Честно говоря, уже и ехать-то в ту даль неохота.

Я такого поворота не ожидал.

– Ну начинается, – сказал я с досадой. – Вить, ты чего? Мы ж собирались!

– Да этот сейчас напьётся... – он мотнул головой в сторону двери, – боюсь, как бы он не отмочил здесь чего-нибудь непотребное. Лучше домой поехать.

– Так пусть он, пока мы ездим, тут останется, протрезвет! – горячо возразил я. – Ему сейчас за руль никак нельзя!

– Да ему по фигу это, – ответил Витька с каким-то обречённым видом, – я его знаю.

– По фигу, не по фигу, – сказал я с нажимом, – мы ж хотели ехать к выработкам и поедем. Что нам твой Жора, указ?

– Он такой же мой, как и твой, – огрызнулся Витька.

– Так ты чего предлагаешь? – продолжал я. – Сидеть тут, ждать, пока он в норму придёт, а потом назад? А я зачем пёрся с вами?

Витька тяжело вздохнул:

– Ну прости, Славка! Я за него не могу отвечать, сам понимаешь... В следующий раз без него поедем.

– Когда он будет, этот следующий раз! – невесело усмехнулся я. – Слушай, ну ведь сестра твоя с ним. Тем более с нами он и не собирался. Давай, поехали!

На Витькином лице отображалась мучительная борьба. Наконец он выдавил:

– Ладно, чёрт с ним, поехали.

Мы вернулись в горницу. Витька объявил, что сейчас сгоняет со Славкой, со мной то бишь, куда и собирались. Даша безразлично ответила – мол, флаг вам в руки, но тут же добавила:

– Только недолго, слышь, Витька! Мы тут вас до вечера ждать не собираемся!

Жора, который к тому времени опустошил почти всю бутылку, поднял на нас мутный взгляд, протяжно рыгнул и произнёс тяжело:

– Э, гуси, вы чё, без меня надумали ехать?

– Жора, так ведь ты и не собирался, – с виноватым видом ответил Витька.

Он всё время говорил с этим типом, как будто оправдывался в чём-то. И мне это не нравилось. Но, наверное, и я выглядел в общении с Жорой отнюдь не более дерзким.

– А щас собираюсь! – Жора хлопнул кулачищем по столешнице так, что стопка подпрыгнула. – Я за тебя отвечаю перед твоими родоками. Усёк, пионёр?

– Понятно, – сокрушённо выдохнул тот.

Да, похоже, от него нам было не избавиться. Сейчас поездка уже не представлялась мне столь увлекательной. У меня мелькнула мысль: а может, действительно лучше домой? И тут же оборвал себя: в таком состоянии Жоре управлять машиной на трассе – да пожалуй, будет безопаснее, если Витька сядет за руль. Но ведь этот бугай не позволит.

И сидеть тут, в чужом доме, не хотелось. Хозяйка нас пока не выпроваживала, но делать нам тут было больше нечего. Да и ей вряд ли нравилось лицезреть незваного напившегося гостя, да ещё с манерами, далёкими от джентльменских.

– Если поедem, так уж все вместе, – сказала Даша. – Чего

мне тут одной париться?

– Верно соображаешь, куколка, – заржал Жора и похлопал её по спине.

Он долил остатки водки, махнул стопку. Потом сграбастал последний кусок хлеба с салом, и, жирно чавкая, объявил:

– На выход, гуси!

Мы попрощались с гостеприимной хозяйкой и вышли из избы. Уже было три часа дня.

Витька и я несли к машине тяжеленную сумку, взяв с двух сторон каждый по ручке. И тут только я подумал о том, что до сих пор ни одна пчела меня не побеспокоила.

Я вспомнил об этом, потому что снова увидел недалеко от избы ульи, которые издали казались мне почтовыми ящиками. И услышал жужжание недалеко от себя. Скосив глаза, я увидел, что рядом вьются, резко дёргаясь в воздухе, три или четыре пчелы.

Меня тут же охватил знакомый страх, я замотал головой, запнулся и чуть было не выпустил сумку из руки. Витька почувствовал это и оглянулся на меня:

– Ты чего? А-а, вот оно что... – он прыснул, но мне было совсем не до веселья. – Ладно, пошли скорей!

Я и так немного запыхался, но те несколько шагов до машины дались мне чуть ли не на пределе сил. Когда мы запихивали сумку в багажник, я весь трясся и пот лил с меня в три ручья. Я перевёл дух, только когда мы сели в машину.

Жора опять занял место водителя. Даша на сей раз уселась

рядом с ним на переднее – наверное, ей хотелось любоваться видами по ходу движения. Мой испуг они тоже заметили.

– Чё, профессор, страшно? – загыгыкал Жора. – Куда тебе по месторождениям лазить, если от пчелы обоссался!

От него неприятно разлило алкоголем на весь салон. Я демонстративно открыл окошко пошире и ответил как можно спокойнее:

– Всё в порядке, поехали.

– Жор, – опять стал канючить Витька, – ну давай я поведу!

– Умолкни, не ной, – отрезал тот. – Ты ещё на этой тачке накатаешься! Сейчас вырулим с пасеки, до развилки доедем, и поменяемся.

Он повернул ключ, загудел двигатель.

И тут через окошко влетела пчела. Она, тревожно жужжа, заметалась по салону.

Меня снова всего передёрнуло, я вжался в сиденье. Даша нервно взвизгнула.

Пчела стала биться изнутри в лобовое стекло. И тут Жора своей медвежьей лапой одним махом прихлопнул её прямо на стекле, оставив жёлто-коричневое размазанное пятно.

– Фу, Жорик, – сморщилась Даша.

– А чё с этими тварями церемониться? – Жора зыркнул на меня. – Вот как надо с ними, ботаник! Учись, пока я жив!

И снова гадко заржал, пока Даша протирала стекло куском ветоши.

Витька деликатно спросил:

– Ну что, едем?

– Вперёд! – гаркнул Жора и надавил на газ.

Джип рванулся с места. Это последнее, что осталось в моей памяти до того, как...

...в моём восприятии мира образовался тёмный провал. Как будто меня надолго закрыли от всего мира глухим непроницаемым колпаком. Или, лучше сказать, я как бы заехал в длинный тоннель, куда не проникало ни малейшего света. А потом снова выехал, оставив часть реальной жизни там, во мраке. Что там было, я не мог вспомнить, пока не очнулся в другом месте. Через неопределённое, судя по всему, весьма долгое время.

Моё сознание, блуждавшее целую вечность где-то в темноте без чувств, мыслей и образов, в какой-то момент начало собираться воедино. В тот сгусток жизни, который называл себя «Я». Он начал смутно, а потом всё чётче ощущать свою отделённость от мира и собственные границы. Потом начали медленно, страшно медленно выплывать из небытия и постепенно усиливаться разные ощущения. Наконец, я ощутил своё тело и смог пошевелиться.

Разлепив веки, сначала я долго не мог понять, где нахожусь. Я неподвижно лежал на спине, ощущая во всём теле тягучую, ноющую боль. Надо мной висел высокий белый по-

толок, а в воздухе стоял специфический запах, куда менее приятный, чем у... Да, чем у луговых трав – это было первая ассоциация, которая пришла мне в голову.

Очень быстро я сообразил, что лежу на койке в больничной палате. Голова у меня была забинтована. Перебинтованы были обе руки. И, похоже, загипсована правая нога ниже колена. Рёбра адски горели, болезненно пульсировало в голове, ныли локти, но особенно сильно болела нога – та, что была в гипсе. Каждое движение усиливало страдание и отдавалось во всех уголках туловища. Всё же я, преодолевая боль, осмотрел помещение.

Палата была небольшая, двухместная, но лежал я один. Вторая койка была пуста.

Никого рядом со мной не было. Из-за двери, в коридоре, изредка доносились шаги и приглушённые голоса. Пока никто не знал, что я пришёл в себя.

Я мучительно пытался вспомнить, что со мной случилось, и как я здесь оказался. Но ничего не получалось. Мелькали в голове только какие-то смутные бессвязные обрывки.

После многочисленных попыток эти обрывки всё же как-то сложились в более-менее понятную картину событий. Но только до некоей черты.

Я помнил, кто я такой – шестнадцатилетний парень по имени Слава. И что мы с моим другом и одноклассником Витькой поехали на подаренной ему машине за город. Куда, зачем? Кажется, мы намеревались обследовать какие-то за-

брошенные места... А, туда, где добывали всякие известняки и ещё... ещё шунгит, точно. Я ж хотел набрать.

Да, ещё с нами была его сестра Даша и её дружок Жора... И ещё мы заехали по дороге... ну, не совсем по дороге – куда-то в сельскую местность. Кажется... ну да, к местным пчеловодам. Это Витьке дома дали задание купить мёда. Так, и что дальше?

Мы посидели в доме у хозяйки (хозяина-то не было), Витька купил, что ему было наказано, и... Ну а что там могло быть дальше? Мы назад поехали... Пстой-ка, почему назад? Мы ведь собирались *туда*... По крайней мере, я собирался. Ради того и затеяли эту поездку, а на пасеку-то как бы заодно привернули... Хорошо, а затем? Ну, то понятно: сели и поехали. Во всяком случае, тронулись, это я ещё помню. А вот после...

Потом – как глухая стена. Как будто в моём сознании упал барьер. Такой абсолютно непреодолимый барьер от земли до неба и толщиной многие метры. Будто кто-то недобрый и куда более могущественный взял и по своему усмотрению выхватил кусок из ленты моей жизни чудовищными ножницами. И потом склеил концы – вот мы поехали, а вот я лежу тут, покалеченный. А что случилось между – неизвестно...

Я напрягал память, но тщетно. К тому же мешала головная и прочая боль, которая от малейших умственных усилий только обострялась. Мне лишь удалось ещё вспомнить, что за руль сел Жора. И что он был пьян – выдул бутылку водки,

когда мы сидели дома у хозяйки пасеки.

Чёрт, подумал я с нарастающей тревогой, неужели мы попали в аварию?

И что с остальными?

Я уже не мог найти себе покоя, пока в палату не вошла медсестра – полноватая блондинка лет тридцати пяти.

– Ну что, очнулся, наконец? – бодро спросила она с улыбкой.

Её голос, грудной и приятный, несколько успокоил меня.

Я слабым голосом прохрипел – губы и горло с трудом слушались:

– Что со мной случилось?

– А ты, голубчик, не помнишь? – Она присела рядом с койкой на табурет.

Я отрицательно качнул головой:

– Нет, всё как в тумане... Мы что, на машине разбились?

На лице медсестры отразилось недоумение.

– На какой машине? Тебя, парень, нашли недалеко от известнякового месторождения, – она махнула рукой на северо-запад. – Одного нашли, понимаешь? Сильно был травмированный, и не помнил ничего. Значит, и сейчас не помнишь, понятно... Ну чего удивляться – сутки, считай, лежал без сознания.

Значит, мы всё-таки туда доехали... Я мучительно сглотнул. Тогда почему я был один?

– А вы... не знаете, что с другими? – выдавил я.

– Ты про кого? Про тех, с кем ты вроде как туда поехал?
Я кивнул.

– С ними всё в порядке, – снова улыбнулась женщина. – Это друг твой сообщил, что ты туда один полез и там пропал.

«Ну, слава богу! – пронеслось у меня в голове, – значит, всё не так страшно, как я подумал».

– Значит, я один туда полез? – переспросил я.

– Ну, получается, что так. Да там можно пропасть-то, территория большая! Ну, я подробностей не знаю, так что врать тебе не буду. Ты потом сам у кого надо всё разузнаешь. Скажу только, что сама слышала от спасателей: искали тебя долго, а нашли где-то в стороне от мест выработки, у леса. Ты был без сознания. Голова расшиблена, грудная клетка, руки-ноги тоже. Черепно-мозговая травма. Судя по всему, ты получил сотрясение мозга. И переломы диагностировали. Хорошо, что закрытые: рёбра вот, и нога тоже.

– Переломы? – механически повторил я.

У меня никогда не было такого в жизни. Мне хотелось застонать не столько от боли, сколько от ужаса осознания всего, что произошло со мной. Наверное, это и было то, о чём меня в своё время предупреждала мать, когда говорила, что найду-таки себе приключений.

– Да ты не пугайся, – сказала женщина непринуждённо, – это только слово страшное! Ты молодой, у тебя скоро всё заживёт. В твоём возрасте кости быстро срастаются.

– Спасибо, хотел бы верить, – слабо улыбнулся я.

– Ладно, – сказала медсестра, поднимаясь, – разговоров на сегодня хватит, а сейчас тебе надо вколоть глюкозу и обезболивающее. Потом сообщу врачу. Маму твою надо обрадовать: она же весь вчерашний день не отходила от тебя, ждала, что придёшь в себя. Лежи, отдыхай!

Она вышла и ненадолго оставила меня одного.

В течение оставшегося дня в палату зашёл наблюдавший меня врач – хирург, мужик лет сорока. С ним мы тоже немного поговорили, но я не узнал ничего нового сверх того, что рассказала медсестра. Он тоже меня всячески подбодрил и ушёл, сказав напоследок, что мне надо радоваться, так как травмы, в общем-то, не такие уж страшные; а лежать мне тут недолго, – от силы недели две.

Потом ближе к вечеру появилась матушка – ну, содержание нашего недолгого разговора представить нетрудно. И, разумеется, все её эмоции. Она повторила мне примерно тот же рассказ, что я слышал раньше, но с ещё некоторыми подробностями. Мол, меня нашли спасатели, вызванные Витькиными родителями. Я лежал без сознания, недалеко от выходов известняковых пещер на окраине месторождения. Как я там очутился, никто ничего вразумительного сказать не может. Мои спутники в один голос утверждали, что мы с Витькой пошли к местам выработки минералов.

По словам Витьки, я отошёл далеко от него и провалился в один из шурфов – это такие вертикальные скважины, которые проделываются в породе для отбора проб или добычи минерала. Достать меня попутчики оттуда не смогли, поэтому поехали назад за помощью. А нашли меня после долгих поисков совсем в другом месте.

Мне со своей стороны пришлось ей рассказать то немногое, что я помнил. То, что я узнал от матери, вроде бы проясняло картину случившегося со мной. Но не до конца. Действительно, если я упал по неосторожности в шурф, то как оказался там, где меня нашли?

Впрочем, долго размышлять о том не было пока ни сил, ни желания. Главное, остался жив, думал я, а остальное приложится.

Посидев немного, поплакав то ли от горя, то ли от радости, что всё закончилось относительно благополучно, матушка ушла домой. Потом мне сделали ещё какие-то инъекции, перевязали, и меня сморил тяжёлый сон без сновидений – почти такой же, как и состояние беспамятства, в котором я недавно пребывал.

На следующий день, около полудня, ко мне пожаловал Витька – весть о том, что я очнулся, распространилась быстро. Он натянуто улыбался, но что-то в его лице выдавало озабоченность. Может быть, он чувствовал нечто вроде вины, что не оказался рядом, когда я сверзился в ту злополучную дыру. После взаимных приветствий и расспросов о мо-

ём самочувствии он вкратце поведал мне с незначительными подробностями то, что я уже слышал. С его слов, мы доехали до места выработок, я и Витька пошли туда, а Жора с Дашей остались дожидаться нас в машине. Когда забрались наверх и стали разгуливать по известняковому плато, у него развязался на кроссовке шнурок. Он присел, а я, увлечённый зрелищем, устремился вперёд, оставив его позади. Я что-то там заметил интересное – потом оказалось, отверстие шурфа, и подошёл близко, к самому краю. А поскольку порода непрочная, рыхлая, она стала осыпаться под моими ногами, я не успел отпрянуть и полетел вниз. Высота там была, сказал Витька, метров пять.

Когда Витька добежал до края, я лежал внизу без движения. Признаков жизни не подавал. Они, конечно, перепугались не на шутку, но никакого способа достать меня не было.

Сам бы я из этой ямы, разумеется, не выбрался, даже если бы после падения остался цел и невредим. Там стенки почти отвесные и твёрдые, а диаметром она метра два на поверхности, и вглубь ещё немного сужается как морковка.

Конечно, сразу поехали назад и при первой же возможности сообщили в службу спасения. Машина с бригадой (Витьке пришлось ехать с ними, чтобы показать) прибыла на место только часов через пять. Но в шурфе, к Витькиному изумлению, меня не оказалось. Обследовали все близлежащие – никого. Витька выслушал в свой адрес немало нелестных эпитетов, но упорно продолжал клясться и божиться, что упал

я вот именно в одну из этих зловещих дыр.

Спасатели, обходя всё месторождение (а оно в самом высоком месте с девятиэтажку будет, а по площади как городской микрорайон) заметили моё тело, лежавшее недалеко от подножия этой известняковой горы. Когда меня подобрали, оказалось, что рядом есть несколько отверстий типа пещер. Но как я из шурфа перенёсся туда, осталось загадкой. Мужикам из спасательной бригады, естественно, недосуг было это выяснять. Нашли человека – и хорошо. Оказалось, я жив, хоть и побит изрядно. Повезли сразу же в больницу. Ну вот, закончил Витька свой рассказ, а остальное тебе известно.

– Так чего, Славка, ты и вправду ничего не помнишь? – переспросил он, и в его голосе мне послышалась нотка беспокойства.

– Ничего, Вить, совсем ничего, – ответил я. – Вот как с папки поехали... а потом всё темно, как в могиле.

– Ну да ладно, и чёрт с ним, – выдохнул Витька, как мне показалось, с некоторым облегчением. – Главное, живой.

Он немного ещё посидел, обсуждая со мной произошедшее. Потом зашла медсестра, строго сказала, что, мол, хватит разговоров – я ещё слаб, да и на процедуры мне скоро. Она была права – общаться было мне трудно и больно. Витька выразил ещё раз радость по поводу того, что всё обошлось относительно благополучно, и ушёл, сказав напоследок «Давай поправляйся!»

Спустя пару часов ко мне с визитом явился незнакомый человек в штатском. Он представился следователем из городского управления внутренних дел. Этого я никак не ожидал. Следователь задал мне несколько вопросов о нашей поездке. Я добросовестно рассказал ему всё, что смог вспомнить. Он записывал всё в блокнотик. Потом он спросил ещё раз, правда ли, что я ничего не помню с того момента, как мы поехали с пасеки. Я подтвердил: совсем ничего. Вообще мне показалось несколько странным, что моим злоключением заинтересовалась полиция. Но виду не подал.

Следователь сказал: «Ну, если чего важное вспомните, молодой человек, прошу, сообщите нам». Я, не выясняя, что он имел в виду под «важным», ответил: «Обязательно!» После чего следователь, пожелав мне скорейшего выздоровления, оставил меня одного.

Потом опять были инъекции, мытарства с перевязкой и обработкой ран, но я старался держаться стойко. В конце концов, сам туда полез, чего теперь стонать? Раз нашёл проблем по собственной дурацкой инициативе – терпи и отвечай за последствия!

Остаток дня я лежал в тихой дрёме. Уже был вечер, когда в палату ко мне зашёл ещё один человек.

Но я немного забегаю вперёд. Этому предшествовало ещё

одно небольшое событие. Через раскрытое окошко в палату залетела пчела. Я сначала услышал тихое жужжание, потом открыл глаза и увидел, что насекомое вьётся надо мной, в метре над моим лицом.

Именно пчела, а не муха.

Я где-то читал, не помню где, – чего боишься, то к себе в жизни и притягиваешь.

Вот, скажем, боишься собак, – если попадётся на пути злая, непременно набросится. Ибо они чувствуют чужой страх. Или те же гопники – чем больше стараешься их избегать, тем больше вероятности столкнуться с ними где-нибудь в безлюдном месте.

Не знаю, насколько это правда, но со мной, похоже, так и есть. Ладно, на пасеке в машину залетела – не удивительно, там их тьма-тьмуца, шныряют повсюду. Но каким ветром её сюда занесло, и, главное, – ко мне? Преследуют они меня, что ли, эти чёртовы пчёлы?

Насекомое, будто привлечённое моим страхом, кружилось рядом, постепенно снижаясь. Я задёргался, замахал руками, мне хотелось закричать что было силы. Но из горла у меня вырвался только скулящий хрип. Мне удалось отогнать пчелу, но ненадолго: через несколько секунд она снова, словно издеваясь и наслаждаясь моей беспомощностью, загудела на расстоянии полуметра от моего лица.

Тут дверь в палату открылась, и вошёл незнакомый мне человек. Это был худой, сутулый мужчина в годах, немно-

го, пожалуй, выше среднего роста. У него была аккуратная седая бородка и усы, волосы тоже изрядно посеребрённые сединой, на носу сидели очки в старомодной роговой оправе. На вид ему было лет семьдесят. Одет он был в потёртые вельветовые брюки, рубашку с коротким рукавом и жилетку, поверх которой был накинут, как положено посетителям, белый халат. Он приветливо улыбнулся мне, подошёл и сел рядом на табурет.

– Здравствуй, молодой человек, – сказал мужчина приятным мягким голосом. – Я психотерапевт. О твоём случае знаю. Моя задача – помочь тебе восстановить память.

Было в его манере говорить и во всём облике что-то успокаивающее. Пчела, которая всё еще сердито жужжала рядом со мной, оставила меня и принялась витать уже над ним.

Я перевёл дух и с трудом выговорил:

– Здравствуйте...

– Что, Слава, не по себе? – он, еле заметно усмехнувшись, показал глазами на пчелу.

В том, что он знал моё имя, не было ничего странного. Было удивительно, что он сразу догадался о моём отношении к этим насекомым. Может быть, потому, что вид был у меня напряжённый и испуганный.

Я попытался улыбнуться ему в ответ, но улыбка вышла жалкой и неубедительной.

– Пчёл бояться не стоит, они не опасны, – произнёс он размеренным, убаюкивающим тоном. – Люди бывают гораз-

до опаснее... Будем знакомы, меня зовут Пётр Арсеньевич.

Я приветственно покивал головой и просипел:

– А как вы помогать-то мне будете?

– Ну, методы есть разные... – задумчиво ответил Пётр Арсеньевич, пристально глядя на меня через толстые стёкла очков. – Я думаю, в нашем с тобой случае лучше всего подойдёт регрессивный гипноз.

Тут у меня внутри мелькнуло смутное чувство, что всё-таки этого человека я уже видел. Но где, когда – совершенно не было никаких даже намёков из глубин памяти.

– Гипноз? – переспросил я озадаченно.

– Да, мы с тобой попробуем под гипнозом погрузиться в провалы твоей памяти. И извлечь оттуда то, что от тебя скрыто.

– Ну, не знаю... – неуверенно пробормотал я. – Никогда не погружался.

Признаться, такое испытание было для меня внове. Я даже не был уверен, хочу ли узнать, что было в том тёмном промежутке, который выпал из моей жизни.

– Знаешь, Вячеслав, – мягко, но убедительно ответил психотерапевт, – это нужно может быть не только тебе. Ведь и другие люди хотели бы восстановить картину того, что с тобой случилось. Твои близкие, например.

– Ну, давайте попробуем, – выдавил я. – Но я не уверен, что получится.

– Уверенности ни у кого быть не может, – улынулся Пётр

Арсеньевич, – но попробовать всё равно стоит. Согласен?

Я кивнул.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо промолвил мой молодой собеседник. – Одного раза, скорее всего, не хватит, поэтому сеансов у нас будет несколько. Если ты готов, можем начать прямо сейчас.

Я задумался. Пчела продолжала назойливо гундеть где-то под потолком.

– Хорошо, – проговорил я с трудом, – но давайте сначала пчелу выгоним. Пока она тут, я не смогу.

– Конечно, – опять усмехнулся в свою бородку психотерапевт.

Он подошёл к окошку, распахнул его полностью.

Пчела, как будто повинясь его приглашению, через пару секунд вылетела из помещения. Пётр Арсеньевич прикрыл окно.

– Вот и всё, – сказал он с улыбкой, вернулся к моей койке и снова сел рядом, испытующе глядя на меня. – Ну что, начнём?

Пётр Арсеньевич достал из кармана жилетки часы на цепочке с откидной крышечкой. Похоже, старинные. Я отметил про себя, что как раз такие часы, а не наручные, лучше подходили к его облику.

– Вот, Слава, смотри, – он взял цепочку за конец, повёл взад-вперёд, и часы стали раскачиваться на цепочке, как маятник. – Сосредоточь взгляд на часах и следи за их движением. Одними глазами, головой вертеть не надо. И внимательно слушай, что я говорю. Задача ясна?

– Да, постараюсь, – ответил я.

В принципе, я представлял себе, как это будет происходить. Помнится, я однажды присутствовал на выступлении эстрадного гипнотизёра. Он вводил в транс прямо на сцене разных желающих из зала на счёт «десять». И потом они под общий восторг и хохот вытворяли разные забавные штуки. Да, это было интересное зрелище.

– Итак, – продолжал Пётр Арсеньевич, – я буду считать от одного до десяти. Когда я произнесу «десять», ты погрузишься в гипнотическое состояние и начнёшь вспоминать всё, что с тобой произошло. Начинаем!

Я сфокусировал глаза на тускло блестящем серебристом диске часов. Он мерно качался на расстоянии вытянутой руки от моего лица.

– Один, – послышался голос психотерапевта. – Ты спокоен и расслаблен. Все мысли улетели. Лоб чувствует приятную прохладу. Два... Дыхание глубокое и размеренное. Хочется спать, только спать. Три... Веки тяжелеют. Руки и ноги медленно-медленно наливаются свинцом...

Я слышал его голос, и по мере того, как он говорил, моё зрительное восприятие мира стало сужаться. Исчезла боль-

ничная палата, исчез мой собеседник, исчез потом и я сам. Осталось только это мерное движение туда-сюда мерцающего диска перед глазами. И голос, который погружал меня в зыбкую, вязко обволакивающую темноту.

Когда он дошёл до семи, слова стали долетать до меня откуда-то издалека, но я продолжал отчётливо воспринимать их. Даже не ушами, а странным образом всем своим существом. Они как будто передавались мне через некую вибрирующую струну, туго натянутую между мною и их источником. Эта вибрация отдавалась где-то глубоко внутри, превращаясь в смысл.

– Ты погружаешься в сон, всё глубже и глубже... – говорил мне голос, захвативший и направлявший моё сознание. – Десять! Ты погрузился на дно. В самую глубину своих воспоминаний. Ты слышишь меня?

– Да, слышу, – механически ответил я.

Голос мой доносился тоже как бы со стороны, будто принадлежал другому человеку. Но меня это не удивляло: не было вообще никаких эмоций. Всё происходящее я воспринимал отрешённо, будто происходило это с кем-то мне незнакомым.

– Ты должен вспомнить то, что случилось с тобой после того, как вы поехали с пасеки и перед тем, как тебя нашли. Вспоминай!

Эта команда разверзла передо мной гулкую космическую черноту. Там не было... не было ничего.

– Вспоминай, – настойчиво повторил голос. – Вы сели в машину и поехали с пасеки. Что было потом?

Только крошечная темнота продолжала клубиться в моём сознании, и я прошептал:

– Ничего не помню, ничего...

Потом вдруг что-то словно бы подтолкнуло меня изнутри, и я вымолвил:

– Пчела!

– Что было связано с пчелой? – продолжал допытываться тот, кто говорил со мной.

– Она залетела в машину, пред тем как мы поехали, – деревянным голосом произнёс я. – Я сильно испугался. Жора её раздавил. Дальше не помню...

– Хорошо! – Слово упало как капля с большой высоты. – Попробуем с другого конца. Тебя подобрали без сознания возле известнякового месторождения. Там поблизости пещеры. Что было до того? Как ты там оказался? Вспоминай!

Перед моим внутренним взором замелькали смутные образы, как кадры фильма при ускоренном прокручивании киноплёнки.

– Да, там были выходы... Я выбрался оттуда. А потом мне стало плохо, и я упал... потом очнулся уже здесь. В больнице.

– Как выбрался? Как ты там оказался? – продолжал допрашивать голос.

Он был похож солнце в пустыне, от которого никуда

не деться. Это солнце беспощадно, яростно буравило лучами глухую и чёрную, как шунгит, толщу моей памяти.

И там, в той непроглядной тёмной глубине, на самом дне, что-то зашевелилось, удушливо и болезненно.

– Кажется, вспоминаю... – прошептал я.

...Мне было действительно тяжело и душно. Я не видел ничего, но ощущал, что не хватает воздуха, всё тело сковано непонятно чем и дьявольски ноет. Боже, как больно!

Я зашевелился и понял, что нахожусь в какой-то тесной яме, и вдобавок засыпан сверху чем-то твёрдым и сыпучим. Господи, что же со мной случилось? Ведь я упал куда-то... Да, точно, упал в ту яму. А сверху на меня насыпалась порода.

Я пошевелился сильнее, высвободил голову из-под кусков и крошки известняка. Взметнувшаяся пыль тут же запершила у меня в дыхательных путях, и я зашёлся приступом мучительного кашля. Когда прошло, я осмотрел ловушку, куда меня угораздило.

Да, я лежал в скрюченной позе на дне того шурфа, к которому так неосторожно приблизился. Разбитые очки валялись рядом. Надо мной, на высоте этак второго этажа, синел круг вечернего неба. Я глубоко вдохнул, заорал, насколько хватило силы в лёгких. Раз, другой. Никто мне не ответил.

Меня охватили страх и отчаяние. Выбраться самому отсюда было нереально. Я и пошевелиться-то еле мог.

Но где же Витька, почему он не отзывается? Он же был со мной! А те двое? Может, они все поехали за помощью? А что если они меня просто бросили? А если меня тут не найдут? Или найдут, только когда от меня останется один скелет?

Опять на меня накатила волна панического страха. Я ещё несколько раз крикнул, преодолевая боль в голове и во всём туловище. Но скоро понял, что вопить бесполезно: никто меня не слышит.

С другой стороны, я не разбился сразу. Известняк, слава богу, – мягкая порода. Вот если б это был, скажем, гранит, я бы при падении с такой высоты мог и не очнуться больше никогда. Да ещё за плечами рюкзак, он немного удар смягчил. Главное, я уцелел. Осознание этого придало мне немного сил, и я успокоился. Пока я жив, сдаваться рано. Надо хотя бы попытаться что-то сделать.

Я стал ворочаться так и этак, стена от боли, пронизывающей тело во всех направлениях при каждом движении. Но что мне ещё оставалось делать?

Понемногу я высвободился из кучи обломков, в которой находился. Достал из кармана сотовый, надеясь на чудо, но тщетно. Мобильник, в отличие от владельца, при падении не пострадал и был исправен. Но, разумеется, никакого сигнала здесь не ловилось.

Ободранными ладонями я стал ощупывать стены. И в одном месте она показалась мне влажной. Я пригляделся – так и есть: здесь порода была более тёмной. Я напряг память, вызывая из неё то, что читал про геологию родного края. Там, глубже, мог бить подземный родник. Или, скорее, какое-то скопление грунтовых вод, и влага просочилась в пористой породе досюда.

Я выбрал обломок потвёрже и стал стучать им в стену моей западни по тому месту. Потом вспомнил: ведь в рюкзаке есть прихваченный с собой геологический молоток. Его мне выдали во временное пользование в кружке, где я занимался. Да, сразу не вспомнил, потому что от удара головой соображал плохо.

Если бы я только знал перед поездкой, зачем этот молоток мне понадобится!

Я кое-как вытащил его и начал по мере сил орудовать острым концом. Дело пошло легче. Где-то я читал, что по шкале твёрдости известняк не превосходит человеческий ноготь. Сейчас я убеждался, что так оно и есть.

Мне повезло: порода легко крошилась, и, главное, становилась всё более сырой. Это обстоятельство меня обнадеживало. Измельчённый минерал приходилось отгребать назад, места было мало, и я понимал, что долго это продолжаться не может. Но мне ничего не оставалось, как с упорством дятла долбить и долбить. Сейчас я мог надеяться только на себя.

Я трудился с перерывами три часа и сумел проделать

в стене узкую нишу глубиной где-то полметра и примерно таким же диаметром. Известняк в этом месте уже сочился влагой: где-то недалеко был источник воды. Я с удвоенной силой стал колотиться в стену, и ещё через полчаса работы мои усилия были вознаграждены. Обломки стены обрушились куда-то в пустоту. Передо мной зияло чернотой отверстие, из которого тянуло холодной сыростью.

Судя по всему, я проделал вход в одну из многочисленных карстовых пещер. Эти полости вымываются в течение многих лет грунтовыми водами в известняковых породах. Они образуют длинные разветвлённые катакомбы, которые пронизывают толщу горы.

Похоже, мне повезло: шурф, в который я свалился, был проделан по счастливой случайности рядом с одной из таких пещер. Их отделяла перегородка толщиной не более метра, которую я смог разрушить.

Я расширил края отверстия настолько, что смог протиснуться в него. Потом пополз вперёд, волоча правую ногу, которая болела так, что хотелось выть во весь голос. Да и опираться на руки, а особенно на грудную клетку было почти так же больно.

Тем не менее, я потихоньку вылез из шурфа целиком и тут же плюхнулся в ледяную воду. Небольшое подземное озеро, вернее, глубокая лужа, – если бы стоял, уровень воды достал бы до колен. Соседнее «помещение», куда я попал, оказалось действительно одним из многочисленных от-

ветвлений системы карстовых пещер. Здесь, куда я выбрался, оно заканчивалось тупиком. Это была подземная камера с низким потолком, – настолько, что можно было передвигаться только на четвереньках. Свет сюда почти не проникал – немного попадало только через тот лаз, который проделал я.

Было темно и жутко холодно. Я посветил вокруг, включив сотовый. Слава богу, хоть он работал, не успел промокнуть. Я разглядел, что отсюда уходит в темноту такой же коридор с низким известняковым сводом, с которого срывались и гулко падали редкие одинокие капли. И я, как раненый зверь, пополз туда, по воде, в эту мрачную глубину, время от времени светя по сторонам включенным мобильником.

Я принял решение ползти наугад не разумом (может, разумнее было оставаться в шурфе, кто знает), а инстинктивно. Я почему-то был уверен, что не заблужусь. Не может такого быть после того, как я чудом выбрался из ловушки. И что обязательно найду теперь выход на свет божий.

Эта уверенность придавала мне сил, и я уже не обращал большого внимания ни на обжигающе ледяную воду, от которой немели конечности (в любое время года плюс пять, не более), ни даже на адскую боль в ноге и рёбрах. В расшибленной голове пульсировала одна мысль: выбраться! Я обязательно должен выбраться из этого мрачного подземелья!

И даже здесь мне повезло: я почти не плутал в подземных лабиринтах, только ткнулся пару раз в какие-то боко-

вые и короткие тупиковые ветки. Через полчаса повеяло слабое дуновение. Я воспрянул духом: значит, выход недалеко. К тому времени я насквозь продрог и выбился из сил. Я знал, что надолго меня не хватит. Поэтому радости моей не было предела, когда где-то впереди забрезжил слабый свет. Ещё минут десять отчаянных усилий – и я вылез наконец из плена известняковой горы через выход у самого подножия. Последние метры я преодолел уже на пределе возможностей своего естества. Я вылез мокрый, изломанный и не помнящий себя от усталости и боли. Это было похоже на рождение заново – из чрева горы.

Это путешествие через темноту вымотало меня настолько, что я тут же растянулся на траве. Меня разом покинули и силы, и сознание, как будто организм только теперь позволил им выключиться. Единственное, что я успел запомнить, перед тем как снова надолго впасть в беспмятство, – это то, что вылез я в неизвестном для себя месте. Это было совсем не тот участок месторождения, где мы с Витькой забирались наверх. И ещё – впереди в сотне метров начиналась стена соснового бора.

Потом всё вокруг заплясало, закружилось, будто затягиваемое в чудовищную вселенскую воронку... и снова провалилось в густой непроглядный мрак и тишину.

Только спустя целую вечность до меня донёсся голос, который считал от десяти до одного. И он повелевал мне вернуться из темноты в реальность, к которой я привык.

– Один! – сказал Пётр Арсеньевич, и я, вздрогнув, открыл глаза.

Психотерапевт сунул часы себе в карман.

– Ну как? Вспомнил? – он пытливо смотрел на меня через толстые стёкла.

– Да, кое-что вспомнил... – кивнул я. – С того момента, как очнулся в яме.

Я рассказал ему, как выбрался. Он внимательно слушал, не перебивая. Когда я умолк, он с удовлетворением в голосе констатировал:

– Ну что ж, хорошо! Определённый прогресс у нас налицо. Я так понимаю, последовательно вспомнить у тебя... то есть у нас с тобой не получится. Что-то там блокирует твою память. Обычно это какие-то травмирующие психику события...

– Травмирующие? – беспокойно переспросил я.

– Да, или страх... – он задумчиво посмотрел в окно. – Возможно, этот твой страх перед пчёлами. Или ещё что-то. А может быть, всё проще: частичная амнезия вызвана сотрясением. Во всяком случае, понятно, что воспоминания надо восстанавливать с конца. В обратном порядке. Ну да ладно, на сегодня хватит.

Он был прав: я словно заново пережил всё это в подробностях.

– Хорошо, Пётр Арсеньевич, спасибо вам, – ответил я.

Он подмигнул:

– Отдыхай, набирайся сил, а я приду завтра вечером.

Потом поднялся и вышел.

Я лежал и думал: и всё-таки, как он узнал про мой страх перед пчёлами? Неужели вправду догадался?

Впрочем, думать о том долго не хотелось, и я скоро заснул.

На следующий день после утренних процедур меня снова навестила матушка, и я обрадовал её тем, что уже чувствую себя получше. Она принесла кое-что из продуктов, личных вещей и несколько книг. Я тоже был обрадован: теперь лежать будет не так скучно. Мать, посидев недолго, ушла около полудня, а сразу после обеда явился Витька. Он принёс гроздь бананов, банку клубники, бутылку минеральной воды.

Я рассказал о вчерашнем визите психотерапевта. О его намерении помочь мне вытащить из памяти то, что у меня напрочь отшибло. Даже похвастался, что достигнут некоторый успех: я вспомнил, как продолбил дыру в стене, выбрался из шурфа в карстовую пещеру и потом выполз наружу.

Витька слушал мой рассказ, и мне показалось, что на его лице проступает некоторое напряжение. Когда я закончил, он помолчал, потом как-то смущённо прокашлялся и выдавил:

– Ну ты, Славка, молодчина, однако! Сам выбрался! Ты

уж нас прости, что мы... там тебя оставили. Но мы сразу поехали за спасателями! Самим-то нам никак тебя оттуда было не вытащить!

– Да я понимаю, Вить, чего ты извиняешься, – улыбнулся я через силу. – Вы всё правильно сделали! Это мне впредь наука. Надо смотреть, куда лезешь!

Витька снова помолчал, потом осторожно спросил:

– Слав, так ты и вправду только с того места помнишь? Ничего раньше?

– Да, только с того, как я очутился в яме. Но старик этот, психотерапевт, – он сказал, что со временем всё вытащим.

– А зачем? – Витька уставился на меня с недоумением. – Тебе ж всё и так рассказали!

А действительно, мелькнуло у меня в голове, зачем мне что-то вспоминать, если из Витькиного рассказа и так в общих чертах понятно, что случилось?

Но всё же... каким-то безотчётным и глубинным чувством я понимал, что в любом случае мне необходимо вспомнить. Вспомнить в подробностях, что тогда случилось. И я вдруг осознал, что это желание возникло с того момента, как я пришёл в себя на больничной койке. Оно тихо подавало сигнал откуда-то с дальних задворок подсознания, и сначала было незаметным для меня самого, но сейчас...

Сейчас оно было вполне осознанным, хотя и по-прежнему необъяснимым.

– Да понимаешь, Витька, как-то мне не по себе от того,

что не помню. Такое чувство, что упустил что-то важное... Хотя, скорее всего, ты прав – на фига мне это?

– Конечно, нефиг тебе насчёт того париться, – поспешно согласился Витька.

– Кстати, – спохватился я, – чуть не забыл: вчера ещё из ментовки ко мне приходил следователь. Тоже спрашивал, помню ли я что-нибудь...

– И чего ты ему сказал? – Витька снова заметно напрягся.

– А чего я мог сказать? – усмехнулся я. – То же, что и другим. Я-то как раз тебя хотел спросить, с чего бы это, как думаешь? Ну, грохнулся я туда, а полиции какой интерес?

– Ну, не знаю... – Витька потупился. – Наверно, из-за того что ты чуть не разбился. Да мне кажется, это просто, как его... формальность. То есть, я думаю, им положено в таких случаях потерпевшего допрашивать, что да как.

– Может и так... – протянул я задумчиво.

– Ладно, я пойду, – Витька встал, суетливо засобиравшись. – Скоро заскочу снова. Будь здоров!

– Пока, Витька, – ответил я. – Спасибо тебе за то, что навещаешь!

Он вышел, оставив меня наедине со странным послевкусием от разговора.

Будто он что-то недоговаривал, что-то от меня скрывал. Знал нечто такое, что мне знать, по его мнению, не нужно было. Но что? И почему?

Ведь, насколько я знаю, у нас до сих пор тайн друг от друга

не было.

Это ещё раз укрепило меня в намерении вспомнить. Всё вспомнить.

После того, как вечерние процедуры были закончены, и медсестра унесла остатки ужина, в палату снова появился Пётр Арсеньевич.

– Ну как самочувствие, гвардеец? – бодро осведомился он.

– Уже лучше, – ответил я, стараясь поддерживать ту же тональность беседы.

– Вот и хорошо, – психотерапевт потёр ладони одна о другую. – Готов продолжить наши раскопки?

– Да, давайте будем копать дальше, – кивнул я.

Пётр Арсеньевич без долгих разговоров достал часы.

– Итак, Слава, на чём мы вчера остановились?

– На том, что я продолбил стену и через пещеру вылез, – секунду помедлив, ответил я. – А до того, когда пришёл в сознание, оказался в яме.

Любые мозговые усилия всё ещё отдавались ноющей болью в голове, хотя и не такой сильной, как вчера.

– Значит, сейчас мы пойдём назад от того момента. Всё, как и вчера: следи внимательно за движением часов и слушай меня. – Он начал раскачивать часы на цепочке. – Я счи-

таю от одного до десяти. На счёт «десять» ты погрузишься в глубокий сон. Один...

И снова тёмное пространство внутри меня после его слова «Десять!» забурлило, закружилось. А потом стало медленно рассеиваться, как дым на открытом воздухе.

– Что было перед тем, как ты упал в яму? – повелевал голос. – Вспоминай!

Дымная пелена растаяла, и я снова видел себя как бы со стороны.

...Джип, подпрыгивая на ухабах и поднимая за собой облака пыли, мчался по грунтовке к возвышенности. Туда, куда мы и собирались попасть.

Её уже было видно вполне отчётливо на фоне тёмной линии лесов. Она вздымалась большой грязно-белой кучей с пологими склонами и неровно срезанной близко к основанию верхушкой. До неё было километров пять.

Я глянул на часы: было без двадцати пять вечера.

За рулём уже был Витька, и вёл он как-то нервно, вперившись напряжённым взглядом вперёд и крепко вцепившись в руль обеими руками. Насколько я мог разглядеть его выражение лица с заднего сиденья, особого восторга на нём не отражалось. Да и у меня на душе было скверно, не знаю, почему. Предстоящее приключение как-то уже совсем не радовало. Я не мог понять, в чём дело: то ли что-то плохое случилось, то ли должно было случиться... Впрочем, я *уже сейчас*, задним числом, знал, что ничего хорошего там меня

не ждёт. И не мог понять, кто тревожится – я тогдашний или я теперешний.

Жора сидел на соседнем с Витькой сиденье – разрешил-таки ему сесть за руль. Он тоже угрюмо молчал, ссутулившись и уставившись на дорогу. Даша, которая теперь сидела рядом со мной, отвернулась и глазела через боковое окно с каким-то замороженным видом.

Известняковая гора быстро росла, занимая всё больше обозримого пространства. Минут через шесть-семь мы подъехали вплотную к подножию. Витька заглушил мотор. Вблизи месторождение выглядело впечатляюще. Ничего подобного я раньше не видел.

– Да, круто... – пробормотал Витька.

– Ну что, идём? – сказал я.

– Пошли, – прокряхтел Витька и стал вылезать.

Мне уже не столько хотелось сходить к этому месту, которое давно манило меня к себе, сколько хотелось вылезти из машины, побыть на воздухе. И желательно одному.

Вроде никому туда ехать уже и не хотелось. Почему же нас понесло туда, а не домой? Наверное, прежде всего потому, что Жора был пьян. Ему пока нельзя было вести машину на трассе, и мы все это понимали. Наверное, и он понимал. И нам нужно было подождать какое-то время, чтобы хмель у него выветрился. Хотя бы отчасти. Вот почему мы решили всё же ехать туда. По крайней мере, в тот момент я думал так.

Мы с Витькой вышли. Я достал из багажника свой рюкзак-

чок, надел.

– Давай вот здесь пойдём, – сказал я, указывая на самое лёгкое, как мне казалось, место для подъёма.

– Ну, пошли там, – безразлично ответил Витька.

Мы без особого труда взошли на известняковое плато. Отсюда открывался потрясающий вид на все триста шестьдесят градусов. Леса, окружавшие месторождение, поднимались из-за неровностей ландшафта почти на всём обозримом пространстве как бы волнами. Местами над этим сплошным сосновым царством возвышались серо-коричневые верхушки скал. А на самом горизонте, за широкой зеленой полосой лугов, откуда мы ехали, серебристо блестели на солнце пятна озёр.

Мы с Витькой стояли, как зачарованные, озираясь и разглядывая эту красоту.

– Эх, классно! – сказал я.

– Да, всё ж не зря сюда ехали, – согласился Витька.

Мы помолчали. Вокруг было так здорово, и думать ни о чём плохом не хотелось.

– Как думаешь, скоро он протрезвеет? – наконец спросил я.

Витька пожал плечами.

– Да чёрт его знает... Может, и быстро. Он же здоровенный, как бычара. Это мы бы с тобой свалились с целой бутылки. А он может и две высадить зараз, нефиг делать.

– Так всё-таки, что теперь делать-то будем, Вить? – оза-

боченно спросил я.

– «Что делать, что делать...» – хмуро передразнил Витька. – Обсудили уже! А сейчас главное – до дома добраться нормально.

– Ладно, – вздохнул я. – Давай хоть пройдемся. Посмотрим, что тут интересного.

Я уже разглядел ближе к центру плато, в паре сотен метров от нас, какие-то странные отверстия. Мне сразу подумалось, что это ямы, сделанные в результате выработок либо геологоразведочных работ. И потом оказалось, так и есть.

Оглядевшись ещё раз, я увидел, что к нам пьяной вихляющей походкой приближается Жора. Пока мы с Витькой наслаждались видами и переговаривались, он поперся за нами и тоже поднялся сюда.

– Чёрт, его-то сюда зачем несёт? – с досадой, но тихо проговорил я.

– Да не знаю, что ему в машине не сидится, – хмыкнул Витька. – Может, за меня беспокоится.

– Сомневаюсь, – усмехнулся я. – Ладно, ты как хочешь, а я пошёл.

Я повернулся и зашагал к отверстиям, темневшим вдалеке на фоне изжелта-серой породы под ногами. Витька постоял, словно раздумывая, потом неуверенно тронулся за мной.

Подойдя поближе, я убедился: да, точно, это шурфы. Они располагались друг от друга на расстоянии нескольких метров. Вокруг отверстий из породы торчали какие-то металли-

ческие детали – наверное, остатки горнодобывающего оборудования. Когда-то, наверное, отсюда на поверхность извлекали доломит или что ещё там... Но почему-то перестали. Возможно, порода оказалась не подходящая, с примесями. Не знаю, надо будет преподавателя спросить...

Я думал обо всём этом механически и почти без всякого энтузиазма. Что-то другое тяготило меня и не шло из головы, как вбитый клин. То ли я тревожился, как поедет обратно, то ли ещё что... Сказать себе точно я по-прежнему не мог.

Я присел на корточки возле края одного из шурфов, заглядывая внутрь. М-да, ничего похожего на шунгитовые сланцы не наблюдается... Надо бы другие посмотреть, подумал я. Но сколько их тут всего? Сколько времени для этого понадобится? Захочет этот Жора нас дожидаться?

– Чё, профессор, интересно? – раздался совсем рядом Жорин пьяный голос.

Я вздрогнул. Жора стоял в метре от меня и криво усмехался, зажав в зубах дымящуюся сигарету. В раздумьях я и не заметил, как он подошёл. Витька тоже сделал несколько шагов ко мне, но держался поодаль, будто чего опасаясь.

Какая-то недобрая у этого бугая была ухмылка, и его тухлые глаза глядели колюче. Я начал было выпрямляться, ещё не осознавая, что у него на уме. Но не успел встать. Жора быстро шагнул ко мне, выбрасывая вперёд руку. Я успел разглядеть у него в руке небольшой предмет, похожий на сигнальный фонарик.

Но это был не фонарик. Жора резким движением ткнул меня в шею над ключицами холодной металлической поверхностью. И меня тут же с головы до пят с треском пронзил огненный спазм. В глазах у меня всё вспыхнуло, а всё тело словно бы скрутилось в звенящий жгут боли. Я даже крикнуть не успел. Последняя мысль, которая у меня мелькнула перед тем, как передо мной всё разом померкло, как будто за один щелчок выключился весь мир, – это то, что в руке у Жоры был электрошокер, и он ударил меня разрядом.

В следующий миг Жора сильно толкнул меня в грудь, и я, как мешок, полетел вниз.

Потом был удар, и надолго наступила темнота...

– ...Один! – кнутом хлестнул голос Петра Арсеньевича.

Я судорожно всхлипнул, дёрнувшись всем телом, и открыл глаза.

– Да, вот это неожиданность... – нахмурившись, произнёс Пётр Арсеньевич, когда я закончил рассказывать. – Ну и как думаешь, почему он это сделал?

– Понятия не имею, – сглотнув, с трудом выговорил я.

То, что всплыло из глубины памяти, было для меня шокирующим откровением.

Психотерапевт помолчал, раздумывая о чём-то. Потом

глубоко вздохнул и сказал:

– Вот что, Слава. Ты пока ничего никому не говори. И вообще не подавай виду, что это вспомнил. До поры до времени это должно остаться между нами. Нам с тобой нужно вспомнить, что было до того, как вы приехали к месторождению. Я предполагаю, что там у вас по дороге, после пасеки, что-то случилось. Следователь приходил к тебе неспроста. Нужно полностью восстановить картину событий. Тогда будет понятно, почему этот Жора сотворил такое. И почему твой друг, если всё видел, никому не сообщил.

– Ну, насчёт Витьки понятно, – ответил я. – Жора его просто запугал. Он и так-то Жору боится и слушается во всём... А вот зачем Жоре понадобилось меня спихивать в шурф? Да, тут не пойму. Я ему ничего плохого не сделал. Но не просто же так?

– Не просто, – кивнул Пётр Арсеньевич. – Даже самый отъявленный негодяй вряд ли станет без причины губить другого человека, да ещё на глазах у его друга. А ведь у него было явное намерение покончить с тобой. Как бы это ни было страшно тебе осознать.

Психотерапевт внимательно глянул мне в глаза из-под кустистых бровей. Он как будто хотел убедиться, что смысл сказанного дошёл до меня. Однако после всего пережитого, когда моя жизнь, можно сказать, висела на волоске, осознать и принять эту истину было не так сложно. Я кивнул и выдавил:

– Да, я это понимаю...

– Судя по всему, – уверенным тоном продолжал Пётр Арсеньевич, – он потом ещё накидал в яму сверху кусков этой породы. Чтобы всё выглядело, как будто ты сам упал. У него был мотив, и для него серьёзный. А какой – мы обязательно докопаемся. Но в следующий раз.

– Когда? – спросил я.

– Думаю, дня через три-четыре. Пока ты не готов вспомнить. Твоему организму надо восстановить все свои резервы, в том числе и психические.

– Хорошо, вам виднее, – пробормотал я.

– Отдыхай, Слава. – Пётр Арсеньевич поднялся. – Скоро увидимся снова. Но до тех пор, повторяю, о наших занятиях никому ни слова. Ни друзьям, ни полиции, ни даже маме. Договорились?

– Договорились, – я слабо улыбнулся.

Психотерапевт ушёл, оставив меня одного.

Да, теперь мне было о чём подумать.

Пётр Арсеньевич, как и говорил, на следующий день не явился. Не было его и послезавтра. Я за время его отсутствия поймал себя на мысли, что с нетерпением ожидаю его визита и следующего сеанса погружения в глубины своей памяти. Желание узнать, что произошло там, на дороге, свер-

было всё сильнее.

Большую часть своего лежачего времени я лежал, уставившись в потолок, и мучительно размышлял: почему Жора так поступил со мной? Не забавы же ради? Я же всё-таки человек, а не та пчела в машине, которую он недолго думая прихлопнул. Что я ему мог сделать? И ладно Даша – она в машине сидела. Она ни о чём не знала и, может, до сих пор не знает. Но Витька – он же всё видел... Почему он со мной и сейчас явно неискренен, и тогда на горе держался несколько странно? Будто он уже знал о Жоринем намерении... А сейчас стыдится того. Чего же он тогда меня не предупредил, не дал знать хотя бы намёком? Он что, с Жорой в сговоре?

Было много вопросов, а ответов не было ни на один.

Радовало одно: боль с каждым днём слабела, уходила из всех частей тела. Травмы заживали, я чувствовал себя бодрее и лучше. Меня продолжали возить на перевязки и прочие положенные в таких случаях экзекуции. Я терпеливо сносил всё это, тем более что каждый раз давалось всё легче.

Каждый день меня навещали разные люди. Кроме наблюдавшего меня врача и медсестры, разумеется, матушка приходила каждый день. Побывали одноклассники, оставшиеся на то время в городе и наслышанные про мою беду. Ещё родственники были. В общем, надолго я в одиночестве не оставался.

Следователь больше не появлялся. Наверное, решил, что

из меня выжать нечего, что бы он там ни хотел узнать. И я никому ничего не говорил из того, что открылось мне под гипнозом. Я помнил обещание, данное Петру Арсеньевичу, при том и сам понимал, что болтать лишнего не стоит. Хотя рассказать кому-нибудь страшно хотелось, аж язык чесался.

И всё-таки я не сдержался. Нет, не то чтобы рассказал или прямо дал понять, что вспомнил что-то. Просто не удалось мне хорошо сыграть роль человека, полностью потерявшего память. Уж слишком сильные эмоции вызывало у меня то, что я второй раз испытал во время погружения в своё недавнее прошлое.

Витька пришёл в палату через три дня после предыдущего визита. Он снова принёс кое-что из продуктов. Я поблагодарил, сказав при этом, какой он верный и хороший друг. На что Витька смущённо усмехнулся и спросил, как моё самочувствие. Я ответил, мол, ничего, иду на поправку. Мы поболтали ни о чём пару минут. Потом Витька опять как бы невзначай осведомился, не вспомнил ли я чего нового из того, что случилось.

Мне хотелось выдать ему, что помню, как Жора саданул меня электрошокером на глазах у него, у Витьки. Представляю, какое лицо было бы у него. И хотелось узнать, что он мне на это ответит. Но я только буркнул: «Да так, чуть-чуть помню, как упал, но в общем... смутно». Лучше бы я и этого не говорил, но врать я никогда не любил, и это давалось мне с трудом. Витька внимательно посмотрел на меня, и в гла-

зах его я прочитал недоверие. Вероятно, он почувствовал какую-то фальшь в моей интонации, – так же как я сразу уловил, что он от меня нечто скрывает. Он переспросил: «Точно ничегошеньки?» Я уже с лёгким раздражением ответил: «Ну а что я, по-твоему, должен ещё вспомнить?» и тоже испытующе уставился ему прямо в глаза. Витька отвёл взгляд, промямлив как-то неуверенно: «Ну, мало ли...»

Если бы на этом закрыли тему, то наверное, подозрений это бы у него не вызвало. Но какой-то бес дёрнул меня за язык в последний момент:

– Слышь, Витька, а ты сам-то видел, как я туда рухнул?

Мне всё-таки хотелось узнать, что он ответит. Витька поспешно ответил:

– Ну конечно, я ж тебе рассказывал! Ты стоял на краю ямы, и тут под тобой вдруг порода посыпалась. И ты не удержался. Мы с Жорой кинулись было тебя схватить. Но не успели... А у тебя что, сомнения? Сам, что ли, ты туда прыгнул?

Я пожал плечами:

– Да как-то странно это... Ладно, проехали.

Витька посидел ещё немного и ушёл.

А на следующий день днём в палату вошёл, к моему несказанному удивлению, Жора. Вот уж кого я никак не ожидал тут увидеть. На его широком прыщавом лице застыла эта обычная для него противная лёгкая ухмылочка. Я сразу понял, что он явился вовсе не для того, чтобы поинтересовать-

ся процессом моего выздоровления.

– Ну чё, профессор, поправляешься? – процедил он сквозь зубы, и было непонятно, спрашивает он или констатирует факт.

– Поправляюсь, – с вызовом ответил я, глядя в его физиономию с плохо скрываемой неприязнью.

– Живучий, блин, – протянул Жора, как мне показалось, с некоторой издёвкой.

Он воровато оглянулся, плотно закрыл дверь в палату, подошёл к моей койке и нагнулся. Я ощутил его смрадное дыхание и невольно поморщился.

– Ты, это... если чё такое помнишь, так помалкивай, понял? – произнёс он приглушённым голосом и нервно облизал губы.

– А что я должен помнить? – выговорил я, стараясь не отводить взгляда от его болотных глаз, которые буравили меня в упор. С таким же выражением он смотрел на меня перед тем, как ткнуть электрошокером.

– Коли ничё, так и хер с тобой, живи, – бросил он угрожающе. – Но смотри у меня... не дай бог, чего кому вякнешь. Закопаю. Я тебе сказал!

Он сунул мне под нос кулачище, который был немного меньше моей головы.

Потом он поглядел на меня ещё несколько секунд, как бы оценивая произведённое впечатление, повернулся и вышел.

Я остался лежать с колотящимся сердцем.

Теперь было ясно: там и вправду что-то произошло. Что-то, чему я стал свидетелем. И Жора не хотел, чтобы об этом узнали. Поэтому он и сделал это со мной.

Вечером того же дня пришёл Пётр Арсеньевич.

– Как дела? – поинтересовался он, усаживаясь на табурет рядом со мной.

Я ответил, что чувствую себя уже значительно лучше. Потом коротко рассказал, что приходил Витька, и похоже, несмотря на мою конспирацию, что-то заподозрил. Всё же я помимо воли сболтнул нечто лишнее. А вслед за ним приходил Жора, который угрожал мне.

Психотерапевт слушал, кивая головой. Когда я закончил, он сказал то, что я уже и сам понимал:

– Твой друг Витька всё это выспрашивал не по своей воле. Его Жора заставил. А когда ты невольно дал понять, что знаешь нечто, передал это Жоре. Тот встревожился и пришёл сам. Но ты ж ему не сказал ничего?

– Нет, не сказал. Но он теперь тоже подозревает что-то.

– Несомненно, иначе бы не явился к тебе с угрозами. В общем, нам осталось узнать, что он натворил перед тем. И сообщить куда следует. Готов?

– Готов, но понимаете, Пётр Арсеньевич... – пробормотал я и замялся.

– Боишься его? – понимающе поглядел на меня доктор.

– Ну да, он очень опасный тип, этот Жора... От него можно всего ожидать.

– Это не удивительно... – кивнул Пётр Арсеньевич. – Если он один раз уже пошёл на то, чтобы тебя... – он сделал паузу, чтобы подобрать подходящее выражение, – заставить навсегда замолчать, то и ещё раз это сделает.

– Сделает, – подтвердил я. – Он же без тормозов, уголовник бывший. Сидел за побои.

– Тем более, – сурово сказал психотерапевт. – Но в любом случае за то, что он совершил покушение на убийство, повлёкшее тяжкие телесные повреждения, он должен ответить. И ты не должен его бояться. Он сам боится. Ведь ему неохота снова садиться.

– А как мы докажем? – спросил я. – Витька против него показаний не даст. Он будет повторять, что я сам упал, если что. Иначе ему придётся отказываться от своих слов. Да и Жору он боится ещё больше моего. Даши там не было. У нас только то, что я помню с вашей помощью. Но поверят-то Жоре с Витькой.

– Тут ты прав, Слава, – вздохнул доктор. – И, тем не менее, мы узнаем, что случилось раньше. Всю правду до конца. И эта правда будет на нашей стороне. И закон тоже.

Он достал из кармана часы. Я подумал, что его невозможно представить без этих часов.

– Итак, поехали, – он начал раскачивать их на цепочке. –

Один!

Его голос понёс меня вспять по реке моей памяти, всё дальше и дальше назад, как упавший в воду лист, влекомый течением.

Перед моими глазами вспыхнула яркая и живая картина.

... – Вперёд! – гаркнул Жора и надавил на газ.

Джип рванулся с места и понёсся вперёд, прочь от пасеки. В направлении, где была развилка с дорогой на месторождение.

Мимо окон с сумасшедшей скоростью мелькали деревья. Вслед за нашей машиной в воздухе тянулся длинный пыльный хвост, как инверсионный след в небе от реактивного самолёта. Двигатель ревел оглушительно. Я мельком глянул на спидометр: Жора гнал под сто сорок. Наверное, можно было выжать из мотора этого старого джипа и больше. Но это было бы просто убийственно: нас и так то и дело рывками подбрасывало на неровностях. Даша каждый раз нервно взвизгивала при этом.

– Вот это я понимаю, с ветерком! – проорал Жора.

– Жорик, ну давай потише, – Даша недовольно потрясла его за плечо.

– Ай ты, моя куколка, – тот протянул к ней руку и хлопнул по самому низу спины. – Ну ты чё, это ж классно! Где ещё

так разгонимся?

Нам навстречу стремительно приближался поворот. За ним где-то через километр грунтовка раздваивалась. Одна ветка уходила в направлении смычки с шоссе, вторая – к известняковому месторождению. Оно уже вздымалось вдалеке над лесом, большой белой шапкой выглядывало из-за сосновых верхушек.

– Жор, на развилке я за руль сяду, лады? – опять затянул свою песню Витька, словно опасаясь, что Жора увлётся и забыл.

– Да сядешь ты, пионэр! – рявкнул Жора, не глядя на него. – Щас уже доедем!

– Да, Жора, дай уж ему порулить, – поддержала Даша младшего брата: ей, видимо, стало бы гораздо спокойнее, если бы Витька сменил Жору.

Жора загоготал и стал грубо лапать её, не стесняясь нас с Витькой.

– Жорик, ну перестань, – Даша жеманно заёрзала.

Но тот с гыгыканьем продолжал правой рукой хватать её за разные части тела, еле придерживая руль левой. Ему было очень весело.

А джип нёсся к повороту, уже не очень хорошо повинуюсь водителю. Он вилял вправо и влево. Вот и последние метры промелькнули. Жора, не снижая скорости, резко повернул.

Я только успел увидеть одинокую человеческую фигуру на обочине грунтовки, прямо за поворотом, в нескольких

метрах от нас. И стоящий рядом, тоже на обочине, «уазик» с прицепом. Если бы Жора держал руль обеими руками, мы бы промчались мимо. Но машину продолжало кидать из стороны в сторону. И когда мы выскочили из-за деревьев, она полетела прямо на этого человека.

Всё произошло моментально. Я услышал глухой удар, и такой силы, что сотрясло всю машину. Мне даже показалось, что джип на миг тормознулся. Одновременно раздался пронзительный, отчаянный визг Даши. Витька тоже завопил фальцетом, скорее даже громко заверещал, – никогда такого вопля я от него раньше не слышал.

Нас бросило вперёд, я больно ударился носом и лбом о спинку переднего сиденья. И с Витькой произошло то же. Жора резко дал по тормозам, жалобно заскрежетали шины по грунтовке. Джип по инерции проехал ещё несколько метров и остановился.

– Откуда... он... здесь... взялся?! – завопил Жора, матерясь после каждого слова.

Не сговариваясь, мы распахнули дверцы, выскочили и рванулись к неподвижно лежащему у дороги человеку. Я мельком обратил внимание только на то, что неподалёку на земле валялся странный головной убор – шляпа с сетчатой маской. Наверное, от удара она отлетела в сторону.

Маска, которую надевают пчеловоды.

Это была последняя деталь, которую я запомнил перед тем, как...

... снова наступила темнота.

– ... Дальше! Что было дальше? – настойчиво допытывался откуда-то издали голос Петра Арсеньевича.

– Не могу вспомнить, – механически, как робот, произнёс я.

Потом поползла тяжёлая, тёмная и глухая, как ночь, пауза. Она длилась нескончаемо долго, но в этой темноте снова заговорил голос, который считал от десяти до одного. И я знал, что когда счёт закончится, мрак должен рассеяться.

Так и было: на счёт «Один!» одним махом наступил расцвет, и я очнулся ото сна.

Я глубоко вздохнул и покрутил головой. Это воспоминание далось мне с огромным трудом. Господи, что же мы наделали?

Хотя – почему «мы»?

Пётр Арсеньевич слушал меня внимательно и не перебивал. Похоже, он всегда так слушал. Это у него, наверное, как говорится... профессиональный навык, подумалось мне.

Когда я закончил, он посидел молча, думая о чём-то, потом сказал:

– Что-то подобное я и предполагал. Теперь нам более-менее ясно. Жора сбил человека и хотел это скрыть. То, что виноват он и только он, не вызывает никаких сомнений. Пьяный за рулём, да ещё за дорогой не следил, управлял кое-как, и скорость не сбросил перед поворотом. Нам осталось узнать, кого он сбил и каковы последствия. И что было сразу

после того...

– Я думаю, тот, кого мы... то есть Жора, сбил, – сказал я, – это был пасечник. Супруг той старушки, хозяйки пасеки. Она же говорила, что он поехал ульи переставлять. И ещё удивлялась: мол, как это мы могли разминуться.

– М-да, вот и не разминулись... – проговорил Пётр Арсеньевич, хмурясь.

Он подумал ещё немного, потом медленно заговорил:

– Я полагаю, осталось вынуть последний кусок твоих воспоминаний. И он, похоже, поддаётся труднее всех. Твоё подсознание упорно сопротивляется. А узнать это очень, очень важно. Ты ж понимаешь, Слава?

– Да, конечно, Пётр Арсеньевич, я понимаю. Значит, завтра у нас с вами будет ещё один сеанс? Окончательный?

Доктор с сомнением покачал головой:

– Нет, не завтра. Даже не знаю, когда. Мне кажется, ты ещё не готов к этим воспоминаниям. Нужно подождать несколько дней. А ещё лучше тебе, – когда встанешь на ноги, конечно, – прибыть на место, где всё это случилось.

– Туда? – я был изрядно удивлён таким поворотом. – А зачем?

– Знаешь, Слава, обстановка в отдельных случаях очень помогает вспомнить. А твой случай, насколько я могу судить из своего опыта, как раз этот. – Он загадочно посмотрел на меня. – Может быть, тогда даже никакого гипноза не понадобится.

– Даже так? – спросил я недоверчиво.

Психотерапевт улыбнулся:

– Даже так.

Он снова подумал о чём-то своём и заговорил доверительным тоном:

– Понимаешь, Слава, у меня есть неотложные дела. Мне надо уехать из города. Когда вернусь – не могу точно сказать. А когда снова увидимся, – вот тогда, думаю, ты уже будешь готов вспомнить всё до самого конца.

– Ясно... – пробормотал я и решился выдать то, что давно собирался: – Пётр Арсеньевич, а вы можете меня избавить от боязни пчёл? Заодно?

– Могу, – добродушно усмехнулся доктор, – но не сегодня. Я тебе больше скажу: ты самостоятельно вполне можешь избавиться. Это не так сложно, как тебе кажется.

– Но до сих пор же не смог, – возразил я с горечью.

– Потому что достаточного стимула не было, – ответил Пётр Арсеньевич. – А мне кажется, он у тебя появится в нужный момент. Когда выполнишь главную свою задачу: вспомнишь всё до конца. Ладно, мне пора. – Он поднялся. – Поправляйся. До скорой встречи! И помни о нашем уговоре: пока никому ничего не рассказывай!

– Да, конечно, – ответил я, – до свидания.

Психотерапевт многозначительно подмигнул мне и вышел.

Я остался наедине с мучительными мыслями: что же бы-

ло потом? И что он имел в виду, когда говорил, что мой случай – какой-то особенный? Неужели я без его помощи смогу вспомнить последний кусочек? Ведь он сам сказал, что именно этот кусок самый трудный. И как всё это может помочь мне преодолеть апифобию? Странно...

Он будто напоследок подкинул мне головоломку. Похожую на те, которые дзэн-буддийские наставники задают своим ученикам. Помнится, я читал что-то такое: как услышать хлопок одной ладонью или нечто вроде этого. И трудность была в том, что искать ответ нужно совсем не там, где подсказывает разум.

Вот и со мной, похоже, было то же самое.

Я надеялся, что скоро увижу Петра Арсеньевича. Но прошло три дня, пять, неделя, а его всё не было. И вспомнить, что случилось на последнем отрезке, выпавшем из моего сознания, я никак не мог – несмотря на все усилия.

Состояние моё быстро улучшалось с каждым днём. Медсестра сказала верно: у меня всё быстро срасталось, да и переломы были не самые тяжёлые. Насколько я понял, более всего при падении у меня пострадал мозг. Видимо, я сильно ударился головой.

Но худшее было позади. Лечащий врач с удовлетворением отмечал, что я быстро иду на поправку. Матушка навещала

меня ежедневно, опять были родственники и приятели, пару раз приходил и Витька.

Мне стоило большого труда держать рот на замке. Но я пока никому не сказал, что на самом деле произошло там, на месторождении, и на дороге. Даже не дал больше повода никому предполагать, что я что-то вспомнил. С Витькой я держался особенно осторожно, взвешивал каждое слово. И, похоже, он успокоился насчёт меня. Наверное, успокоился и Жора, так как ко мне больше не являлся.

Но желание докопаться до правды теперь росло во мне. Оно давило изнутри, как перегретый пар в котле. И я знал, что не смогу просто так жить с этим.

Прошло две недели с того момента, как я очутился в больнице. Я уже мог самостоятельно передвигаться по палате, правда, с помощью костылей. Врачи говорили мне, что дня через три-четыре меня выпишут. Это меня сильно обрадовало: больничный режим и вся обстановка уже успели мне осточертеть.

Но Пётр Арсеньевич куда-то пропал. Я с нетерпением ждал его очередного визита до того, как покину больничные стены, но тщетно. Он словно забыл обо мне. Или ему действительно было пока не до меня?

За пару дней до выписки я спросил медсестру (её звали Катерина), с которой уже успел хорошо познакомиться и даже подружиться:

– Катерина, а вы не знаете, где Пётр Арсеньевич? Он ведь

ещё собирался ко мне зайти.

Женщина уставилась на меня, в её глазах застыло недоумение:

– Какой Пётр Арсеньевич?

– Ну, психотерапевт. Который приходил ко мне по вечерам. Трижды приходил. Занятия проводил со мной, помогал всё вспомнить.

– Слава, ты шутишь, что ли? – усмехнулась Катерина. – Нет у нас в больнице никакого психотерапевта. Тем более никакого Петра Арсеньевича.

Я опешил.

– Так может он, это... из другой какой-нибудь больницы приходил?

– Да что ты, – засмеялась она. – Кто там будет к тебе приходить? И насколько я знаю, никто к тебе вечерами не ходил. Тебе это, наверное, приснилось.

Ей было забавно, но у меня в горле пересохло, а кровь горячо прилила к лицу и болезненно застучала в висках.

– Как это никто? Я что, выдумал это? Катерина, ну давайте позовём лечащего врача, он-то должен знать!

Вид у меня был, наверное, испуганный, потому что медсестра восприняла мою реакцию всерьёз. Она вышла и через несколько минут вернулась в сопровождении хирурга Валентина Михайловича, который наблюдал моё состояние, пока я лежал.

– Валентин Михайлович, ну вы-то знаете психотерапевта,

который бывал у меня? – обратился я к нему в надежде, что сейчас недоразумение рассеется. – Петра Арсеньевича?

Врач и медсестра переглянулись.

– Психотерапевт? Пётр Арсеньевич? – озадаченно переспросил он.

– Ну пожилой такой, седой, в очках, с бородкой! Он ещё жилетку носит, и часы у него такие старинные, на цепочке!

– Слава, ты что-то путаешь, – после паузы произнёс хирург. Взгляд его стал настороженным. – Нет у нас в больнице такого специалиста. Вообще нет из персонала никого по имени Пётр Арсеньевич.

Они оба уставились на меня. Я стоял, как идиот, и тоже пялился на них, чувствуя, как в голове включается безумная карусель, а земля уходит из-под ног.

– Ты уверен, что это было? – спокойным тихим голосом осведомился Валентин Михайлович. – Может, тебе это приснилось?

– Слушайте, но это же легко проверить! – с отчаянием чуть ли не выкрикнул я. – Ведь в регистратуре есть журнал посещений, там всё отмечается!

– Ну что ж, сейчас и посмотрим, – кивнул врач.

Он вышел и вскоре вернулся с толстым журналом в руках.

– Вот смотри, – Валентин Михайлович развернул журнал передо мной. – Все визиты к тебе зарегистрированы. У нас с этим строго. Никто просто так в палату не пройдёт.

Я вперлся в страницы, где были вписаны все посещения

больного такого-то, то есть меня, с даты поступления до сегодняшней включительно. Я просмотрел всё тщательно.

Да, там была отмечена матушка, мои друзья, знакомые, родня, и Витька был, и Жора.

Петра Арсеньевича не было.

Меня будто кто-то огрел дубиной по голове.

– Да как же так, – пробормотал я.

Ноги у меня мгновенно ослабли, и я плюхнулся задницей на койку.

– Ничего, это бывает, – успокаивающе сказал врач. – Посттравматический синдром. Ложные воспоминания и тому подобное. Ты не беспокойся, со временем пройдёт.

Они с медсестрой немного постояли, сочувственно глядя, и вышли.

Значит, это у меня были галлюцинации? Я схожу с ума? Психотерапевт и всё, что он говорил – не более чем плод моего больного воображения? И всё, что я вспомнил – тоже?

Тогда почему Жора приходил ко мне с угрозами?

Ответа не было.

Через два дня меня выписали. Я вышел из здания больницы, опираясь на костыль. Ещё немного я хромал – сросшаяся кость всё же побаливала. Но в целом я чувствовал себя вполне сносно. На выходе меня уже ждали мать и такси, ко-

торое она вызвала.

Вырваться из больничного плена и вернуться домой – какая же это радость!

Следующие три дня я занимался в основном тем, что пересказывал многочисленным гостям свою историю падения в шурф и того, как я выбрался через пещеру. Во всех подробностях. Разумеется, начиная с того места, когда я очнулся на дне ямы. Все выражали сочувствие напололам с восхищением – мол, какой ты, Славка, молодец! Вот так и надо – никогда не сдаваться! Но всё же надо быть осторожнее, чтобы не попадать в такие переделки. Иначе ведь, сам понимаешь... И далее в таком духе.

Но главного никто не знал.

Я по-прежнему хранил молчание относительно того, что привело к данной ситуации. Я уже и сам не был ни в чём уверен. Как я мог положиться на свои воспоминания, если частью этих воспоминаний был фантом, образ, рождённый моим воображением?

Однако желание установить правду росло во мне с каждым днём.

И когда я почувствовал, что могу передвигаться без подпорки, я попросил Витьку о встрече. Дескать, дружище, есть важный разговор. Домой к нему идти не хотелось – вдруг там окажется Жора. А я бы много отдал, чтобы больше никогда не увидеть его физиономию.

Поэтому мы договорились встретиться в кафе, где ча-

стенка зависали компанией.

Витька согласился без особого энтузиазма в голосе. Я его понимал. О чём ещё важном между нами могла идти речь, кроме как о тех событиях?

Тем не менее, он пришёл. Когда мы уселись на наше любимое место – столик в углу возле окна – и заказали себе по кофе с мороженым, я решил сразу перейти к делу.

– Слушай, Витька, ты мне друг? – спросил я без обиняков, глядя ему в глаза.

– Ну, друг, – ответил он, чуть помедлив.

– Я не буду тебя снова спрашивать, как я оказался в шурфе. Чёрт с ним! Ты мне расскажи, что там случилось, по дороге с пасеки?

– Ты меня за этим позвал? – Витька опустил взгляд себе в чашку и стал размешивать ложечкой сахар.

– Да, за этим.

Я решил, что отступать уже ни к чему.

– Да ничего там особенного не случилось. Ты чего, Славка? – Витька хлебнул кофе и поднял на меня глаза, стараясь выглядеть невозмутимо. Но в его голосе задрожала беспокойная предательская нотка.

– Вить, я понимаю, что этот упырь тебя зашугал конкретно, – как можно спокойнее сказал я. – Я и сам его боюсь, честно тебе скажу. Он мало что здоровый, но к тому же совершенно безбашенный. Но и на него можно управу найти. Мы сможем, понимаешь?

Витька тяжело вздохнул.

– Ты чего от меня хочешь, Славка?

– А ты что, не понимаешь? Если он что-то такое сделал... он же ответить за это должен. Нам надо в полицию заявить. Или ты его думаешь покрывать?

– Что сделал? Что он там, по-твоему, сделал? – Витька уже заметно занервничал.

– Ну, например, человека задавил, – продолжал нажимать я.

– Какого хрена ты несёшь, Славка? – Витька зло усмехнулся. – Чего ты выдумываешь? У тебя что, крыша от сотрясения поехала?

Я смотрел на него несколько секунд. Витька покраснел – это было видно невооружённым глазом. И молча глядел на меня с рассерженным и ошарашенным видом, будто я ни с того ни с сего съездил ему по морде.

Мне стало понятно: ничего он мне не скажет. И на мою сторону добровольно не станет. Страх перед Жорой был сильнее.

И ведь я знал, знал, что ничего от него не добьюсь. На кой же чёрт я затеял и эту встречу, и этот разговор? Никому лучше от этого не стало, это уж точно.

Витьку мне трудно теперь считать другом, подумал я. И хорошо, если он Жоре ничего не скажет о нашем разговоре. Иначе тогда плохо может стать мне.

– Ладно, Вить, не хочешь – не говори, – я положил рядом

с недопитой чашкой деньги и встал, собираясь уходить. – Но я всё равно так или иначе узнаю, что там было.

– И что ты намерен делать? – спросил Витька с ехидцей.

Вот тут бы мне, наверное, лучше было промолчать и оставить его со своим страхом. Но я помимо воли, будто некто другой шевелил моим языком, сказал:

– Я поеду туда. На то место, где всё случилось. А там что-то скверное случилось. И сам всё вспомню.

– Ну давай, дерзай, – ухмыльнулся Витька. – Только я тебя туда не повезу.

– Обойдусь как-нибудь без твоей помощи, – бросил я и пошёл на выход.

По дороге домой, перемалывая в голове неприятный разговор с Витькой, я успел сто раз пожалеть о том, что в запальчивости выдал ему свои намерения. Но отступить уже не хотелось. Да, он может передать Жоре, как уже делал. Но я надеялся, что Витька не придаст моим словам такого уж большого значения. Типа, если я до сих пор ничего не вспомнил, то и не вспомню уже никогда.

А кроме того, меня охватило какое-то злое упрямство. Наверное, мне хотелось доказать, прежде всего себе самому, что я не так уж боюсь Жору. И в своих поисках пойду до конца, чего бы мне это ни стоило. Хотя я понимал, что он за-

просто может свернуть мне шею и, если что, не остановится.

В полицию обращаться за помощью было бы глупо. Кто бы мне поверил, если у меня ничего, кроме воспоминаний, не было? И охрану от Жоры ко мне бы никто не приставил. Помощников у меня тоже не было, оставалось действовать в одиночку.

Получалось одно из двух: или мои воспоминания ложны, или Жора действительно сбил пасечника. Никто о том точно не знает, кроме них троих: Жоры, Витьки и Даши. Но ни Витька, ни Даша не подтвердят, если что-то и было. И пока я сам не вспомню, это останется тайной.

Мне обязательно надо вспомнить, хотя бы для себя. И единственный способ вспомнить – поехать *туда*, где всё случилось. Или ничего такого не было.

Интуитивно я был уверен: там всё выяснится.

В конце концов, я ведь могу поехать на пасеку. И, если старик-пчеловод окажется там жив-здоров, на том и успокоится. Мне было бы этого достаточно.

Матери я ничего не рассказал о своих то ли воспоминаниях, то ли видениях. И о подозрениях своих тоже молчал. Не хотел её зря тревожить и расстраивать.

Ещё через несколько дней я дождался хорошего прогноза на завтра, и решил: пора.

Матушке сказал, что хочу съездить на велосипеде туда, к пасеке. Я уже ежедневно и подолгу разъезжал по округе. Ибо лечивший меня врач рекомендовал побольше двигать-

ся после длительного лежания в палате. Так, мол, организм быстрее восстановится после травм.

На её обеспокоенный вопрос, что я там забыл, ответил, что мне в прошлый раз там понравилось, места очень красивые. Узнав, что я собираюсь ехать один, она взяла с меня слово, что не поеду на то чёртово месторождение, где чуть не разбился. Я пообещал, что меня там не будет, и что вообще буду предельно осторожен.

Как потом выяснилось, после того, как я собрался, сел на велосипед и уехал, мать всё же позвонила Витькиным родителям. Она хотела уточнить, не поехал ли Витька или ещё кто-нибудь из наших общих друзей со мной. Так, на всякий случай. Она не могла знать ни о том, что с Витькой я прекратил общаться после разговора в кафе, ни тем более о причинах нашей с ним размолвки. О моей поездке сразу же узнал и Витька, потому что был в тот момент дома.

А я тем временем крутил педали и мчался на своём двухколёсном транспорте по краю шоссе. Я следовал маршрутом той роковой поездки, которая едва не стоила мне жизни.

За два часа я добрался до места назначения. Недалеко от того самого поворота.

С одной стороны от узкой грунтовой дороги простирался зелёный цветущий луг, где-то в полукилometре от дороги поблёскивало небольшое озерцо. И ещё я разглядел в том же направлении, поближе, такие же сооружения, как на пасеке, похожие на большие почтовые ящики. Их было пять штук.

Да, это были ульи, которые пчеловод поставил здесь. Возможно, я *тогда* не обратил на них внимания, или видел их мельком, но забыл.

А с другой стороны грунтовки высился сосновый лес, в километре позади дорога отворачивала и ныряла в его тёмные недра. И где-то далеко за бесчисленными деревьями маячила знакомая верхушка известнякового месторождения.

Да, если это и вправду случилось, то здесь. Сомнений не было.

Я остановился и некоторое время размышлял, что дальше: ехать на пасеку или оставаться тут. Да, я ведь хотел туда съездить... Но по-прежнему мысль о пчёлах, которых там полно, вызывала у меня дрожь.

Наконец я набрался решимости и покатил к пасеке. Это было нужно сделать. Иначе весь путь мог оказаться напрасным.

Мне повезло: хозяйка оказалась дома. Но выглядела она совсем не так, как месяц назад, когда мы вчетвером заявили к ней. Её взгляд был потухшим и скорбным. И мне сразу, как я её увидел, показалось, что она ещё больше постарела.

Как ни странно, она помнила и меня, и всех остальных. Она, как и в прошлый раз, сразу усадила меня за стол и стала потчевать чаем с мёдом. Я без предисловий поинтересовался, где хозяин, как он, здоров ли.

– Пропал он, милоч, – со вздохом ответила старушка. –

Аккурат в тот день, когда вы приезжали. Поехал ставить ульи и не вернулся.

У меня внутри всё похолодело. Худшие мои опасения подтверждались.

– Так его... и не нашли до сих пор? – с замиранием сердца спросил я.

– Не нашли, – она уголком платка вытерла слезящиеся глаза. – Ульи стоят на лугу, и машина наша с прицепом была там недалеко. А сам как сквозь землю провалился. Милиционеры-то приезжали, расспрашивали всех в округе, искали его, да всё зря. Я уж все глаза проплакала...

У меня так защемило сердце от жалости к ней, что я сам еле удержался от того, чтобы не зареветь. И мне уже становилось всё ясно.

Но что-то говорить определённо было рано. Что я ей мог сказать?

Я сглотнул болезненный ком, стоявший у горла, и с трудом выговорил:

– Я догадываюсь, что случилось. И я сделаю всё, чтобы найти его.

Она подняла на меня выцветшие, окружённые паутиной морщинок, серо-голубые глаза:

– Как ты его, сынок, найдёшь? Всё уж обыскали без тебя.

Я подумал, что лучше ответить, и выдавил:

– Дело в том, что я его видел перед тем, как он... пропал. То есть мы, все мы видели... Только понимаете, мне нужно

ещё немного времени. Я к вам вернусь и всё расскажу. Обязательно!

– Ну, Бог тебе в помощь... – она опять тяжело вздохнула, и я видел, что не особо она верит в то, что я сказал.

Я встал, наскоро попрощался и вышел из дома. Сел на велосипед и поехал обратной дорогой. По пути я отметил, что несколько пчёл вьются надо мной, и припустил что было мочи. Скоро они отстали.

Когда я подъезжал к повороту, меня вдруг охватила мелкая дрожь. Как будто некий толчок, идущий изнутри, заставил меня остановиться. Следуя изгибу дороги, я завернул за деревья и остановился. Да, вот оно, то самое место, где в моём воспоминании был сбит машиной старик-пчеловод. В том, что наша машина сбила именно его, у меня уже не осталось ни капли сомнения.

Так куда же он подевался?

Я походил туда-сюда по пыльной дороге, по примятой траве. Точно, вот здесь стоял его автомобиль с кузовом на прицепе. А вот тут рядом стоял он сам, когда Жора наехал на него.

Господи, подумалось мне, какая нелепая жестокость судьбы! Сделав своё дело, он встал здесь, непонятно зачем, и никто никогда уже этого не узнает. Может, что-то отремонтировал, а может, просто наслаждался видом или думал о чём-то своём. И смерть настигла его здесь в виде мчащегося с сумасшедшей скоростью джипа.

В том, что старика не было в живых, я тоже был уверен.

Он ведь должен был слышать звук быстро приближающегося автомобиля. Почему же не отошёл в сторону? Может, он был глуховат? Но ведь он и так стоял не на дороге, а на обочине. Откуда ж он мог знать, что джип не проедет мимо, а понесётся прямо на него? Что за рулём пьяный детина, который почти не управляет машиной?

Наверняка это место менты потом тщательно осмотрели, когда искали пропавшего человека. Тут уже не было ничего, что бы напоминало о трагедии. «Уазик» пчеловода с прицепом отогнали. Возможно, догадывались, что тут произошло. И знали наверняка со слов старушки, что мы были у неё. И наверняка ведь установили, кто именно был, и всех разыскали и допросили. Но ничего установить следствию не удалось.

Не было никаких прямых улик против Жоры.

Я лежал в больнице с провалами в памяти, а остальные...

Остальные всё как-то скрыли. И Жора, скорее всего, всем руководил.

Каким образом? А я, что я-то делал?

Глубоко дыша и застыв как вкопанный, я отчаянно силился вспомнить.

Психотерапевт, которого я вообразил себе, уверял, что я смогу. Сам. Надо только быть на месте, где всё случилось. И вот я здесь.

Значит, пришло время.

Как бы в ответ на эти мысли я ощутил ещё один внутренний импульс, но на сей раз острый и болезненный. Это было похоже на удар током, который я однажды уже испытал в жизни. Я содрогнулся всем телом. И одновременно будто бы прорвалась некая перегородка, которая сдерживала во мне давление изнутри, ставшее сейчас непереносимым. Некая невидимая освобождённая сила, подобно ударной волне от эпицентра взрыва, рванулась из головы во все стороны. Весь мир перед глазами вспыхнул, переливаясь радужными огоньками. Я непроизвольно зажмурился и стоял так несколько секунд...

...А когда открыл, мы вчетвером стояли возле неподвижно лежащего тела.

– Откуда он взялся? – со злостью повторял Жора, склонившись над ним.

Потом присел на корточки, тяжело отдуваясь, потормошил сбитого за плечо. Человек лежал ничком, никак не реагируя, разбросав в разные стороны руки, безвольные, как плети.

– Не дышит, мать его... – пробормотал Жора.

Первый раз на его физиономии я видел растерянность.

Даша подскочила к распростёртому на траве телу, тоже присела, подняла его голову. И, обращая к Жоре искажённое

лицо, истошно заголосила:

– Ты же его убил! Понимаешь? Уби-и-ил!

Мы с Витькой остолбенело стояли рядом, не в силах осознать то страшное и непоправимое, что произошло на наших глазах.

Жора перевернул тело на спину. В том, что человек погиб после такого удара, сомнений не оставалось. Он не дышал, глаза были полужакрыты и невидяще блестели из-под полуопущенных век.

Но даже не сознание этого, а другое окатило меня смертельно ледящей волной.

Я сразу узнал этого человека. Это был Пётр Арсеньевич.

Он был в той же рубашке и жилетке, в тех же потёртых вельветовых брюках, когда являлся ко мне в палату. И даже знакомые мне очки с толстыми стёклами в роговой оправе валялись неподалёку. И те самые часы на цепочке выскользнули из кармана жилетки.

Теперь я понял, почему при первом «визите» он показался мне знакомым.

Мои воспоминания выбрали именно такую форму, чтобы преодолеть страх и вырваться из подсознательной темницы. По-другому я бы не вспомнил.

Наверное, настоящий психотерапевт так бы объяснил мне это.

Да, я должен был прийти сюда снова, чтобы всё восстановить до полной картины. И теперь я заново переживал то по-

трясение, которое испытал в тот июльский солнечный день. Мой внутренний кинопроектор сейчас прокручивал последний эпизод того жуткого, но такого реалистичного фильма. А я замер на месте и смотрел, как...

...Даша всхлипывала, прижав ладони к лицу. Мы с Витькой молчали, окаменевшие и растерянные.

Жора недовольно зыркнул на подругу и бросил:

– Да хорош истерить! Надо что-то делать.

– Мы должны пойти в полицию, – медленно выговорил я.

– Ты ещё, очкарик, будешь советы давать, – Жора перевёл на меня тяжёлый, давящий взгляд. – Без сопливых скользко!

Витька наконец промямлил:

– Это же батькина машина. Ведь если узнают...

– Да, Жора, – Даша подняла на него заплаканные глаза. – У отца скоро выборы! А тут такое... На его машине сбит человек. А с нами что будет? Жорик, а с тобой? Господи...

– Если никто не узнает, то всё будет норм, – насупившись, ответил Жора.

Казалось, он почти протрезвел и о чём-то раздумывал. Потом он сказал, обводя нас троих цепким колючим взглядом:

– Заховаем его куда-нить. Так, чтоб никто не нашёл. Машину отмоем, – он кивнул на бампер, заляпанный кровью. – Я потом сразу в мастерскую. Если вмятины, то подрихтую. И всё будет шито-крыто. Главное – молчать всем. Никого не видели, ничего не знаем.

Даша молчала, швыряя носом, молчал и Витька. Похоже, они были согласны с Жорой.

Мне было и перед Жорой страшно, и оправиться я всё ещё не мог. Но словно бы кто-то другой внутри меня упрямо проормотал, не сводя глаз с тупа старика:

– Мы не должны ничего скрывать. Только хуже себе делаем. Мы должны всё рассказать.

– Профессор, ты чё...? – Жора матерно выругался и угрожающе уставился на меня. – Хочешь нас всех заложить? Сначала тебе плохо будет. Соображаешь?

Я ничего не ответил. Возражать дальше этому амбалу было опасно.

Но и смириться с тем, что Жора собирался сделать, всё моё нутро отказывалось.

– В общем, так, – Жора огляделся. – Вон там озеро, – он показал пальцем на водоём, блестящий в нескольких сотнях метров от нас. – Пока никто тут не появился, надо его в воду. И с концами. Хер кто найдёт.

Даша проговорила тихо:

– Жорик, он же всплывёт!

– Не всплывёт, – отрезал Жора. – Мы к нему груз привяжем. Витька, аккумулятор есть запасной?

– Да, есть, в багажнике, – проблеял Витька.

Вид у него был совсем жалкий и подавленный. Но судя по всему, он был согласен с тем, что затеял Жора. И Даша, и он были согласны. Их трое, а я один.

– Доставай! – Жора снова овладел ситуацией. – И трос буксировочный!

Витька как загипнотизированный стоял, уставившись на Жору с беспомощным выражением на лице. Я его отчасти понимал: ещё один шаг – и он станет Жориным пособником, он знал это, и какая-то его часть сопротивлялась.

– Ну чё встал? – прикрикнул Жора. – Шевелись давай!

– Витька, помоги Жорику, – подала голос Даша. – Ты ж сам должен понимать, нельзя никак нам засвечиваться.

Она повернулась ко мне, утирая ладонями потёкшую тушь около глаз:

– И ты пойми, Славка. Это теперь наша общая тайна. Ради Витьки хотя бы.

– Я вам в этом не помощник, – сказал я, отошёл и сел на траву.

Что ещё я мог сделать?

Меня мутило и трясло, – даже не столько от того, что случилось, сколько от того, что они намеревались совершить. От того, как легко согласилась с этим Даша. И от того, как Витька, мой давний друг Витька, легко сдался в этой ситуации. И стал выполнять под диктовку Жоры то, чего делать было нельзя.

Жора недобро посмотрел в мою сторону, но ничего не сказал. Видимо, он справедливо решил, что на меня рассчитывать не стоит. Обращаясь к Витьке и Даше, он распорядился:

– На машине туда не повезём, следы будут на лугу. Поне-

сём его с Витькой за руки и за ноги. Даха, а ты аккумулятор тащи.

Потом он подобрал очки старика, запихнул их в карман его жилетки вместе с выпавшими часами. Маску пчеловода напялил на голову убитого со словами:

– Ничего оставлять тут не будем.

Я наблюдал, как Жора деловито обматывает и стягивает верёвкой безжизненное тело старика, и у меня внутри всё сжималось от отвращения. Я видел, как Витька бестолково суетится рядом, пытаясь ему помочь. Как они вдвоём с Витькой поднимают и несут тело, туда, где сверкала водная гладь. Они тащили его долго, с остановками. Хоть старик был худой, но ноша была не из лёгких. Даша понуро плелась за ними, неся в руках увесистый свинцовый аккумулятор.

Поднявшись, издали я видел, как Жора где-то у берега приматывает аккумулятор к ногам трупа. Потом они с Витькой, сняв обувь и закатав брюки, занесли тело в воду за несколько метров от берега – к участку озера, где глянцево блестели заросли кувшинки. И бултыхнули свою ношу в воду. Поверхность заколыхалась, поглотив тело, разошлась лёгкими кругами и успокоилась.

Я смотрел, как они возвращаются, и знал: то, что они сделали, и чему я был свидетелем, навсегда привело меж-

ду мною и ними не переступаемую черту. Они теперь будут жить с этим. А я? Мне что делать? Разве я смогу хранить это в себе?

Наверное, они говорили об этом между собой по дороге назад. Когда они вернулись, Витька и Даша старались не смотреть на меня. Как будто меня не было.

Жора подошёл ко мне, дымя сигаретой. Он был весь потный, брючины мокрые и испачканы тиной, а вид у него был грозный. Без предисловий, тихо и угрожающе он сказал:

– Очкарик, ты не видел ничего, как и все мы. И ничего не знаешь.

Я посмотрел прямо в его физиономию, собрался с духом и ответил:

– Я всё видел. И ничего не обещаю.

Лицо его скорчилось в злую гримасу, и я подумал, что он меня сейчас ударит. Но он только процедил сквозь зубы и сигаретный дым:

– Если кто узнает, тебе не жить. Ты понял?

И, не дожидаясь ответа, повернулся и пошёл к нашей машине, где стояли Витька с Дашей и о чём-то переговаривались. Жора тоже включился в разговор. Говорили они тихо, так что я не слышал, о чём у них шла речь.

Потом Жора достал из багажника пластмассовое ведро и снова отправился к озеру.

Витька подошёл ко мне.

– В общем, Славка, такое дело... – он избегал на меня

смотреть, – ты никому... о кей? Ты ж понимаешь... Мы ж друганы с тобой.

– А ты сам-то, Вить, как теперь будешь жить? – вместо ответа сказал я.

– Так и буду... А что делать, если так получилось? Никто ж не хотел... Чего нам теперь всем, из-за этого старика жизнь ломать?

Я пожал плечами.

– Витька, ты-то не виноват. Это всё он. Я, если что, всегда встану на твою сторону.

– Да, но понимаешь... Батя мой избираться в городскую думу собрался. Ты ж в курсе. А тут такая фигня. Нам это надо?

Он посмотрел на меня исподлобья, тревожно, ища поддержки.

Но, наверное, не увидел её в моих глазах, потому что тяжело вздохнул и выговорил:

– Ладно, как-нибудь всё уляжется. Сейчас съездим куда хотели и домой...

– Ты ещё можешь об этом думать? – я хмуро поглядел на Витьку. – После такого? Какие к чёрту прогулки! Скорей бы назад.

– Понимаешь, Жора ещё пьяный, – тихо проговорил Витька. – Я боюсь, как бы он ещё кого-нибудь не сшиб. Надо съездить, проветриться. Всем нам.

– Ну разве что, – нехотя согласился я. – Хотя настроение

паршивое...

Жора скоро вернулся с ведром воды. Даша взяла тряпку и стала отмывать джип спереди. Через полчаса бампер был чистым.

– Садимся, поехали! – скомандовал Жора. – Теперь ты рули, пионэр.

Он как будто забыл то, что сотворил совсем недавно. А меня больше не замечал.

Мы сели в машину. Я по наивности был уверен, что скоро буду дома.

Но я не знал, о чём они втроём переговаривались. Ведь я на свою беду дал понять, что не собираюсь хранить их страшную общую тайну. И возможно, тогда они вместе решили, что от меня лучше избавиться. А последний диалог с Витькой устранил все сомнения и у него.

Хотя, скорее всего, это только Жора так решил. А Витька и Даша просто согласились. Точно не знаю, и наверное, не узнаю никогда.

Во всяком случае, они сошлись на том, что вернуться в город без меня. Но так, чтобы всё выглядело как несчастный случай. Ведь со мной нельзя было поступить так же, как со стариком. То, что мы поехали вчетвером, было известно нашим родителям.

Я не догадывался, что задумал Жора. А он, видимо, знал, что на той известняковой горе есть места, где можно упасть с большой высоты.

Витька повернул ключ, и джип тронулся с места. Мы понеслись к месторождению.

Всё. Я вспомнил до самого конца.

Когда я смотрел последние кадры, меня била дрожь. Витька, которого я считал своим верным другом, взял и так за просто предал меня. Пусть даже он сам не хотел, чтобы я погиб. Но он готов был это допустить. Только чтобы скрыть то, что натворил этот негодяй Жора.

У них с Дашей тоже был интерес, чтобы я молчал. Хоть и не такой важный, как для Жоры, но всё же... Для их папашки публичный скандал в преддверии выборов – тоже совсем ни к чему. И это как бы понятно.

Но всё-таки, всё-таки... неужели всё это для Витьки дороже, чем жизнь друга? Ладно там справедливость в отношении убитого пчеловода. Но он и мной был готов пожертвовать ради спокойствия их семейки.

Нет, никогда я Витьке не смогу такое простить.

Но теперь-то что мне делать?

Я побрёл лугом по направлению к озеру. Ноги дрожали и плохо слушались. Воспоминание перевернуло мне душу. Оно было потрясающе ярким и чётким, плоть до деталей, – я действительно прожил этот отрезок жизни второй раз.

Где-то я читал или слышал, что наш мозг хранит всё, что

мы видели или слышали, что пережили или испытали в течение жизни. Вообще всё. И в принципе может что угодно из этого вспомнить. Неужели это правда? Я никогда раньше не мог в такое поверить.

Но мой случай свидетельствовал как раз в пользу того.

Да, вон там они тащили тело мимо ульев, чтобы утопить.

В озере... Бабуся на пасеке говорила, что улья надо ставить близко от водоёмов – пчёлы пьют, как и любые другие существа.

Но приближаться к этим пчелиным обиталищам мне было по-прежнему страшно.

Я остановился и огляделся. Кругом было великолепно. Цветущий луг жил своей тихой жизнью – благоухал клевер, ромашки желтели подобно маленьким солнцам, перепархивали с цветка на цветок бабочки, стремительно рассекали воздух стрекозы, где-то рядом гундливо трудился шмель.

Этих созданий я тоже побаивался. Пожалуй, надо возвращаться, подумал я.

Но тут перед моим внутренним взором всплыло лицо Петра Арсеньевича. И мне показалось, что я снова слышу его голос, который говорил о моём страхе перед жужжащими созданиями. И о том, что у меня пока не было стимула, чтобы преодолеть этот страх:

«...А мне кажется, он у тебя появится в нужный момент. Когда выполнишь главную свою задачу: вспомнишь всё до конца».

Кто в действительности говорил мне это? Не фантом же? Наверное, кто-то во мне самом, – некая потаённая часть моего существа, которая знала, что я могу побороть этот страх. И побуждала меня сделать это. Не откладывая. Сейчас же.

Этот голос почти помимо воли повёл меня в направлении моего страха. Я двинулся к ульям, которые стояли в паре сотен метров от меня. Пчёл пока было не слышно и не видно.

Но всё равно было страшно. Как если бы я приближался к логову какого-то опасного зверя. Хотя выглядели ульи безобидно – ни дать ни взять большие, сколоченные из досок почтовые ящики. Только горизонтальные щели (вроде хозяйка пасеки их называла «летки») внизу, а не вверху. Я подошёл к ним уже достаточно близко и мог видеть деловито снующие через эти щели внутрь и наружу мелкие чёрные точки. Их было много, очень много. Они вились вокруг ульев, одни садились, другие взлетали, одни улетали прочь, другие откуда-то тут же появлялись, и это движение было непрерывным.

Я сделал над собой усилие и подошёл ещё ближе. Ульи были поставлены в один ряд, на расстоянии нескольких метров друг от друга. От ближайшего меня отделял десяток шагов. До меня уже доносилось тихое и неумолчное «з-з-з...», издаваемое тысячами пар крылышек. Такое знакомое и такое злое. Этот звук уже сам по себе нагонял у меня волну неприятных мурашек по всей коже. И мелкой, пробирающей насквозь дрожи, словно я весь был большим камерто-

ном, вибрирующим в унисон с этим зудением. Моё сердце сильно заколотилось, и я остановился, чтобы перевести дух. Ноги стали тяжёлыми и непослушными.

Потом я собрал остатки воли и шагнул вперёд, потом ещё раз, ещё. Каждый шаг давался мне всё труднее, как будто я шёл к обрыву в пропасть. Гудение становилось всё громче, и надо мной уже замельтешили штук пять пчёл. Мне отчаянно захотелось повернуться и стремглав бежать прочь.

Я застыл на месте, хотя и просто стоять было страшно. Дальше приближаться к ульям уже было выше моих сил. Я замер, ожидая неизвестно чего.

И тут до меня долетел стрёкот, перекрывший пчелиное гудение.

Стрёкот не кузнечика, он быстро перешёл в рёв. Мотоцикл. Он выскочил из-за того самого рокового поворота, со стороны дороги на город. Из-за деревьев я до поры до времени не мог его ни слышать, ни видеть.

Водитель мотоцикла повернул с дороги в мою сторону. Меня было хорошо видно издалека. Да и велосипед мой, оставленный на обочине. Я пока не мог различить, кто едет, так как на голове ездока был шлем.

Но он катился прямо на меня. Я застыл, всё ещё недоумевая, кому я тут мог понадобиться. Может, человек не местный, заблудился, кого-то увидел и хочет спросить дорогу?

Когда между нами осталось метров десять, водитель остановил машину, слез и снял шлем. У меня внутри всё захоло-

нуло. Это был Жора.

Он знал, что я сюда сегодня поеду. И узнал это он от Витки. Больше не от кого.

Он не медля направился ко мне. На физиономии у него была нарисована его обычная гадкая ухмылка, а болотно-мертвенные глаза смотрели угрожающе и злорадно. Я уже не раз видел у него такое выражение.

Бежать от него нет смысла, подумал я. Догонит в два счёта. Я просто стоял и смотрел, как он приближается. У меня мелькнула неуместная и нелепая мысль, что сейчас я, как барон Мюнхгаузен, нахожусь между львом и крокодилом. И оба были смертельно опасны.

В другое время это могло бы показаться забавным, но только не в данный момент.

Жора остановился от меня в двух шагах.

– Всё-таки никак ты не уймёшься, очкарик, – бросил он.

Я молча уставился в его ненавистную прыщавую рожу. Намерения его были ясны. Что я мог сказать ему в ответ? Просить о пощаде? Вот этого хотелось меньше всего. Даже сейчас.

– Повезло один раз, так и жил бы дальше, не дёргался! – продолжал он хрипло и зло. – Предупреждал же тебя, сопляка. А теперь хана тебе! Сам напросился.

Он вынул из кармана нож, нажал на ручке что-то, и со щёлканьем выскочило стальное лезвие. Я стоял в ступоре, не в силах до конца осознать, что он действительно собирается это сделать. Смог только выдавить через сухое и шершавое, как наждак, горло:

– Тебя за это посадят. До самого конца посадят.

– Да никто не узнает, – с издевательской миной ответил Жора. – Ты будешь лежать там же. Рядом с тем старым пердуном!

Я невольно попятился, стоя спиной к ульям.

И вдруг опять в памяти возникло лицо Петра Арсеньевича, который говорил:

«Пчёл бояться не стоит, они не опасны. Люди бывают гораздо опаснее».

Внезапно позади меня жужжание стало заметно громче. Жорина насмешливо-злобная гримаса моментально сменилась удивлённой. Что-то происходило за моей спиной.

Я увидел, как надо мной пронеслись несколько пчёл и разом устремились на Жору. Они, словно дробины, выпущенные меткой рукой из рогатки, одновременно ударили ему прямо в физиономию.

– А, сука! – заорал Жора и схватился рукой за лицо.

Насекомые попадали на траву, но тут же из-за моей спины вылетели ещё столько же. И тоже понеслись на Жору. Я резко обернулся. Зрелище заставило оцепенеть от ужаса.

Из всех ульев – да, именно из пяти летков быстро вы-

ползали и взмывали в воздух крошечные крылатые тельца. Будто некто незримый разом выдавливал из нутра ульев наружу эту живую, кишашую движением тёмную субстанцию. На глазах их становилось всё больше и больше. И сердитое жужжание над лугом нарастало с каждой секундой.

Жора завопил снова – его опять ужалили несколько пчёл. Он выронил из руки нож и яростно замахал обеими руками, отгоняя всё новых насекомых, которые неслись на него. Ему было уже не до меня.

У меня перехватило дух. Я не мог от страха сделать больше и шагу. В голове мелькнуло, что сейчас этот разъярённый рой бросится на меня тоже. Но пчёлы меня будто не замечали. Они продолжали стремительно вылетать из-за моей спины и, как одна, пикировали на бугая, орущего благим матом и бестолково машущего руками.

Уже и не жужжание раздавалось над ульями, а грозный гул. Я снова посмотрел туда – в воздухе висело целое живое облако из насекомых. Оно несколько секунд раздувалось на глазах, клубилось и кипело, как единый живой организм. И вдруг разом, как по чьей-то команде, ринулось в нашу сторону.

Моё сердце ухнуло куда-то вниз. Я понял, что это конец.

Жора тоже увидел это. Его лицо уже заплыло от укусов и скорчилось от боли и ужаса. Он издал хрип и повернулся, чтобы бежать. Мы оба поняли, что происходит нечто непонятное и страшное.

Пчелиная туча пронеслась над моей головой. Я даже всем телом почувствовал дуновение от тысяч и тысяч крылышек. Ни одна из них меня даже не задела, словно я был неодушевлённым предметом.

Пчелиный вихрь налетел на Жору, окутав его со всех сторон. Пчёл было так много, что сам Жора пропал из виду. Я слышал только его жуткий вопль. Он бросился было прочь, но сумел пробежать всего несколько шагов. Я с ужасом наблюдал, как пчёлы сплошь облепили его лицо, шею и руки, как они живой шевелящейся массой залезли даже за расстёгнутый воротник рубахи.

Жора орал страшно и непрерывно, он рухнул на колени и молотил себя ручищами по лицу, по груди, давя насекомых десятками. Но сотни и сотни новых тут же занимали их место. Потом Жора упал и стал кататься по земле, и вопли его были уже надсадными. Но жужжащий рой не отставал от него. В него продолжали вонзаться новые и новые жала.

Это продолжалось ещё несколько секунд, и Жора внезапно затих. Он ещё несколько раз конвульсивно дёрнулся и остался лежать на траве без движения.

Потом пчелиное облако, снова как по команде, взметнулось в воздух, немного повисело над телом, и понеслось над моей головой назад к ульям. Некоторое время пчёлы вились над своими жилищами, а потом их единый рой стал постепенно разделяться на части, редеть: пчёлы залетали обратно в ульи. Скоро их живое облако растаяло в воздухе.

Я стоял, замерев на месте. Сердце бешено колотилось. Случившееся на моих глазах потрясло меня больше, чем что-либо до этого.

Я всё ещё не мог поверить в своё неожиданное спасение. И не мог осознать, что произошло. Как так получилось, что меня ни одна пчела не ужалила? Почему всё досталось Жоре? Почему они вообще вдруг накинулись на него?

Хозяйка пасеки рассказывала, что пчёлы не любят всяких резких запахов. Может, они почуяли идущий от Жоры запах курева? А может, что-то другое их разозлило? Не знаю...

Впечатление было такое, что ими управлял кто-то невидимый.

Потом я набрался смелости и осторожно подошёл к Жоре, валяющемуся на траве в скрюченной позе. Его было не узнать. Всё лицо и руки вздулись и были синюшного цвета, как ноги у мороженой курицы. Правильнее было бы сказать, что его лицо потеряло черты, оно превратилось в какое-то жуткое бесформенное месиво. Рот был широко раскрыт в застывшем вопле.

Я наклонился над ним. Он не дышал и не шевелился. Совсем. Он был мёртв.

Такая доза пчелиного яда, которую он получил, убила бы, наверное, быка.

Я попробовал представить себе, что Жора чувствовал в последние моменты своей жизни, и содрогнулся.

Но он это заслужил.

Ноги всё ещё мелко дрожали, но я побрёл через луг к дороге.

Потом сел на велосипед и покатил домой.

Нет смысла пережёвывать нудное повествование о том, как я пошёл в полицию и всё рассказал следователю. Да, тому самому, который приходил ко мне в больницу. Он сначала мне не поверил. Что и не удивительно.

Не хочется в подробностях пересказывать, как со специальной группой мы снова в тот же день поехали на луг – туда, где всё случилось. Как уносили на носилках изуродованную, потерявшую человеческий облик Жорину тушу. Как на следующий день, уже в присутствии Витьки и Даши, доставали из озера труп старого пчеловода, уже обезображенный разложением и объеденный рыбами.

Как рыдала над ним старушка, хозяйка пасеки, которая присутствовала на этом жутком мероприятии. Как потом опять со следственной группой мы поехали к известняковому месторождению – к тому месту, где Жора столкнул меня в шурф, ударив сначала шокером (как оказалось, принадлежавшим Даше).

Не хочется вспоминать все эти допросы и следственные эксперименты. Как те двое быстро раскололись насчёт своих ролей во всём, что случилось. Как хныкал и утирал сопли

Витька, давая признательные показания, и нещадно сваливая всё на покойного хахалю своей сестры. Как всхлипывала Даша, умоляя следователя не судить их с братцем слишком строго.

Я старался не наговаривать лишнего на них. Наоборот, Витьку я всячески выгораживал. Я сказал, что Жора угрозами заставлял его помогать скрыть своё злодеяние, а потом молчать. Уж не знаю, был ли Витька мне за то благодарен – я потом с ним очень мало общался. Оба мы понимали, что уже никогда друзьями не будем.

И ещё: после того, как всё стало известно, его батя на выборах снял свою кандидатуру. Насколько я знаю, джип у них конфисковали, а самого Витькиного отца обязали выплатить вдове убитого огромную сумму.

В общем, дальнейшее было уже не столь интересно.

Мне остаётся только добавить, что я потом ещё раз съездил на пасеку к старушке. Мы с ней сидели, пили чай с мёдом (конечно же!) и долго разговаривали о разном.

От неё я узнал самую последнюю деталь, которая в этой истории осталась для меня тёмным пятном. Старика действительно звали Пётр Арсеньевич.

Да, чуть не забыл: возвращаясь с пасеки, я знал, что больше не боюсь пчёл.

Поймать удачу

1

Этого котёнка Андрей Кондаков подобрал, когда возвращался домой с курсов по вождению. Стоял солнечный июньский вечер, на улице было малоллюдно и тихо. Андрей шёл не спеша, вдыхая дурман клейких тополиных почек, любясь молодыми кронами, изумрудно-прозрачными в лучах клонившегося солнца, и думал о том, что жизнь всё-таки прекрасна. Он, молодой и перспективный (как ему казалось) выпускник филфака Санкт-Петербургского университета, имел все основания так считать.

Во-первых, вчера наконец-то закончилась канитель по оформлению всех документов на квартиру, отписанную ему бабушкой. Теперь он собственник двушки в Питере, и не где-нибудь, а на Васильевском!

Во-вторых, в отношениях с Инкой наметились какие-то сдвиги к улучшению. В очередной раз помирились и договорились больше не ссориться по пустякам (хотя в таких случаях договорённость ничего не значит, и обоим это понятно). А ещё запланировали в следующие выходные съездить в Петергоф, поглазеть на фонтаны и прочие красоты. А там, глядишь, для них двоих снова обозначится некое светлое бу-

дущее.

В-третьих, на днях Андрея вновь посетила муза, и он возобновил работу над романом. Сие творение полгода назад было заброшено по банальной причине: улетучилось вдохновение. А улетучилось оно, как водится, из-за множества мелких житейских неурядиц и более крупных долгосрочных забот. Но похоже, что к сегодняшнему дню этот ворох Андрею удалось разгрести. Теперь он твёрдо знал, что книгу доведёт до конца, и успех ей обеспечен. Ведь два его рассказа уже напечатали в сборниках начинающих писателей, а теперь он удивит всех!

И, наконец, в-четвёртых: впереди у него был отпуск длинной почти целое лето. Доработать до конца недели – и надолго свободен! Это ли не классно, когда тебе двадцать семь? Правда, этот отпуск был связан с досадным обстоятельством, омрачавшим общее мажорное состояние дел.

После окончания университета за два года поисков подходящей работы Андрей не нашёл ничего лучшего, как должность корректора в издательстве этого же университета. Платили соответственно. К тому же с окончанием учебного года издательство вместе со всем университетом временно прекратило свою деятельность. Его отправили в отпуск, который фактически был равен студенческим каникулам. Это было с одной стороны здорово, а с другой стороны не очень: оплата этого отпуска была уж совсем символической.

Финансовый вопрос оставался для Андрея весьма бо-

лезненным. Конечно, Андрей ясно осознавал, что если ты не сын банкира, то тебе, молодому специалисту, много получать не светит; что не всё сразу; что надо в жизни потрудиться и т. д. и т. п. Но всё же... Этой зарплаты хватало только на поддержание штанов, и надо было что-то менять. Иначе никакого совместного будущего с Инкой. Запросы-то у неё отнюдь не как у Золушки.

К тому же само это занятие – вычитывать и править чужие тексты – было монотонным, нудным и совсем не творческим, что тоже не прибавляло энтузиазма. «Разумеется, я способен на большее и достоин лучшего, – не раз говаривал себе Андрей, и сейчас то же самое крутилось у него в голове, – но надо потерпеть, всё со временем образуется!»

Да, но пока на горизонте не было видно более подходящей работы. Увольняться не было никакого резона. Приходилось тянуть эту надоевшую уже порядком лямку. Пока же Андрей делал основную ставку на своё произведение. Если получится, если меня опубликуют, размышлял он, тогда можно будет подумать о писательской карьере. По крайней мере, будут какие-то денежки, можно будет уволиться с этой опостылевшей работы и вплотную заняться поиском чего-то более дельного.

Так что, если подытожить, всё не так плохо.

В нахлынувшем радужном настрое Андрей чуть не наступил на чёрный пушистый комочек, метнувшийся наперез ему из-за кустов. Котёнок, совершенно чёрный, будто

измазанный сажей, совсем маленький, месяцев трёх от роду. Неожиданно выскочил, сделал несколько быстрых прыжков – и замер прямо у Андрея под ногами, подняв хвост трубой и крутя крохотной головёнкой во все стороны, будто бы сам удивляясь: и как это я здесь оказался?

– Ну что ты такой неосторожный? – Андрей наклонился и поднял котёнка, посадил на ладонь. – Ведь чуть не задавил тебя!

Котёнок посмотрел Андрею прямо в глаза своими янтарными бусинами и еле слышно мяукнул. Никаких попыток спрыгнуть с Андреевой ладони он не делал. Похоже, ему было очень даже уютно.

Андрей оглянулся, ища глазами кого-нибудь, кому могло принадлежать это симпатичное существо. Но вокруг близко никого не было. Улица жила своей обычной жизнью: проносились машины, бабушки сидели на скамейках вдоль тротуара, девчонки во дворе скакали в классики, вдалеке виднелась парочка с коляской. Никто не обращал на Андрея внимания. Кажется, котёнок был бездомный.

Чёрный, и чуть дорогу мне не перебежал, отметил про себя Андрей. Хорошо, что не успел. Как и всякий образованный человек, суеверным Андрей не был, но почему-то на секунду ему стало не по себе. Уж слишком хорошо всё последнее время складывалось, причём без особых усилий с его стороны.

«Да ладно, ерунда, – подумал Андрей. – Ещё не хватало

начать верить в приметы!»

– И откуда ты взялся? – пробормотал он, рассматривая котёнка. – И не совсем ты чёрный, вон манишка белая на груди... А ведь породистый, смотри какая шерсть длинная. И зенки жёлтые, выразительные. Прямо как у тигра! Жалко тебя здесь бросать...

Как будто поняв его, котёнок снова мяукнул, продолжая неотрывно глядеть Андрею в глаза. Убегать он и не думал. В сердце Андрея шевельнулась жалость к этому беззащитному комочку жизни.

– Ладно, уговорил, – усмехнулся Андрей. – Беру тебя к себе. Теперь ты мой. Всё равно пока один живу. Вдвоём, глядишь, будет веселее.

2

Андрей придумал для котёнка кличку – Фарт. «Раз он не успел перебежать мне дорогу, и к тому же имеет белую отметину, значит, должен принести мне удачу!» – так объяснил он Инке, когда они встретились, и Андрей рассказал о своём неожиданном приобретении. Инка посмеялась и изъявила желание посетить Андреево жилище, дабы познакомиться с его новым другом. Нечего и думать, что такое пожелание было встречено Андреем с большим воодушевлением. Это был ещё один повод провести время вместе.

Всё прошло замечательно. Котёнок Инну очень умилил, она так долго сюсюкала и игралась с ним, что Андрей даже ощутил укол ревности. Инка однозначно одобрила приобретение Андрея, чем в свою очередь умилила его, так как слова одобрения из её уст слышал он не часто.

Фарт оказался на редкость шустрым и любопытным. В первый же вечер, когда Андрей принёс его домой, он облазил все углы и все шкафы, куда только мог забраться. В результате его исследовательской активности с антресолей слетела груда коробок со старой одеждой, а с подоконника грохнулся горшок с цветами, насыпав на пол земли. Вдобавок Фарт опрокинул миску с молоком, которую Андрей поставил для него в угол.

– Вот непоседа, чувствую, будет от тебя проблем, – раз-

дражённо ворчал Андрей, замечая землю и вытирая с пола молочную лужу.

На следующий день, пока Андрей был на работе, Фарт нагадил на ковре посередине комнаты, исцарапал обои в прихожей, порвал тюлевую занавеску и каким-то образом вытолкнул стакан из кухонной мойки. На полу блестели осколки.

– Ах ты, вредитель! – выругался Андрей, вернувшись домой и обнаружив сюрпризы. – Я для этого тебя приютил?

Но наказывать хулигана не стал: что с него взять, молод ещё и глуп. Вместо этого Андрей позвонил матери, сообщил новости и заодно проконсультировался, как воспитывать котёнка и чем кормить. Получив необходимые инструкции, начал их неукоснительно выполнять.

Фарт оказался не только шустрым и подвижным, но и весьма смышлёным существом. Через неделю он уже приучился справлять свои надобности в специально отведённую для этого посудину. Молоко больше не проливал и стаканы не разбивал. Правда, стены всё ещё царапал, но против этого Андрей нашёл средство: поставил в угол найденный в кладовке рулон рогожи, на который Фарт с радостью переключил свои охотничьи инстинкты. Когда Андрей возвращался с улицы домой, Фарт выбегал встречать его в прихожую с радостным писком. А когда Андрей ложился спать, сворачивался калачиком рядом или на груди, еле слышно урча.

При всём при этом Фарт отличался редкостной даже для котёнка неугомонностью. Жизненная энергия в нём была через край. Он мог часами носиться взад-вперёд по квартире, забираясь в самые немыслимые закоулки и потом неожиданно выскакивая оттуда, демонстрируя немыслимые акробатические трюки и гоняясь за одним ему известной добычей. Андрей, наблюдая за этими фортелями, думал, что всё-таки не зря встретилось ему это маленькое и забавное существо.

Через месяц Фарт уже заметно подрос. В его поведении мало что изменилось, но Андрей не раз замечал некую странность.

По вечерам Андрей садился за компьютер за продолжение своего опуса. Работа над романом, вопреки ожиданиям, шла со скрипом. Вдохновение, на которое Андрей уповал, повитало недолго над головой и опять куда-то упорхнуло, почти не оставив следов. В голову приходили какие угодно мысли, только не о том, как развивать сюжет. Поэтому чаще Андрей, помучившись час-полтора, отвлекался, чтобы полазить в интернете.

А котёнок прекращал свою беготню, пристраивался рядом на столе, замирал и внимательно смотрел то на монитор, то на Андрея. Как будто что-то понимал.

Вот и в то воскресенье Андрей промаялся полдня, чтобы придумать, что же делать дальше с главными героями, но ничего стоящего не придумал. Он сидел и тоскливо пялился в экран, периодически поглядывая в окно. За окном продол-

жалось солнечное лето и звало на улицу. Фарт усердно возился под столом со старой рукавицей, выделенной ему для забав.

«А я сижу тут как дурак, непонятно что высиживаю, – думал Андрей, – лучше бы с Инкой куда-нибудь сходили. Может, вообще зря все эти потуги? Может, я совершенно бездарен как писатель?»

Андрей закрыл текстовый редактор и зашёл в Яндекс. «Посмотрю объявления о работе, – решил он, – может, что дельное попадётся».

Он начал было набирать в поисковой строке слово «работа», как вдруг чёрный пушистый комок стремительно вскочил на стол, заставив Андрея вздрогнуть. Следующим прыжком Фарт оказался на клавиатуре, и, прежде чем Андрей успел среагировать, пробежался по всей её длине. Потом остановился на краю стола и оглянулся на Андрея, слегка помахивая хвостом вправо-влево, как бы спрашивая: «ну, каков я?»

– Чёрт бы тебя побрал! – с досадой воскликнул Андрей, схватил котёнка за шкурку и швырнул в дальний конец комнаты.

Фарт шлёпнулся, мявкнул, но тут же вскочил на ноги и стал удивлённо озираться. Похоже, он был не прочь повторить такой аттракцион.

«Надо с ним поостроже, а то совсем оборзееет», – подумал Андрей. Он повернулся к монитору и замер в удивлении.

Во весь экран красовалась надпись: «Если Вы видите это объявление, поздравляем Вас! Это Ваш уникальный шанс. Эксклюзивная сдельная работа на короткий срок. ООО „Иновационный центр „VVV““. За подробностями обращайтесь по адресу... телефон...»

Оторопевший Андрей прочитал ещё раз.

– — Это ж надо! – пробормотал он. – Что ты такое нажал-то, дружок?

Фарт снова вскочил на стол, но теперь сидел смиренно и только благодушно шурился, поглядывая то на Андрея, то на дело лап своих.

«Похоже на обычную разводку для лохов, – размышлял Андрей. – Хотя, чем чёрт не шутит... Может, попробовать обратиться? Просто узнать, что за эксклюзивная работа? За спрос ведь не быют... А вдруг это действительно шанс подзаработать? Время есть, а денежки-то совсем не лишние! Надо бы разузнать ещё про это VVV... Странное название, никогда не встречал...»

Он записал на всякий случай координаты неизвестной организации и набрал в поисковой строке запрос: инновационный центр «VVV». Однако Яндекс ничего не нашёл. Андрей попробовал поискать в Гугле, но результат был тот же. Похоже, такой организации в природе не существовало. Или она была неизвестной по каким-то причинам... Хотя мало ли таких?

Остаток дня Андрей провёл в сомнениях, но назавтра

утром собрался с духом и позвонил по указанному телефону.

3

– Алло, здравствуйте, вы позвонили в инновационный центр ви-ви-ви! – послышался в трубке приятный и молодой женский голос.

– Здравствуйте, я по объявлению о работе... – промямлил Андрей, отметив про себя: «Значит, существуют!»

– Хорошо, скажите, пожалуйста, как вас зовут, ваш возраст и профессия, – отрепетированной скороговоркой сказала девушка.

Андрей сообщил свои данные.

– Ждём вас на собеседование сегодня в четырнадцать ноль-ноль по адресу... – девушка всё той же скороговоркой произнесла уже знакомое название и цифры. Это было в другом конце города, у станции метро «Академическая».

– А можно узнать, что это за организация, чем вы занимаетесь, какая работа? – торопливо спросил Андрей.

– По телефону сведений не даём, – вежливо отрезала девушка. – Все подробности на собеседовании. Спасибо, что позвонили нам, и до скорой встречи!

– До свидания, – недоумённо пробормотал Андрей. Трубка ответила ему гудками.

Сразу сегодня... Хм. Наверное, кандидатов совсем мало. Неужели фортуна продолжает череду своих улыбок?

Без пяти два Андрей стоял перед пятиэтажкой, затеряв-

шейся среди новостроек. Район был для Андрея мало знакомый, и нужный адрес он нашёл далеко не сразу. Здание было ничем с виду не примечательным: судя по всему, не жилым, а скорее административным, типа какой-нибудь жилконторы или собеса. Сходство было бы совсем полным, если бы не странного вида сооружение на крыше, похожее на высокую решётчатую антенну.

«Как-то не похоже, чтобы тут занимались инновациями», – отметил про себя Андрей.

Тем не менее, перед входной дверью висела металлическая табличка с перечнем организаций, и среди них была «ООО Инновационный центр „VVV“».

Андрей позвонил по домофону, назвался, и дверь открыли. Внизу был просторный холл, попасть в который можно было только через проходную с «вертушкой». Рядом была кабина с вахтёром. В общем, всё как в подобных зданиях со множеством разных контор. На входе Андрей сказал, что по объявлению и показал паспорт. Строгий пожилой дядька в кабинке, сделав куда-то телефонный звонок, пропустил его со словами:

– Вам на пятый этаж, офис сто семнадцать.

Андрей быстро нашёл нужный этаж, нужную дверь и застыл, не веря своим глазам. Этого не могло быть.

На двери офиса сто семнадцать висела табличка с надписью «Межин Борис Анатольевич Генеральный директор».

Андрею очень хорошо были известны эти имя, фамилия

и отчество. Боря Межин был его одноклассником.

«Неужели это он? – крутилось в голове у Андрея. – Таких совпадений не бывает! Борька Межин и инновации – что может быть общего?»

Сердце почему-то учащённо заколотилось, а в горле пересохло. С трудом подавив волнение, Андрей постучал.

Тот же голос, который он слышал в трубке, пригласил его войти. Обладательницей этого голоса оказалась (как он и предполагал) миловидная блондинка лет двадцати пяти в деловом костюме. Андрей осмотрел приёмную. Не так чтобы богато обставлено, но вполне прилично. Ещё одна дверь, обитая кожей, видимо, открывалась в кабинет главного лица.

– Андрей Викторович? – Андрей кивнул. – Прошу, Борис Анатольевич Вас ждёт.

Войдя, Андрей убедился: это был действительно Борис Межин собственной персоной. За десять лет, что они не виделись, он заметно изменился: располнел, посолиднел, на голове появилась проплешина. Но Андрей узнал его сразу.

– Андрюха! Сколько лет, сколько зим! – Борис встал из-за обширного стола, быстро подошёл, стал трясти руку. – Не предполагал, что здесь увидимся! Но рад, признаться, очень рад!

– Здорово, Боря! – преодолевая некоторую неловкость, ответил Андрей. – А уж я-то как не предполагал... М-да, солидно выглядишь, молодец!

Друзьями они в классе никогда не были, даже в одной ком-

пании не водились, и после выпускного ни разу не виделись. Андрей ничего о его дальнейшей судьбе не знал, и уж никак не предполагал, что их жизненные пути могут где-то пересечься.

Да, от серенького невзрачного троечника, каким Боря всегда был в школе, мало что осталось. Теперь всё в нём выдавало человека преуспевающего: великолепный костюм из какой-то переливающейся на свету ткани, стильные ботинки, со вкусом подобранная рубашка и неброский, но под стать костюму галстук. На запястье блестели часы, которые стоили, наверное, три Андреевых зарплаты. Собственно, сам факт того, что Борис сидел в этом кабинете в качестве генерального директора, уже говорил о многом.

«Кто бы мог подумать? – крутилось в голове у Андрея, пока он выслушивал бодрый монолог Бориса о том, как здорово, что они встретились. – И когда он успел так взлететь?»

Андрею вдруг стало жутко неуютно, потому что он представил, как он сейчас выглядит по сравнению с Борисом: джинсы, заношенные кроссовки, футболка и потёртая замшевая курточка.

«Знал бы, хотя бы оделся попримечнее», – мелькнула у него мысль.

Борис будто бы заметил его смущение и быстро сменил тему:

– Ты давай не тушуйся, садись! – он подвинул Андрею кресло для посетителей. – Я так понимаю, ты о нас узнал

в интернете?

– Именно так, – ответил Андрей, присаживаясь. – Совершенно случайно наткнулся на ваш рекламный сайт. Думаю, а чего бы не попытать счастья? Вот и обратился...

– Правильно и сделал, что обратился! К нам кто попало не обращается, – довольно изрёк Борис, усаживаясь напротив Андрея.

Он ткнул кнопку на селекторе и всё тем же бодрым голосом распорядился:

– Леночка, ласточка, нам два кофе организуй!

Андрей рассеянно следил за его действиями.

– Так что у тебя тут за фирма, чем занимаетесь? – набрался он наконец решимости.

Борис загадочно усмехнулся.

– Фирма у нас, можно сказать, уникальная! Занимаемся научно-исследовательскими разработками в области... м-м-м, как бы тебе сказать... в общем, тем, как влияет наше мышление на окружающую реальность. На всё, что с нами происходит. Непосредственно, понимаешь?

Теперь Андрей не поверил своим ушам. Он ожидал услышать что угодно, только вот не такое. Тем более от Бори Межина. Какое-то время он молча смотрел на собеседника, не в силах вымолвить что-то осмысленное.

Борис выдержал паузу, будто наслаждаясь произведённым впечатлением, и добавил:

– А работа состоит в том, чтобы помогать нам проводить

эти исследования. Мы за это платим. Такого в мире ещё никто не делал. Ноу-хау!

Вошла секретарша с подносом, на котором стояли две дымящиеся чашки и ваза с конфетами. По кабинету тотчас же разнёсся щекочущий ноздри кофейный аромат.

– Спасибо, Леночка, – сказал Борис, – можешь идти.

Он проводил Леночку равнодушным взглядом и повернулся к Андрею. С его лица не сходило выражение полной удовлетворённости жизнью.

– И что, всё это ты заработал таким образом? – Андрей обвёл рукой пространство вокруг себя.

– Нет, конечно, – снисходительно улыбнулся Борис. – Естественно, это у меня не основной бизнес. Я в совете директоров ещё двух компаний. Но думаю, это тебе не очень интересно. А вот предложение, которое я хочу тебе сделать, наверняка заинтересует. Мы друг другу можем здорово помочь.

– Ну, тогда, Боря, слушаю тебя внимательно, – сдерживая головокружение от удивления, сказал Андрей.

Андрей шагал по тротуару, снова и снова прокручивая в памяти разговор с Борисом. То, что он услышал, было настолько необычно, что смахивало на какую-то мистификацию. Но с чего бы Борису обманывать его? А предложение действительно выглядело заманчивым.

Если он правильно понял своего будущего работодателя, от него требовалось на протяжении двух недель (может, чуть больше или меньше) вводить в компьютер некую информацию. Просто тупо сидеть в специально оборудованном помещении и набирать на клавиатуре какие-то цифровые коды, которые ему будут даны в распечатанном виде. Когда Андрей спросил, в чём смысл этой работы и почему для неё нужно отбирать кандидатов – ведь с этим справится любой, Борис рассказал примерно следующее.

Та информация, которую работник должен заносить в компьютер, – не просто хаотичный набор произвольных чисел. Это некий гиперкод, он обрабатывается специально разработанной новейшей программой под названием «Virtual Venturesome Voyager», что можно перевести как «отважный исследователь реальности» (аббревиатура названия программы и есть название компании). И полученные с помощью этой программы данные позволяют довольно-таки точно прогнозировать на ближайшее время всё, что име-

ет отношение к его, Бориса, бизнесу. Котировки биржевых акций, цены на нефть, курсы валют и, конечно же, рыночный спрос на продукцию, которую его подшефные компании выпускают (что за компании и что за продукция, Борис так и не сообщил, а Андрей постеснялся расспрашивать).

Но это не самое важное, добавил Борис. Гораздо важнее то, что с помощью этих выходных данных можно не только предсказывать течение интересующих нас событий, но и до определённой степени *влиять на них*.

Услышав такое, Андрей опешил. «Каким это образом влиять? Разве такие вещи зависят от наших желаний? Они даже от наших усилий не очень-то зависят», – недоверчиво усмехаясь, заявил он. На что Борис невозмутимо ответил: «А вот тут, мой дорогой друг, ты ошибаешься. Влиять можно, причём так, как нам нужно. И в этом состоит суть наших инновационных разработок».

Он пояснил, что эти полученные данные обладают неким избыточным информационным потенциалом. Если их снова преобразовать в выходные сигналы, модулировать ими радиоволны на специально подобранной частоте, и транслировать эти волны в окружающее пространство, то они оказывают на определённые процессы в мире нужное нам воздействие. Как бы направляют их в нужное нам русло. «Видел передающую антенну на нашем здании? – всё так же самоудовольно улыбаясь, спросил Борис. – Вот с помощью её мы это и делаем!»

Андрей никогда не был силён в технике и точных науках, но ему казалось, что школьный-то курс физики он худо-бедно в общих чертах усвоил. То, что говорил ему Борис, противоречило всему, чему его учили в школе. «Боря, это какая-то мистика, – сказал Андрей. – Я хоть и не учёный, я по другой части спец, но знаю, что так не бывает!»

На что Борис с усмешкой ответил, что Андрей просто не в курсе последних достижений науки. Что это действие проверено на практике и подтверждено множеством экспериментов. «Ты спросишь, как я могу это подтвердить? – сказал он. – Мой теперешний статус, моё благосостояние и есть тому самое наглядное подтверждение! Ты думаешь, успех пришёл ко мне случайно? Нет, он пришёл ко мне благодаря использованию этой методики. Другие напрягаются для этого всю жизнь, а я достиг за пару лет и намерен двигаться дальше!»

– Хорошо, может оно так и есть... – обалдело проговорил Андрей, всё ещё не в силах переварить услышанное. – Но тогда я не понял, какова моя роль? Чем я-то тебе могу быть полезен, если ты уже добился всего, чего хотел?

– Я и говорю: помогать мне двигаться дальше! – жизнерадостно ответил Борис. – Ты ж понимаешь, старик, бизнес – он как жизнь: или ты идёшь в гору, или под гору! И потом, мне просто дико интересно раскручивать свой проект. Тебе как человеку, далёкому от бизнеса, наверное, сложно понять, в чём тут кайф.

– Это точно, мне такие вещи недоступны, – грустно согласился Андрей.

– Но это неважно, – ободряюще улыбнулся Борис. – И неважно, веришь ты в это или нет. Главное, что я тебя приглашаю поучаствовать в проекте и плачу хорошие деньги! Сто тысяч за две недели – где ты ещё так заработаешь? Ну как, согласен?

Да, целых сто тысяч – это для Андрея были деньги немалые. Такая сумма была равна его полугодовой зарплате. А тут всего за полмесяца непыльной, хоть и непонятной работы.

Слова согласия вот-вот собирались сорваться с языка, но внутри что-то не давало. Слишком уж всё это было щедро, слишком уж хорошо, чтобы быть правдой. Не кроется ли тут какой-нибудь подвох? Но с другой стороны, зачем Боре Межину его обманывать? Какая ему с того выгода?

Андрей сидел, потупив глаза в стол, и лихорадочно сообщал.

Борис заметил его колебания и добавил:

– По крайней мере, ты ничего не теряешь. Если сомневаешься, заключим временное трудовое соглашение. Официально.

– Ладно, согласен, – выдавил из себя Андрей. В самом деле, что он терял в случае неудачной попытки? Разве что пару недель свободного времени, которого у него впереди было ещё достаточно.

– Вот и отлично! – просиял Борис. – Я всегда знал, что на тебя можно положиться! Приходи завтра к десяти, Лена подготовит все документы, и договорчик подпишем! Да, и ещё перед этим надо будет заполнить анкету. Довольно подробную, так что не удивляйся.

– Хорошо, договорились, – сказал Андрей. – Но я хотел бы ещё кое-что для себя прояснить. Давай всё-таки вернёмся к началу нашего разговора. Что ты имел в виду, когда сказал: «кого попало не берём»? И главное: что это за коды волшебные такие и откуда они берутся?

Борис благодушно рассмеялся. Похоже, хорошее настроение с некоторых пор не покидало его никогда.

– Узнаю, узнаю всё того же дотошного Андрюху Кондакова! Помню, как ты доставал училок своими «как», да «зачем», да «почему»! Так и знал, что ты меня об этом спросишь! Вот тут самый интересный момент в наших исследованиях, можно даже сказать, центральный...

И Борис поведал то, во что Андрей уж никак поверить не смог.

Оказывается, эти числовые данные, эти пресловутые коды – не что иное, как энцефалограммы, определённым образом записанные и оцифрованные. Важно, что энцефалограммы людей не всяких, *а только успешных и везучих*. То есть алгоритмы успеха и удачи, закодированные в виде мозговых сигналов отдельных индивидуумов, чьи мозги способны такие сигналы индуцировать. Или, если уж совсем грубо

упростить, записанные в числах удачливость и психологическая установка на успех.

– То есть ты хочешь сказать, что ты научился использовать удачливость других людей? – переспросил Андрей. – Но ведь это же бред! Даже не фантастика! Это уже магия какая-то наполовину с чертовщиной!

– Я уже сказал тебе: можешь верить, можешь нет, но это работает, – нимало не смущаясь, ответил Борис. – Ты же сам видишь: я готов платить деньги любому удачливому человеку, если тот готов сотрудничать со мной. И тебе в том числе. Я, по-твоему, похож на сумасшедшего, чтобы платить ни за что?

– Нет, конечно, ты не сумасшедший, – сказал Андрей. – Допустим, ты прав, и в этом всё вправду что-то есть... Но ведь я-то человек явно не из категории успешных или особо удачливых! Во всяком случае, ничто из моих достижений пока не позволяет так считать.

– Как знать, – загадочно усмехнулся Борис. – Успешность – да, с ней понятно: её мерилom являются благополучие, известность, положение и возможности в обществе. И от чего она зависит, тоже ни для кого не секрет. Но раз уж с тобой говорим откровенно, то признаюсь: нас интересует главным образом такое качество, как удачливость. А удачливость – это не столько конкретные достижения, сколько потенциал для них. Кто знает заранее, где и как в нашей жизни этот потенциал проявится?

– Хм, любопытно... И какой тогда критерий отбора к вам на работу? – продолжал недоумевать Андрей. – Вот меня, к примеру, почему вы не отсеяли сразу? Потому что мы с тобой учились вместе?

– А критерий простой до смехоты, – ответил Борис совершенно серьёзно. – Кто на нас самостоятельно вышел, того можно считать достаточно удачливым, чтобы представлять для нас интерес как сотрудник. Жизнь, так сказать, сама отфильтровывает. Поэтому и сведений о нас так мало. Не зря говорят, – добавил он со смешком, – на ловца и зверь бежит! Естественно, о каждом кандидате мы наводим справки, и предлагаем работу не всем... Ну речь-то сейчас о тебе, не так ли?

– М-да, насчёт ловца ты хорошо сказал... – задумчиво пробормотал Андрей. – Вопрос в том, можно ли считать это удачей для зверя... Но в общем, считай, я согласен. Попробуем!

– Значит, до завтра? – Борис не скрывал удовлетворения на лице.

– Да, Боря, завтра приду, как договаривались. Слушай, ещё вот что понять не могу... – Андрей замаялся. – Как в голову-то тебе вся эта затея пришла? Ты ведь вроде... не сочти обидным, просто удивительно... не особенно в школе к наукам-то тянулся?

– Да всё нормально, никаких обид, – спокойно ответил Борис. – У меня ведь трудится целый штат научных сотрудни-

ков. А главный разработчик, и, так сказать, идейный вдохновитель, этой, как ты выразился, затеи, – человек хорошо тебе известный. Илья Шуховский. Это он данную затею придумал и математически обосновал. Ну а я воплотил её в жизнь, заставил работать, так сказать...

– Илюха Шуховский? Ни фиги себе! – воскликнул Андрей, поражённый очередной новостью. – Так он до сих пор с тобой работает?

– Нет, уже не работает, – Борис покачал головой, и с его лица улыбка на миг исчезла, но тут же появилась. – Он своё дело сделал, своё получил и уволился.

– А чего уволился? И где он теперь? – не смог сдержать любопытства Андрей.

Борис неопределённо пожал плечами.

– Не знаю, вроде бы нашёл что-то более перспективное с денежной точки зрения. А может, что-то поинтереснее. Он ведь человек увлечённый, сам знаешь... Как рассчитался, так мы с ним не общались больше.

– Да, любопытно всё это... – Андрей не мог уместить в голове всё услышанное. – Это ж надо, кто б мог подумать, что Илюха такое замутит, да ещё с тобой в компании! Ладно, пожалуй, пора мне...

Поговорив ещё немного с Борисом о том, о сём, Андрей покинул кабинет и поехал домой.

Он шагал по тротуару, а в голове не унималась пёстрая карусель.

«Ай да Боря... вот уж от кого не ожидал! Неужели всё это правда? Почему об этом никто не знает, это ж открытие мирового масштаба... Да ну, ерунда, – тут же оборвал он себя. – Несерьёзно как-то! Это примерно то же, что какие-нибудь установки с торсионными полями для путешествий во времени. Мало ли сейчас таких чудиков от науки... Но, с другой стороны, если он тратит на это такие деньги... А мне-то что? Мне главное заработать! А если это и вправду действует? Ладно там Боря, а Илья-то вряд ли бы занялся чем-то сомнительным... Поймать и записать удачу! Надо ж такое придумать... хотя тут-то наверное всё может быть...»

Илья Шуховский тоже учился с ними в одном классе. Вундеркинд, светлая голова, гордость школы, будущая звезда отечественной науки, как о нём говорили педагоги. Золотой медалист, неизменный победитель городских олимпиад по математике и призёр всероссийских, компьютерный гений. Андрей с ним не особо общался в школе, – с ним вообще мало кто общался, так как Илюха был весь в учёбе, во всяких факультативных занятиях и программировании, а на сверстников и их занятия мало обращал внимания. Кое-кто считал его высокомерным, хотя Андрей так не думал.

Во всяком случае, сам он тоже лоботрясом не был и учился всегда хорошо (правда, до Ильи было далеко). И с Ильёй не то чтобы дружил, но общего у них было побольше, чем с тем же Борей Межиным.

Андрей не назвал бы тогдашнего Борю разгильдяем и шалопаем, а себя – «ботаником» и зубрилой. Про себя он знал, что рос нормальным, не слишком примечательным парнем и в основном был как все. Не чурался сверстников, любил погулять и в меру пошалить; наравне со всеми принимал участие во всевозможных затеях и играх. При этом к дракам, хулиганским выходкам и тому подобному склонен не был. Среди одноклассников его выделяла разве что повышенная любознательность и страсть к чтению.

Борин круг интересов и соответственно приятелей был несколько иным. Его товарищи по школе были из тех, что рано взрослеют, больше других себе позволяют и вызывают у остальных пацанов боязливо-восхищённое отношение. Сам Боря таким не был, но почему-то водился с такими, и они его принимали в свою компанию. И сейчас Андрей вспомнил, что уже тогда у Бори намечалась предпринимательская жилка. Например, в конце прошлого века и начале этого Боря всюду продавал одноклассникам плакаты и постеры с изображениями рок-групп, а позже переключился на шмотки. И за умеренную плату записывал им на кассеты редкие музыкальные альбомы. Один раз даже Андрею что-то записал. Где он всё это брал, Андрей не знал, да и узнать

не стремился. В восьмом классе к Боре прилипло прозвище «Делец», и с ним он проходил до выпускного. Впрочем, его это не задевало. Он уже тогда не видел ничего зазорного в том, чтобы быть «Дельцом».

А Илюха после школы тоже поступил в универ, но на физико-математический факультет. Естественно, без экзаменов. И даже, как особо перспективного студента, Илью освободили от армии, о чём с некоторой завистью думал Андрей. Он-то свои два года отбарабанил в войсках ПВО в Мурманской области.

Факультетские корпуса, в которых учились Андрей и Илья, были в разных районах города, и они после школы не встречались. От кого-то Андрей слышал, что Илья остался в аспирантуре, оседлал какую-то перспективную тему и уже защитил кандидатскую.

Ну, это было не удивительно. Удивительно было то, что судьба свела двух настолько разных людей, как Борис Межин и Илья Шуховский. Казалось бы, что могло быть общего между ними? И тем более первый стал боссом второго – как жизнь могла так распорядиться?

Андрей считал, что Борин жизненный потолок – должность какого-нибудь менеджера по снабжению во второразрядной торговой фирме. А Илья, как ему представлялось, штурмует недостижимые для простых смертных, сияющие высоты науки; может быть, и живёт уже где-нибудь за границей... А вот поди ж ты! Интересная штука жизнь всё-таки,

так порой поворачивается...

А то, что ещё и он, Андрей, теперь оказывается причастен к их совместной деятельности – ну это вообще совпадение из ряда вон! И то, как это получилось, тоже – кому рассказать, не поверят!

«Как бы то ни было, это мой хороший шанс» – подытожил про себя Андрей события сегодняшнего дня, открывая дверь своей квартиры.

Навстречу ему с радостным мяуканьем вылетел чёрный комок и стал тереться об ногу.

– Привет, Фарт, привет, дружище! – сказал Андрей, наклонился и почесал котёнка за ухом. – Похоже, я не зря тебя так назвал!

На следующее утро Андрей явился к своему новому работодателю. Сначала ему дали заполнять длинную, листов на десять, анкету, которая изобиловала странными вопросами. Андрей в первый раз видел, чтобы вопросник касался каких-то второстепенных подробностей, каких-то мелких нюансов и тех сторон жизни соискателя, о которых обычно другим не сообщают. Но после вчерашнего разговора с Борисом он уже ничему не удивлялся.

Трудовой договор был подготовлен, и Андрею дали ознакомиться. Договор был оформлен стандартно, и Андрей с удовольствием отметил, что Борис не обманул: в тексте чёрным по белому было написано «...в случае удовлетворительного выполнения указанного объема работы в указанные сроки сотрудник получает вознаграждение сто тысяч рублей». Правда, была в тексте одна особенность: необходимым условием для начала выполнения работы было снятие электроэнцефалограммы сотрудника. Андрей хотел было выразить удивление, но вспомнил подробности вчерашнего разговора.

– Получается, каждый, кто к вам нанимается, должен как бы внести свою лепту в удачу вашего предприятия? Так, что ли? – улыбаясь, переспросил он Бориса.

– Именно так, друг мой! – кивнул Борис. – Я рад, что ты

сразу всё схватываешь! Все бы так. Надеюсь, ты не против?

– Да бога ради, если это нужно, – развёл руками Андрей. – Что мне, жалко, что ли?

– Вот и чудненько! Приятно иметь дело с разумными людьми. Сейчас подпишем и потом сразу снимешь! – удовлетворённо потёр руки Борис. – Никуда идти не надо, у нас под это выделен кабинет с оборудованием и специально обученными людьми.

– Надо же, как у вас всё тут организовано! – Андрей не смог скрыть восхищения.

– А ты как думал! Всё по высшему уровню! – с неизменной улыбкой ответил Борис и тут же посерьёзnel: – Да, и ещё вот что, Андрей. От сотрудника, который будет вводить данные, требуется прежде всего точность. Как в бухгалтерии, понимаешь? Все цифровые коды должны быть введены без ошибок. У нас, правда, всякий сделанный кусок работы потом ещё раз тщательно проверяется, но имей в виду. Ошибки исправлять – процесс очень трудоёмкий. Поэтому за каждую ошибку из будущего дохода высчитывается тысяча рублей. Такие вот правила. В договоре это указано, но я обращаю твоё внимание ещё раз, потому что это очень важно. Главное – внимательность и ещё раз внимательность!

Андрею это показалось странным. Он хотел было спросить, не проще ли держать для такой работы штатных операторов, но сдержался, подумав: «Моё ли это дело?» Он только согласно кивнул и вымолвил:

– Хорошо, Борис, я понял.

– И последнее, – добавил Борис, и в его голосе Андрей расслышал жёсткую нотку. – Работа должна быть выполнена в полном объёме, до последнего знака. Только в этом случае выплачивается гонорар. Никакие части не принимаются. Предоплат и авансов у нас тоже нет.

– Ясно, – снова кивнул Андрей. – В моей добросовестности можешь не сомневаться, а быть внимательным и точным мне не в напряг. Я же корректор, так что это у меня профессиональное. Я не думаю, что с моей стороны будет хоть одна ошибка.

– Вот и отлично! – К Борису опять вернулось обычное благодушие. – Я рад, что у нас с тобой полное взаимопонимание! Теперь давай договор подписывать.

Андрей перечитал текст ещё раз, не нашёл больше никаких сомнительных пунктов, и поставил свою подпись на двух экземпляра договора. Потом подписал Борис, а секретарша Леночка заверила документы печатью.

– Всё, теперь у нас деловые отношения! – довольно сказал Борис. – Твоя работа начнётся завтра с десяти, а сейчас прошу в офис сто двадцать четыре!

Андрей никогда в жизни не проходил энцефалографию и немножко побаивался, но, как оказалось, напрасно. В кабинете его встретила пожилая строгая женщина в белом халате. Она усадила Андрея в кресло, прикрепила на голову несколько датчиков, от которых тянулись провода к неиз-

вестным ему приборам, что-то включила и велела спокойно посидеть некоторое время. Процедура закончилась быстрее, чем Андрей думал.

И на следующий день Андрей приступил к своим обязанностям. Всё оказалось, как и говорил Борис. Отведённое Андрею рабочее место было обычным маленьким кабинетиком, где больше никого не было. Там был письменный стол с компьютером, как отметил Андрей, одной из последних моделей. Каждое утро Андрею приносили длинный, сложенный гармошкой лист бумаги, похожей на кальку. На листе были распечатаны столбцы и строчки цифр, сгруппированных в восьмизначные числа. Андрею нужно было набирать эти числа в окошке на мониторе, строго в том порядке, в котором они распечатаны. Справа налево, сверху вниз.

Первое время Андрей пробовал угадать между этими числами какую-нибудь связь, какую-нибудь закономерность в расположении. Но даже намёка на что-то подобное не обнаружил, и быстро оставил эти попытки. Тем более это отнюдь не помогало делать то, что от него требовалось.

Уже на следующий день Андрей почувствовал, насколько утомительна предложенная ему работа. Корректировать тексты и то казалось более увлекательным. А через три дня это занятие порядком надоело. Хорошо, что в процессе работы никто его не подгонял, никто не контролировал и никто ему не мешал. К тому же режим работы был более-менее свободным. Андрей в любой момент мог прервать работу,

выпить чашку кофе, выйти на улицу или просто посидеть, отвлекшись от монитора.

Немного он пообщался и с персоналом, надеясь побольше узнать об этой компании и о другой деятельности Бориса, но никто ему толком ничего не рассказал. Все, с кем он в перерывах пытался поговорить на данную тему, отделивались какими-то скудными сведениями, которые по существу ничего не добавляли к тому, что Андрей узнал от шефа компании. С самим Борисом ещё раз поговорить сколько-нибудь долго не получалось – тот всё время отсутствовал по каким-то своим делам. Андрей видел его лишь пару раз в конце рабочего дня, и Борис только спросил его, как идут дела, и нет ли каких-то пожеланий. Андрей ответил в том духе, что всё нормально, и этим их общение было исчерпано.

К вечеру у Андрея рябило в глазах. Было тяжело после работы продолжать посещать вечерние курсы вождения. Он не бросал только потому, что жаль было и заплаченных денег, и потерянного времени. В эти дни по возвращении домой Андрея хватало только на то, чтобы наспех поесть, покормить Фарта и лечь спать. Работу над своим произведением Андрей, естественно, снова забросил. Даже если бы муза в очередной раз осенила его, он был бы просто не в состоянии ещё сидеть за клавиатурой.

На следующее утро Андрей снова прибывал на своё рабочее место и терпеливо перегонял однообразные ряды цифр с бумаги в память компьютера. В сознании маячили обещан-

ные сто тысяч, и эта цель придавала ему упорства. К чести его сказать, нареканий к нему не было ни разу: положенную работу он выполнял без ошибок.

Пару раз звонила Инка, выразила досаду, что он пропал и не звонит. Предлагала встретиться, куда-нибудь сходить. Но Андрей отвечал, что сейчас очень занят, мол, в следующий раз. О работе он рассказал Инне в общих чертах, опуская подробности, и подругу снесало естественное женское любопытство. Но, ничего не добившись от него во второй раз, она, похоже, обиделась и положила трубку со словами «Ну, сам позвонишь, когда соизволишь!»

Наконец Андрей закончил свою работу. На это у него ушло пятнадцать рабочих дней. Борис велел прийти за зарплатой назавтра и не обманул. В кассе ему выдали банковскую пачку новых, пахнувших типографской краской, тысячных купюр. Андрей чуть не прыгал от радости. «Сто тысяч! Я заработал целых сто тысяч!» – ликовала его душа.

У кассы его нашла секретарша Леночка и передала, что Борис просит зайти к нему в кабинет. Андрей зашёл. Судя по всему, Борис был доволен не меньше его. С удивлением Андрей увидел на столе Бориса открытую бутылку хорошего коньяка (кажется, «Хеннеси», в марках Андрей не очень разбирался) и два бокала.

– Ну что, Андрюха, выпьем за хорошо сделанную работу! – Борис подмигнул и набулькал в бокалы граммов по пятьдесят. – Знал, что ты меня не подведёшь. Твоё здо-

ровье! И как, говорится, за сбычу мечт!

Он поднял свой бокал. Андрей поднял свой и чокнулся с Борисом.

– Да, Борь, спасибо тебе за то, что ты дал мне возможность заработать! – сказал Андрей, пригубив коньяк. Мягкое тепло тут же обволокло нёбо и заструилось вниз по горлу. – Ты даже не представляешь, как ты мне помог!

– А уж как ты мне помог! – широко улыбнулся Борис. – Теперь твоя удача – моя удача!

– Ну, пусть будет так, если ты серьёзно так думаешь, – улыбнулся Андрей в ответ. – Буду только рад! А ещё могу я у тебя на таких условиях поработать?

– Знаю, что ты мог бы, – согласился Борис, – но работа эта делается только один раз. Такова уж, старик, её специфика. Но если мне ещё потребуется твоя помощь, я теперь знаю, где тебя найти. И ты, если что, знаешь мои координаты.

– Конечно, Боря! Всегда готов! Так что звони, если что!

Домой Андрей шёл чуть ли не вприпрыжку. Пачка денег приятно тяжелила внутренний карман. «Блин, я ведь и вправду везучий! – радовался он. – Надо бы Инке какой-нибудь подарок купить. А Фарту – самый лучший корм. Ведь это благодаря ему...»

Воодушевление не покидало Андрея целую неделю. За это время Андрей закончил учебную часть водительских курсов, оставалось только сдать экзамены. Работа над произведением возобновилась с новой силой. Появились новые идеи, и Андрей, окрылённый успехом, значительно продвинулся в развитии сюжета. Ему казалось, что две трети романа уже написаны.

Часть заработанных денег он потратил на обновление своего гардероба, а также на подарки Инке и своим родителям, которые жили в другом городе. Оставшиеся сорок тысяч отложил на какую-нибудь приятность в будущем, – например, на совместную поездку с Инной в Италию, которую они давно намечали.

Инку, похоже, удалось задобрить и подарком, и обещанием поездки, и тем самым в очередной раз повернуть их отношения в нужное русло. На её расспросы, где и как за такой короткий срок Андрей умудрился заработать приличную сумму, он отвечал многозначительно и уклончиво: дескать, помогал проводить важные научные эксперименты в области прикладной психологии. Что это за направление психологии, Андрей пояснять не стал, так как придумал его по ходу дела.

Казалось, жизнь совсем наладилась. Андрей представлял

себе, как он скоро получит права, а в обозримом будущем, глядишь, и обзаведётся машиной. И ни Инка, ни кто-то ещё не будет говорить ему, что он лузер. Правда, Инка никогда и не называла его так. Но по некоторым её словам он подозревал, что всё же в глубине души она считала его человеком, не способным пробиться в жизни и достичь сколько-нибудь заметного успеха. «Но ничего, я ей докажу, – думал Андрей. – Она ещё будет гордиться, что у неё такой кавалер! Я уже показал, что могу зарабатывать! Вот только бы ещё закончить книгу, и всё будет в ажуре...»

Однако на практическом экзамене по вождению Андрея постигла неудача: экзамен он совершенно по-дурацки завалил. Причём так, что чуть не врезался в фонарный столб. Инструктор в последний момент перехватил руль, и аварии удалось избежать. Андрей сам не мог впоследствии объяснить ни другим, ни себе самому, почему он вовремя не среагировал. Словно на него нашло какое-то затмение. Выслушав от преподавателя порцию нелестных слов относительно своих водительских способностей и договорившись о передаче, огорчённый Андрей поплёлся домой.

«Да ладно, куда эти права денутся, – успокаивал себя Андрей. – Не все же сдают с первого раза. В следующий раз сдам. Только надо собраться!»

Но до намеченного следующего раза не дошло. За пару дней до сдачи Андрей вдруг зачихал, зашмыгал носом, у него резко поднялась температура, а горло изнутри будто кто-то

тёр наждаком. Вроде бы в городе никаких эпидемий не ходило, но Андрей, похоже, где-то умудрился подхватить вирусную респираторную инфекцию. Болезнь развивалась быстро: в день сдачи он уже мог только лежать. Ни о каком экзамене речи быть не могло. Запланированную поездку в Италию тоже пришлось отменить. Естественно, Инка была недовольна таким поворотом, но добросовестно навещала его каждый день, пичкая какими-то снадобьями. Фарт во время её визитов развлекался тем, что прыгал ей с комода на плечи. Его нисколько не огорчало, что хозяин почему-то лежит на диване с компрессом на голове и с ним больше не играет.

Андрей проболел пару недель, причём первую неделю почти всё время отлёживался. Когда почувствовал себя лучше, сроки сдачи экзаменов уже прошли. Время было потеряно, и Андрей решил, что учёбу он возобновит и закончит в следующем году.

«Лучше я не буду разбрасываться и сосредоточусь на книге, – думал он, – это сейчас для меня важнее».

Ещё не успев окончательно выздороветь, он с удвоенной силой засел за свой труд. Последние главы давались очень тяжело. Андрей напрягал свой мозг, подстёгивая себя лошадиными дозами крепкого кофе. Наконец в произведении была поставлена последняя точка. Труд, на который с перерывами ушло восемь месяцев, был завершён, и вроде получилось неплохо.

Андрей, к тому времени окончательно поправившийся,

на радостях устроил себе с Инкой поход в ресторан. В разгар ужина с шампанским он поделился с Инкой планами относительно того, чтобы бросить работу корректором и начать писательскую карьеру. Он рассчитывал на одобрение с её стороны, но Инкина реакция была совершенно противоположной.

– Ты что, дорогой мой, с дуба рухнул? – насмешливо сказала она. – Какая писательская карьера? Ты всерьёз считаешься на этом зарабатывать?

– Ин, а почему бы и нет? – обескураженно ответил Андрей. – Ведь зарабатывают же люди писательским трудом. И хорошо зарабатывают! Побольше, чем корпеть в издательстве за гроши!

– Андрюша, – совершенно серьёзно сказала Инка, – ты рассуждаешь как маленький. Хорошие деньги получают раскрученные писатели. А ты пока им не стал, и далеко не факт, что станешь. Знаешь, как трудно пробиться на книжный рынок, если тебя никто не знает? Знаешь, сколько надо пахать на имя, прежде чем оно станет работать на тебя? Ты даже одну книгу не пробовал издать, а уже размечтался! Я уж не говорю, что для этого как минимум нужен талант!

– А что, по-твоему, у меня нет таланта? – обиделся Андрей. Он искренне рассчитывал на то, что Инка поддержит его, но она безжалостно рушила все его мечты.

– Хотелось бы верить в это, Андрюш! – усмехнулась Инка. – Но сам-то ты как оцениваешь свои шансы? Мне кажется,

ся, лучше не витать в облаках, а держаться за то, что у тебя есть! Не вздумай бросать свою работу! Попробуй сейчас найди что-нибудь путное.

Ей легко было говорить, она – модельер женской одежды – зарабатывала прилично. Побольше его, и от этого её слова зацепили Андрея ещё сильнее.

– Это путное? – взвился Андрей. – Да я в гробу видал такое путное! Ты что, предлагаешь мне этим заниматься всю жизнь? Да ты сама меня потом запилишь за то, что не ношу в дом денег!

– Ты говоришь так, словно наше с тобой будущее уже решено, – ледяным голосом сказала Инка. – Знаешь, я ещё подумую. Во всяком случае, если ты будешь настаивать на своей блажи и не возьмёшься за ум, то оно, это самое наше будущее, под большим вопросом. Я понятно объяснила?

– Куда понятнее, – зло ответил Андрей. – Но я из-за твоих амбиций не собираюсь наступать на горло собственной песне. Чем мне заниматься, а чем нет, я сам решу, ладно?

– Ну-ну, давай-давай, – Инка иронически фыркнула. – То же мне Стивен Кинг!

Они в запальчивости обменялись ещё несколькими резкостями и колкостями. Продолжать сидеть смысла не было: вечер, от которого Андрей ждал только радужных эмоций, был безнадежно испорчен. Андрей рассчитался с официантом и вызвал такси. По дороге оба отчуждённо молчали, глядя каждый в своё окошко. Андрей завёз Инку домой, сухо

попрощался и поехал к себе.

Ссору он переживал очень болезненно. Ободренное самолюбие саднило. То, что Инка наговорила ему, было очень обидно. Было ясно: она в него не верит. Но вот верил ли он сам в себя, Андрей сказать точно не мог, и от этого ему на душе становилось ещё горше.

«Может, она права, какой из меня писатель? – думал Андрей. – А может, вообще мы с ней не пара? Наверное, ей нужен кто-нибудь покруче, типа Бори Межина, да и мне кто-нибудь попроще. Всё-таки люди должны друг другу соответствовать».

Несколько дней он ходил, охваченный депрессией. Инке не звонил, и помириться даже не хотелось. Она тоже не давала о себе знать. «Ну и чёрт с ней, – думал Андрей, – подумаешь, принцесса! Сама ещё пожалеет, что позволяла себе так со мной обращаться!»

Текст своего романа он разослал в несколько известных питерских издательств и стал ждать. «Авось, на сей раз улыбнётся удача! – сказал он себе. – Правда, в последнее время что-то она от меня отвернулась. То экзамен провалил, то заболел, то опять с Инкой повздорили... Какая-то череда неприятностей. А ведь так вроде всё складывалось удачно!».

Сказал себе – и тут в памяти перед ним всплыло довольное лицо Бори Межина и его слова: «Теперь твоя удача – моя удача!»

«Да ну, совпадение, – подумал тут же Андрей. – Просто

совпадение! Просто бывает в жизни так, что временно не везёт, но это пройдёт. А Боря тут ни при чём».

Но неприятности на этом не закончились. На следующий день он получил извещение из налоговой инспекции: за квартиру, которую он унаследовал, нужно было заплатить единовременный налог на недвижимость. Сумма была приличной – почти все деньги, которые у него остались от работы у Бориса. Для Андрея это было неожиданностью: он-то был уверен, что все формальности, связанные с переходом квартиры в его собственность, улажены.

Ещё через день его квартиру залили соседи-пенсионеры, жившие над ним. Они, конечно, принесли тысячу извинений и оправдывались тем, что трубу горячей воды прорвало в их отсутствие. Это было похоже на правду: дом был старый, коммуникации изношенные. Правда, Андрею от этого было не легче. Воды сверху просочилось много, это был настоящий потоп. Вся побелка с потолка на кухне и отчасти в жилой комнате оказалась на столе, на шкафах, на полу. Хорошо, что не залило компьютер, а то он наверняка пришёл бы в негодность. Но обои были испорчены. Андрей провозился целый день, убирая лужи, отмывая квартиру и бормоча проклятия в адрес ротозеев-соседей и нерадивых коммунальных служб, которые вовремя не обслуживают жилой фонд. Фарта тоже пришлось, преодолевая его отчаянное сопротивление, выполаскивать в тазу, дабы вернуть ему пер-

воначальную окраску.

Инка не звонила. Андрей после долгой и мучительной внутренней борьбы всё-таки попытался сам дозвониться до неё. Он хотел помириться и, может быть, взять на конец лета путёвку в Италию, как они и собирались. Но Инка упорно не отвечала. После многочисленных попыток она откликнулась на сотовый и прохладным тоном сообщила ему, что находится в Болгарии с подругой. Слова примирения застряли у Андрея в горле. У него сразу зародилось сомнение насчёт подруги, но говорить об этом он не стал. Наскоро поговорив ни о чём, Андрей отключился.

«Если у неё появился кто-то другой, может, оно и к лучшему», – обречённо решил он.

После разговора с Инкой ему неожиданно позвонили из университетского издательства, где он работал, и сообщили ещё одну новость, которая его совсем не обрадовала. Начальство решило произвести в типографии капитальный ремонт и замену оборудования. Поэтому его выход на работу затягивается ещё на квартал. Соответственно, платить будут как сейчас. То есть надо сидеть ещё три месяца на голодном пайке или совсем увольняться и искать что-то другое. Но куда увольняться? Кому он нужен со своим филологическим образованием? Разве только учителем литературы и русского языка в школу? Тоже перспектива не шибко заманчивая.

Похоже, весь мир сговорился против него. Вдобавок ко всему Андрей в двух шагах от дома наткнулся на торчащий

из земли кусок арматуры и подвернул ногу в лодыжке. Нога сильно болела, Андрей съездил в травматологический пункт, и там ему поставили диагноз: вывих голеностопного сустава. Врач наложил гипс и прописал не постельный, но сугубо домашний режим в течение пяти недель. Было обидно даже не за сам факт травмы, а за то, что она произошла буквально на пустом месте. Раньше с Андреем никогда ничего подобного не происходило.

В душе у Андрея поселилось мрачное настроение. Днями он сидел дома, ни с кем не общаясь и никого не желая видеть. На улицу выбирался, хромя, только в магазин за продуктами. Родителям он не стал сообщать ни о травме, ни об остальных неприятностях, так как не хотел их огорчать, да и вообще не любил жаловаться.

«Прямо какая-то чёрная полоса пошла в жизни! – раздосадованно думал он по поводу последних событий. – Такое впечатление, что и вправду удача уплыла от меня к Борису!»

Словно в подтверждение его мыслей к нему по электронной почте стали приходить один за другим отказы от издательств, в которые он направил своё творение. Отказы были мотивированы по-разному. Где-то роман не подходил по жанру, где-то был перебор с заявками, где-то сочли, что такое сейчас никому не интересно и продаваться не будет. А из одной редакции Андрею написали прямо, что ему ещё долго надо совершенствовать писательское мастерство, а для начала неплохо бы перечитать классиков.

Это был настоящий удар. Уж здесь-то Андрей был уверен в успехе. Он ожидал восторженных отзывов и даже того, что издательства будут бороться за право издать его книгу. А теперь он чувствовал себя недорослем, который вызвался читать стихи на конкурсе самодеятельности, но на сцене всё забыл и вдобавок прилюдно описался.

Провал в том, на что он делал главную ставку, окончательно поверг его в уныние.

«Наверное, Инка была права, – удручённо думал Андрей, – писатель из меня никудышный!»

И снова его размышления вернулись к тому, что не давало ему покоя последние пару месяцев. Все неприятности навалились на него вскоре после того, как он поработал в компании «Инновационный центр „VVV“». Андрей всегда считал себя человеком здравомыслящим и далёким от всяких там предрассудков и суеверий. Но сейчас ему в голову лезли мысли, которые ещё совсем недавно он посчитал бы по меньшей мере неуместными. Какая-то непонятная компания, странная работа, да и эти загадочные шутки Бориса... Похоже, за ними стоял какой-то зловещий смысл, ему, Андрею, до сих пор не ясный, но каким-то непостижимым образом связанный со всей этой чередой скверных событий.

Да, деньги ему заплатили, и неплохие, но сейчас Андрей думал, что лучше бы он ничего не заработал, но всё бы оставалось, как прежде.

«Надо бы ему позвонить... нет, о таком лучше не по теле-

фону, надо сходить к нему, обсудить всё это, – пришла ему в голову мысль, но он тут же сам себе усмехнулся, подумав: а что, собственно, я у него спрошу? И чем он мне поможет?»

Глядя на котёнка, который беззаботно резвился на полу, и которому не было дела до Андреевых проблем, он со вздохом пробормотал:

– Эх, Фарт, мне бы твою жизнь! А ведь с тебя всё началось, поганец ты этакий...

И стал просматривать почту, надеясь на хорошие вести. Но их не было.

Так он прожил ещё несколько дней, прежде чем произошло то, что совсем выбило его из колеи. Его ограбили на улице.

Был уже достаточно тёмный августовский вечер, где-то половина десятого. Нога уже не так сильно болела, и Андрей решил сделать первую за две недели с вывиха прогулку. Заодно и зайти в магазин. Андрей дал себе слово быть предельно осторожным, памятуя о своём отчаянном невезении в последнее время.

Но что с ним может произойти вот такое – в северной столице, в историческом районе – он предположить не мог. Тем не менее, на обратном пути в одном из тёмных и глухих дворов-колодцев к нему подскочили двое верзил. Прежде чем он успел что-то сообразить, его прижали к стене. Один из них просипел, дохнув в лицо Андрею табачиной и перегаром: «Эй, калека, быстро сымай куртку и бабло давай!» Во-

круг кроме них не было ни души. Помочь было некому. Андрей было рванулся, но его держали крепко. Тот же сиплый тип приставил ему к горлу нож и угрожающе прошепелявил: «Не рыпайся, а то здесь лежать останешься!» Делать было нечего. Андрею пришлось отдать кошелёк, мобильник, часы, новую куртку и даже сумку с купленными продуктами. Хорошо, ключи от квартиры лежали в кармане брюк и их грабители не отняли.

Приковыляв домой, Андрей долго не мог унять дрожь от стресса. Потом всё-таки собрался с духом и позвонил в полицию, которую дожидался часа полтора: как ему объяснили, все сильно заняты, и не всегда есть возможность прибыть вовремя. Приехала группа из оперативника, следователя и двух сотрудников патрульно-постовой службы. Заявление Андрей написал, однако показания смог дать самые скудные: своих обидчиков он разглядел очень плохо. Следователь – парень примерно одного возраста с Андреем – закончив писать протокол допроса, сообщил, что они, конечно, примут все меры, но пусть Андрей особо не надеется. Такие преступления, как правило, либо сразу раскрываются по горячим следам, либо не раскрываются вообще, устало пояснил он. Андрей поблагодарил работников правопорядка, и на том общение с ними закончилось. Андрей и сам прекрасно понимал, что грабителей вряд ли найдут.

Когда Андрей окончательно пришёл в себя после пережитого, он решил, что чаша его терпения переполнена.

«Так дальше жить нельзя, – сказал он себе. – Надо хоть что-нибудь предпринять. Или хотя бы для начала что-то для себя прояснить. Завтра с утра иду к Борису. Главное – его застать».

Утром Андрей дозвонился Борису на работу и сказал, что хочет его видеть, мол, есть важный разговор. Борис ответил, что видеть будет рад и как раз сегодня есть небольшое окно во времени, так что пусть приезжает. В назначенное время Андрей подъехал, в здание его пропустили без проблем.

Борис был у себя в кабинете. Секретарша Леночка мило улыбнулась Андрею, узнав его, и пригласила войти.

Казалось, за прошедшее время Борис стал ещё солиднее, а его улыбка – ещё шире. Неожиданному визиту Андрея он совсем не удивился. Будто знал, что он придёт.

– Здорово, старик! – как всегда, жизнерадостно воскликнул он, вылезая из-за стола навстречу Андрею. – Ну, как дела? Что у тебя с ногой?

– Привет, Боря! – ответил Андрей, пожимая его толстую ладонь с пухлыми пальцами. – Да вот ступил неудачно, повернул... В общем ерунда, заживёт. Я смотрю, у тебя всё замечательно? Дела у фирмы идут?

– Спрашиваешь! – ухмыльнулся Борис. – Всё в гору прём! Отчасти и благодаря тебе! – от легонько хлопнул Андрея по плечу. – Садись давай, рассказывай, с чем пожаловал?

– Ну а у меня не очень... – Андрей замялся, опускаясь в кресло. Он всю дорогу думал, с чего он начнёт, но так ничего и не придумал. И сейчас, сидя в кабинете у Бориса, он

проклинал себя за душевную робость и косноязычие. – Ты понимаешь, Борь, с тех пор как я у тебя поработал, у меня одни неприятности пошли. Вот и с ногой из этой серии... Сплошная невезуха во всём, будто сглазил кто. Прямо настоящая чёрная полоса в жизни!

На лице Бориса появилось недоумённо-насмешливое выражение, будто он услышал плоскую и неподобающую ситуации шутку. Андрею вдруг стало неуютно. «Человек занят, а я отнимаю у него время своей ерундой!» – пронеслось у него в голове.

Борис несколько секунд помолчал и сказал:

– Ну что тут сказать, Андрюха? У всех бывает. Главное, как говорят умные люди, – тут он издал смешок, – идти не вдоль этой полосы, а поперёк!

– Знать бы ещё, в каком направлении это «поперёк», – вздохнул Андрей. – Но я тебе, собственно, не жаловаться пришёл. Я просто хотел поинтересоваться... Не связано ли это как-то с тем, что... Ну, одним словом, что я у вас работал?

Последние слова Андрей выдал из себя с трудом, чувствуя себя законченным кретином. Он напряжённо смотрел на Бориса, и думал, как будет реагировать, если тот вдруг ответит что-нибудь вроде: «Ну, допустим, связано. И что?»

Борис тоже пару секунд молча смотрел ему в глаза, и у Андрея на мгновение возникло чувство, что Борис прекрасно знает причину его вопроса. И прекрасно знает ответ на этот

вопрос. Но Борис удивлённо вскинул брови и вымолвил:

– Андрюха, ты шутишь, наверное? Как это может быть связано?

Андрей хотел было напомнить Борису его собственные слова: «Теперь твоя удача – моя удача!», но в горле у него будто встал ком.

«Если я ещё и это скажу, то буду совсем выглядеть идиотом, – пронеслось у него в голове. – Ведь тогда получится, что я придаю огромное значение вскользь брошенной шутке. А она, может, ничего не значит. А если я всё это себе нафантазировал, если и вправду Борис и вся его компания тут совершенно ни при чём?»

– Ну, мало ли как... – неуверенно промямлил Андрей. – Ты ж говорил, что можно влиять на разные там важные вещи типа спроса на товар. Правда, я и сам тогда в это не поверил... Но может, это всё-таки и на меня как-то повлияло? Только в обратном смысле?

Борис саркастически гоготнул.

– Ну ты даёшь, старик! Ты, наверное, меня позабавить пришёл?

– Ты знаешь, Боря, – торопливо заговорил Андрей, боясь совсем ступешеваться, – мне самому совсем не забавно. Я знаю, насколько ты занятый человек. И не стал бы тебя отрывать от дел по пустякам. Но таких пустяков, какие случились со мной, никому бы не пожелал. Я знаю, что всё это похоже на мистику, и с моей стороны выглядит глупо... Но всё-

таки хочу узнать: могло то, что я у вас делал, как-то все эти неприятности... ну, спровоцировать, что ли?

Борис посмотрел так, как будто Андрей был трёхлетним несмышлёнышем, задавшим папе дурацкий вопрос типа «А почему облака не падают?»

– Видишь, Андрюха, эта, так сказать, методика, о которой я тебе рассказывал, она воздействует на глобальные процессы. Ну, если не на глобальные, то на макроуровне, как говорил Илья. Отдельными людьми она не занимается. И даже не может их учитывать. Если бы кто-то – скажем я, хотя мне это совсем ни к чему – захотел бы тебе таким способом насолить, ничего бы не вышло. Это было бы всё равно что стрелять из гаубицы по мухам. Так что ты сам на свой вопрос себе ответь.

– Понятно... – проговорил Андрей. В общем-то, он и не надеялся получить в этом кабинете вразумительное объяснение тому, что с ним происходило последнее время.

– Да ты не переживай, всё образуется! – ободряюще сказал Борис. – Ты ж знаешь, это временно! Может, чайку или кофе? У нас ещё минут десять есть, – он глянул на часы, – а потом надо на совещание. Ты уж извини, старик!

– Нет, спасибо, Боря, я пойду, – сказал Андрей. – Ты мне лучше дай Илюхины координаты. Где он живёт, телефон его, если знаешь. А то в соцсетях его нет.

– Он когда уволился, ничего не оставил, – пожал плечами Борис. – И телефон я его не сохранил. А тебе зачем? Ду-

маешь, он тебе чем-то поможет? Боюсь, он тебя и слушать не станет!

– Просто хочу повидаться, – пояснил Андрей, отметив про себя, что хоть Борис и бывший троечник, а сообразительности ему не занимать. – Так у тебя правда ничего нет? Хотя бы примерно знаешь, где он обитает?

– Насколько я помню, последний раз он снимал квартиру где-то в районе Ладожской, – равнодушно ответил Борис, – но эти данные могут быть устаревшими. Может, он снова к родителям вернулся.

Андрей посидел у Бориса ещё минут пять и распрощался. Вышел он из здания с каким-то неприятным осадком на душе. Его не покидало чувство, что его очень ловко обвели вокруг пальца. Попросту говоря – вежливо, но по-крупному кинули. Но в чём и каким образом – Андрей понять никак не мог.

Похоже, помочь ему разобраться в этом мог только один человек. Илья Шуховский.

Загипсованная нога не располагала к поискам, но Андрей преисполнился решимости не откладывать. «Будь что будет, но нужно же что-то делать!» – сказал он себе.

Искать человека в большом городе, о котором нет никаких данных, может быть задачей непростой. Понимая это, Андрей первым делом посетил физико-математический факультет университета – там об Илье должны были остаться какие-то сведения. Он не прогадал: на кафедре ему сообщили номер сотового Ильи, а также адреса и телефоны его родителей и съёмной квартиры, где он жил последнее время. Как и говорил Борис, в районе станции метро «Ладожская».

На мобильник никто не отвечал: похоже, Илья поменял sim-карту. На съёмной квартире трубку тоже никто не брал. Но с матерью Ильи Андрею удалось поговорить. Она подтвердила, что сын снимает квартиру недалеко от «Ладожской», и посетовала на то, что к родителям навещается изредка: «Очень он занятый человек, всё ему некогда!»

Вечером того же дня Андрей отправился по указанному адресу. Илью он дома не застал. Хотя, если тот где-то работал, то с работы, скорее всего, должен был бы уже вернуться. Андрей стоял возле запертой двери в раздумьях, что делать дальше. К счастью, из соседней квартиры вышел пожилой мужчина с собакой на поводке. Андрей прицепился к нему

с расспросами об Илье, и мужчина рассказал, что сосед приходит домой, как правило, поздно. Вроде бы пару раз он видел соседа в ближайшем пивном баре.

Это было для Андрея неожиданностью. Он всегда знал Илью как абсолютного и убеждённого трезвенника. Даже на выпускном в школе все пили шампанское, а Илья вежливо отказался. Если Илья стал завсегдатаем пивного заведения, значит, в его жизни произошли какие-то большие перемены. И вряд ли к лучшему.

С этими мыслями Андрей направился к бару, о котором сказал сосед Ильи. Там было пустынно, занято было всего несколько столиков. Андрей огляделся, присматриваясь к посетителям, и его взгляд сразу остановился на одиноком мужчине в очках за столиком у окна. Перед ним стояла кружка пива и какая-то мелкая закуска. В пепельнице рядом дымился окурок. Мужчина сидел в задумчивости, сутулившись, вполоборота к Андрею. На нём был мятый, поношенный плащ; всю нижнюю часть лица покрывала давняя щетина. Издалека ему можно было дать лет сорок. Андрей и не узнал бы его, если бы не густая тёмно-рыжая шевелюра, которая всегда выделяла Илюху в толпе. Андрей быстро подошёл.

Мужчина медленно поднял на Андрея глаза зеленоватого-бутылочного цвета. Да, это был он. Но, боже мой, до чего он изменился! Года три назад Андрей как-то видел его мельком – случайно столкнулись в университете: Илья тогда

приезжал по каким-то делам в типографию. Они оба торопились и успели обменяться несколькими фразами, из которых было ясно, что у Ильи дела идут великолепно. И выглядел он соответствующим образом: жизнерадостный, энергичный, полный сил и уверенный в себе человек в самом расцвете лет.

Сейчас на Андрея смотрел уставший и понурый субъект, в котором никак нельзя было угадать молодого кандидата наук. Под глазами набрякли мешки, по сторонам носа и на лбу залегли глубокие складки, среди медных прядей серебрились отдельные седые волосы.

– Здравствуй, Илья, – тихо сказал Андрей. – Не думал, что найду тебя здесь.

Илья секунду глядел сквозь очки с недоумением, потом сдержанно-удивлённо улыбнулся. Видимо, и он не ожидал здесь увидеть одноклассника.

– Кого я вижу! Андрэ! Привет-привет! Какими судьбами? Андрей тоже улыбнулся, услышав хорошо знакомый картавый тенорок Ильи.

– Да вот, решил навестить школьного товарища, – усмехнулся он. – А если серьёзно, у меня к тебе разговор есть. Уделишь мне время?

– Конечно, какие вопросы! Я никуда не спешу. Присаживайся! – Илья сделал широкий приглашающий жест. Хоть он был и ярко выраженный технарь, в его манерах иной раз проскальзывала театральность.

Андрей уселся напротив Ильи, заказал себе тоже пива. Некоторое время он сидел молча, разглядывая Илью. Тот сидел, полузакрыв глаза, выжидательно затягивался сигаретой и пускал сизые кольца.

– М-да, а ведь ты раньше не курил. И не пил, – отметил Андрей.

– Да жизнь такая. – Илья невесело хмыкнул. – И закуришь тут, и запьёшь.

– Если честно, выглядишь не очень. – Андрей отхлебнул пива. – Что случилось-то?

– Да, бывали времена и получше... – Илья грустно выпустил из ноздрей длинную струю дыма. – В двух словах не рассказать. Давай лучше о тебе. Ты ведь разыскал меня не для того, чтобы о моей жизни слушать?

– Ты прав, Илюха. Я тебе сам хотел на жизнь пожаловаться... – согласился Андрей. – Видишь ли, я узнал, что ты работал с Борей Межиным. Я вот тоже у него поработал...

И Андрей вкратце рассказал историю своего знакомства с компанией «Инновационный центр VVV», о своей работе там и обо всём, что последовало за ней.

Илья слушал внимательно, не перебивая, всё так же полузакрыв глаза и смоля сигарету. Когда он закончил, Илья покивал головой, потом ещё некоторое время молчал, обдумывая про себя что-то, потом смял окуроч в пепельнице и медленно заговорил:

– Видишь ли, Андрэ, с тобой произошло примерно то же

самое, что и со мной. И ещё с некоторыми людьми. У меня тоже сплошные неприятности. Иначе бы я тут не сидел. Разница между мною и остальными этими людьми в том, что я понимаю, почему всё это произошло. Я тебе больше скажу: я сам себе это и устроил. Правда, Бороными руками.

– Как это – «сам себе»? – удивился Андрей. – Ты же вроде там был главный мозг!

– Был, – пожал плечами Илья. – Без меня бы не было ни этой компании, ни Бороного успеха. Но этого оказалось недостаточно, чтобы успех пришёл и ко мне тоже. Получилось как раз наоборот. То есть мой успех оказался Бороным, а мне осталось то, что я сейчас имею... Но пожалуй, чтобы тебе было понятно, нужно начать издалека. Так сказать, с основ.

– Говори, Илья, я тебя внимательно слушаю, – сказал Андрей и весь внутренне подобрался. – Только прошу тебя, как можно проще, чтобы до такого лоха в науке, как я, дошло.

– Хорошо, – ответил Илья, – постараюсь изложить популярно.

То, что рассказал Илья, было ещё более ошеломляющим, чем рассказ Бориса о деятельности своей компании. Илья начал с того, что по роду своей научной деятельности он занимался вопросами математической статистики и теории вероятностей. Также в сферу его интересов входило недавно возникшее направление математики – теория катастроф. Это, как пояснил Илья, математическая дисциплина, которая изучает и описывает внезапные переходы плавно текущих процессов в режим быстрого, скачкообразного изменения параметров. И ещё в университете Илья всерьёз занялся такой сложной темой, как компьютерное моделирование некоторых психологических функций человеческого мозга. Собственно, этой теме и была посвящена его кандидатская диссертация.

Так вот, Илье удалось создать на стыке этих областей чрезвычайно интересное и перспективное направление. А именно – теория и практика того, как в жизни можно привлекать благоприятные события и избегать неблагоприятных.

Да, это всё выглядит не очень научно, сказал Илья. Это та граница математики, где она соприкасается с вещами, которые выходят за границы всякой науки. Но, каким бы ни фантастичным это ни казалось, такие точки соприкоснове-

ния существуют, и их можно нащупать и даже использовать в своих интересах.

– Ты знаешь, Андрэ, что такое качество, как удачливость или везучесть, – это вовсе не мистика? – пояснял Илья. – Везучесть – это некое свойство, устойчиво связанное с конкретным индивидом, которое вполне можно назвать неким параметром. Некоей трудноуловимой, но вполне реальной величиной, как волновая функция в квантовой механике. Если говорить проще, везучесть – это некая субстанция, которой у одних изначально больше, у других меньше. Человечество с незапамятных времён знает это. И скандинавские викинги, и древние русичи, нанимая человека на работу или на службу, спрашивали, удачлив ли он. Индейцы и народы Крайнего Севера говорят о большем или меньшем наличии у человека «личной силы», которая помогает в жизни. Ну и просто на интуитивно-житейском уровне все знают, что люди бывают везучие и не очень, что бывают баловни судьбы, а бывают хронические неудачники. И одной слепой случайностью это не объяснить.

А мне, добавил Илья, удалось не только вывести понимание этой загадочной «личной силы» на более рациональный уровень, но и создать её математическую модель. И даже больше: создать алгоритм, позволяющий *переносить* эту неуловимую субстанцию от одного человека к другому. Вернее, правильной здесь было бы говорить о *перенаправлении некоего потока силы*, который неравномерно проходит через

всех людей.

– М-да, невероятно... – только и мог вымолвить Андрей. – Так ты хочешь сказать, что всё рассказанное Борисом – правда? И эта «личная сила», которая была у меня, теперь перешла к Борису?

– Как ни трудно в это поверить, но дела обстоят именно так, – ответил Илья. – И всё, что произошло с тобой, однозначно об этом свидетельствует. Борис обманул тебя, как он обманул ещё как минимум пятерых, в том числе и меня. Теперь везением, которое судьба предназначила каждому из этих людей, пользуется он один. Иначе бы не видать бы ему такого успеха, как своих ушей.

– Но как, каким образом? – Андрей всё ещё не мог поверить. – Как вообще получилось, что ты, такой талантище, – стал его подчинённым, а потом и жертвой?

Илья глубоко вздохнул, отхлебнул пива, чему-то усмехнулся про себя.

– «Люди сметки и люди хватки победили людей ума. Положили на обе лопатки, наложили сверху дерьма», – процитировал он и желчно рассмеялся. – Давно сказал один наш поэт, а как верно! Ничего не изменилось. Как и прежде, в жизни рулят типы, подобные Боре Межину. А такие, как мы с тобой, оказываются на задворках. Даже удача не помогает, как ты сам убедился. Даже её они могут украсть и присвоить. А ум или талант в вопросах успеха всегда были делом десятым. Ты что, до сих пор этого не осознал?

Андрей не нашёл что ответить. Он только кивнул головой и принялся за своё пиво.

– А насчёт того, как я пришёл работать к Боре, – продолжал Илья, и в его голосе опять зазвучали драматические нотки – о, тут целая история! Дело в том, что я после защиты решил пойти дальше. Я дерзнул замахнуться на большее: задрать подол у Фортуны! Заглянуть и даже вторгнуться в святая святых – замыслы судьбы и изменить их. Я разработал методику, которая позволяет изменять свою жизнь к лучшему. Её суть в том, что электромагнитная активность мозга удачливых людей фиксируется, особым образом обрабатывается и уже в усиленном виде передаётся в окружающее пространство в виде радиоволн ультракороткого диапазона. Не знаю, уместна ли будет такая аналогия... Ты как бы громогласно заявляешь всему миру о своём индивидуальном праве на удачу, и он откликается каскадом благоприятных событий. По принципу «сигнал-ответ». Слышал что-нибудь о синхронизмах? Вот это тот самый случай... Ну, неважно. Кажется фантастикой или даже магией, но это работает – опробовал на себе неоднократно.

– Да уж, кому бы другому я не поверил, – пробормотал Андрей. – Но если я тебя правильно понял, это всё равно не проясняет сути удачливости. Получается, что ты просто используешь удачливость – свою или чужую, неважно – для того, чтобы ею как-то... закодировать эти сигналы?

– Совершенно верно, – сказал Илья. – Я и теперь не ска-

зал бы, что до конца понимаю, что такое удачливость, от чего она зависит и почему она распределяется между людьми по-разному. Глубинная суть её для меня по-прежнему остаётся тайной. Но мало ли чего мы не понимаем, но используем? Например, многие ли автолюбители знают устройство машины? Электричеством человечество научилось пользоваться гораздо раньше, чем была создана теория электромагнетизма. Мы до сих пор не понимаем, что такое жизнь, что такое сознание и мышление, даже что такое атом, по-прежнему не до конца понимаем. Что уж говорить о такой тонкой штуке! Но, во всяком случае, мне удалось установить кое-какие закономерности в этой сложной механике и научиться их использовать... И мне казалось, что я на пути к потрясающим открытиям, что я нашёл золотую жилу и её надо копать. Но не нашёл понимания ни у своего научного руководителя, ни у кого-либо ещё из своего окружения. Все коллеги в один голос заявляли мне, что это заведомая чушь, лысенковщина от математики и с подлинной наукой ничего общего не имеет. Никто даже не попытался вникнуть в мои разработки. В общем, после долгих и бесполезных споров я ушёл из университета, причём ушёл со скандалом. Я всегда считал себя человеком более-менее удачливым, но в тот момент Фортуна от меня отвернулась.

– Наверное, в отместку за попытку подглядывать там, где не надо, – ввернул Андрей.

– Пожалуй, – с усмешкой согласился Илья. – Но это бы-

ло только первое звено в цепи неудач. Я думал, где теперь работать и как продолжать свои исследования. И тут на моём пути встретился Боря Межин. Я вот так же, как сейчас с тобой, сидел в баре, правда, в другом, заливал тоску пивом, и тут заходит Боря. Узнал меня, подсел, разговорились. Он тогда был начальником небольшой фирмы, которая торговала трикотажем. Я ему и рассказал, чем занимался и чего достиг. В предельно упрощённой форме, конечно. Но он как-то сразу заинтересовался всем, что я ему рассказал, особенно когда я упомянул о возможности передачи удачливости от одного человека другому. Более того, он мне предложил сотрудничать в данной области, а всё финансирование пообещал взять на себя. Я воспрянул духом, я подумал, что удача вновь повернулась ко мне лицом, что вот она – новая возможность! Но в тот момент не знал, что подкладываю мину замедленного действия под собственную жизнь.

Илья глубоко вздохнул, отпил пива и продолжал:

– Итак, мы решили организовать совместное предприятие. Назвали его «Инновационный центр VVV» – по названию программы, которую я написал. Поначалу всё складывалось удачно. У Бориса к тому времени был накоплен приличный капитал. Он взял в аренду этаж в здании одного из бывших НИИ, которое занималось радиотехникой. Передающая антенна нам была, как понимаешь, необходима. Закупили компьютеры, офисную мебель и прочее. Позвали мне в помощники нескольких толковых ребят. Естественно, понача-

ду мы ничего не зарабатывали, держались на голом энтузиазме. Первый эксперимент мы провели с моей энцефалограммой. И после этого, чтобы проверить свою удачливость, я пошёл в казино – первый раз в жизни. И что бы ты думал? Я выиграл около шестисот тысяч! Крупье сказал, что новичкам всегда везёт, но я-то уже знал, что удача моя не случайна. От этой суммы я взял себе сотню, а остальное отдал на закрытие долгов и дальнейшее развитие нашего центра. Я снова загорелся довести свой замысел до практического воплощения. Вот тогда бы я утёр нос тем, кто меня гнобил на кафедре, кто считал меня шарлатаном!

Илья на секунду умолк, посидел, вспоминая что-то, сам себе невесело усмехнулся. Андрей терпеливо ждал.

– Да, честолюбие – такая штука, за которую в этой жизни приходится платить, и много! – задумчиво произнёс Илья и закурил новую сигарету. – Дороже обходятся только глупость и беспечность. Я проявил всё это вместе, но понял это, к сожалению, много позже... Но слушай дальше. Как я уже сказал, я активно обдумывал, казалось бы, совершенно сумасшедшую идею: если удачливость – это некий поток, то нельзя ли перенаправить её от одного человека к другому? Я решил начать следующий этап исследований. И вот тут-то началось самое интересное. Разумеется, этим другим должен был стать Борис. Тем более после моей удачной игры в рулетку он стал прозрачно намекать на то, что и ему бы хотелось так же сыграть, а иначе зачем он выступает в качестве

спонсора? По правде сказать, мне и самому было чертовски интересно: а вдруг удачливость можно передавать, как предмет, хотя бы на время? Но как это осуществить? И тут я подумал: а что если в этот алгоритм удачливости включить ещё и элемент, так сказать, закодированного альтруизма? Я стал работать над этим.

– Подожди, Илья, – остановил Андрей. – Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Что значит «закодированного альтруизма» и как это относится к переносу удачи?

– То есть транслировать в мир закодированное послание, что я – донор удачливости, а некий человек – реципиент. Понимаешь, тем же самым образом, каким посылаются сигналы, в которых закодирована моя удачливость. Если совсем просто, я таким образом передаю свою удачливость другому. Вернее, сдаю ему в аренду.

– Но это уже совсем шаманство какое-то! – воскликнул Андрей. – Неужели ты додумался, как это сделать? И главное, зачем тебе передавать кому-то свою удачливость?

– Да, Андрэ, оказалось, и это можно сделать! – сказал Илья с диковатым воодушевлением. – А зачем, спрашиваешь, передавать? Да просто исследовательский азарт! Как у гончей, которая взяла след. Кто не испытывал, тому объяснить сложно. Но именно так и делались все большие открытия. Когда ты чувствуешь, что впереди ждёт нечто необычайное, все меркантильные соображения отходят на второй план.

– Мне это отчасти знакомо, – кивнул Андрей, вспомнив те редкие минуты, когда на него накатывала волна вдохновения и накрывала с головой. – Я пописываю немножко...

– Да? Ну, дашь потом почитать, – улыбнулся Илья. – Кстати, вся эта катавасия с удачей – хороший сюжет для книги... Ну так вот, я решил воспользоваться – только не смейся – услугами знахарки. Деревенской колдуньи.

– Колдуньи? – ошеломлённо переспросил Андрей.

Ему вспомнился эпизод из «Трёх мушкетёров», где д'Артаньян застаёт Арамиса в обществе двух священнослужителей за обсуждением богословских вопросов, слушает их разговор и чувствует, что тупеет. Примерно то же он испытывал сейчас, слушая Илью.

– Именно. Я же тебе сказал, что везение само по себе есть тайна. Но с давних времён всегда были особо одарённые личности, которые могли им манипулировать. Колдуны, маги и прочие. Многие в это не верят, в общем-то не очень верил и я. Но ведь сначала мне до конца не верилось, что и мои изыскания дадут реальный эффект. Однако они дали, и ещё какой. И я решил двигаться дальше. Я устроился в длительную этнографическую экспедицию по самым глухим северным деревням: Вологодчина, Карелия, Поморье. Мы искали потомственных знахарок и колдуний. Спросишь, почему именно туда поехал? На Севере их много, и более того – там осталась целая субкультура, если можно так выразиться, деревенской магии. Я нашёл очень сильную по тамошним мер-

кам колдунью. И за большое вознаграждение записал под её диктовку заговоры на удачу. В том числе и заговоры для другого человека. Дальше было всё просто: я составил этот заговор от себя в отношении Бориса. И прочитал, а во время чтения с меня сняли энцефалограмму. Затем её оцифровали, закодировали с помощью моей программы и транслировали. Фактически получается, что я составил самое настоящее магическое заклинание в электронном виде. Заклинание о том, что моя удачливость переходит к Борису, и будет оставаться с ним до тех пор, пока я сам этого не отменю.

– Невероятно! – Андрей не сдержал изумления. – И что, это снова сработало?

– Да, Андрэ, представь себе, сработало. Это кажется чем-то сверхъестественным, и я повторяю, что не знаю в точности, как это работает. Я бы сказал, что здесь мы имеем дело с ещё не познанными закономерностями и связями в природе. Но оказывается, что электронная магия действует так же, как и любая другая. Метод один, просто инструменты разные. Просто мой инструмент, скажем так, более современный, модернизированный, что ли...

– Теперь примерно понимаю... – сглотнув пересохшим от волнения горлом, произнёс Андрей. Картина произошедшего приобретала для него всё более ясные очертания. – И что случилось дальше?

– После этой процедуры Борис решил проверить результат. И тоже пошёл в казино. Результат, надо сказать, превзо-

шёл все ожидания. Борис вернулся с восемью с половиной сотнями тысяч в кармане. Его это привело в такой восторг, что на следующий день он пошёл снова, но по моему настоянию в другое казино, иначе это выглядело бы уже подозрительно. Ты же знаешь, тех клиентов, которые себя зарекомендовали как любимцы Фортуны, работники подобных заведений берут на заметку и ограничивают доступ. И снова он выиграл немалую сумму. Я посоветовал ему поиграть на ставках в букмекерской конторе – и тут он остался с крупным наваром! Он стал играть на валютной бирже – опять повезло! За какой-нибудь месяц Боря обогатился так, как ни один наркобарон или там олигарх за такое же время. На эти деньги он выкупил акции двух промышленных предприятий, я даже не знаю точно каких.

– Так вот откуда у него богатство! – протянул Андрей.

– Но этого ему показалось мало, – продолжал Илья. – Эти акции стали приносить ему прибыль. Естественно, кое-что перепало и мне, и другим сотрудникам. Но потом Боря придумал поставить этот процесс передачи везения на поток. А почему бы, спросил он меня, не «переписать на него», как он выразился, ещё чью-нибудь удачу? Я хотел было возразить, что на такое никто в здравом уме не согласится. Но во мне ещё не остыл тот самый азарт исследователя, я подумал: а действительно, почему бы не попробовать? Я и не придумал значения тому, что Борей двигали совсем другие мотивы. Вернее, я, конечно, понимал, что выглядит всё это

не очень красиво, по сути это мошенничество, хотя принципиально новое. Но мне было по фигу, и я ещё не знал, что за эту свою беспринципность буду наказан. И я согласился усовершенствовать свою программу «VVV». Я переписал её так, что код заговора на удачу стал встроенной матрицей, автоматически запускающей механизм переноса удачливости к Борису от кого угодно.

– То есть, без ведома и согласия этого «кого угодно»? – перебил Андрей. – Это уж совсем что-то из ряда вон! Как ты этого добился?

– Фактически да, без ведома, потому что в противном случае не было бы согласия. Для этого надо дать программе «VVV» информацию, полученную путём цифровой обработки энцефалограммы данного человека. И ещё необходимое условие: данную информацию человек должен ввести сам, лично. Без этого не сработает, уже экспериментировал. Почему так – не знаю. Могу только догадываться. Колдунья мне сказала, что человек, который передаёт удачу другому, должен участвовать в ритуале сам, иначе ничего не получится. То есть, если перевести на колдовские аналогии, я составил некое заклинание на незнакомом языке, в котором говорится, что я, такой-то, передаю свою удачливость такому-то. А тот, кто передаёт, это подписывает, даже не зная, что там написано. Но если подписано, реальность вокруг нас реагирует соответственно, независимо от того, понимал человек, что делает, или не понимал.

– Кажется, мне теперь ясно, что произошло со мной, – холодея, сказал Андрей. – Я сам, своими руками, и даже не подозревая о том, передал Борису свою удачливость!

– Правильно понимаешь, – кивнул Илья. – Борис обманул тебя, не дав тебе полной информации. Как он обманул ещё нескольких человек, правда, без меня – я уже к тому времени ушёл. Но у Бориса уже был отработанный алгоритм присвоения чужой удачи. Я был ему уже не нужен. Он стал давать объявления через интернет для везучих людей. Несколько человек клюнули на приманку. Они точно так же, как и ты, откликнулись на его объявление, поработали у него, и после этого распрощались со своей удачей. Цифровые коды, которые вводил ты и другие бывшие везунчики – это электронная декларация на весь мир того, что ты передаёшь свою удачливость Борису Анатольевичу Межину в бессрочное и безвозмездное пользование. Заверенная тем, что ты сам, своими руками её написал!

– Вот оно что... – пробормотал Андрей. Теперь у него было ощущение, как будто на него вылили цистерну холодной воды.

– Именно для того, чтобы украсть удачу у таких, как ты, и была развёрнута эта псевдо-инновационная деятельность, – продолжал Илья. – Согласись, купить чужую удачливость за сто тысяч – это стоящее приобретение! Ведь это же курица, несущая золотые яйца, каждое из которых дороже! – Илья рассмеялся своим мелким, дребезжащим смешком.

– Да, всё это было бы забавно, если бы не было так грустно... – горестно покачал головой Андрей. Он был совершенно подавлен свалившимися на него откровениями. – И что мне теперь делать?

– Не знаю, что делать, – Илья пожал плечами. – В суд на него не подашь, суды такие иски не принимают. В полицию заявлять – засмеют, кто поверит? Предъявлять к нему претензии бесполезно, сам понимаешь. Требовать какой-то компенсации – тем более. Пытаться наезжать на него – себе дороже. У него возможностей на два порядка больше, чем у нас с тобой. Раздавит, как каток виноградину.

– Но ты же сам от него пострадал! Неужели ты не предусмотрел такой возможности? Ведь если это электронное заклинание действует, его, наверное, можно... ну отменить как-то, или нейтрализовать в конце концов! – с отчаянием воскликнул Андрей.

– Думаешь, я такие варианты не рассматривал? – хмыкнул Илья. – Я обо всём этом думал, ещё когда создавал программу. Я тебе больше скажу: в программе этой действительно предусмотрена возможность отменить её действие. Вернуть всё назад. Но есть одно важное «но», о котором позже. Я писал программу, так сказать, под себя. Я знаю, как в неё войти и как её обратить. Я знаю пароль, которым она защищена. Он очень большой, и его не взломаешь. Во всяком случае, тем компьютерщикам, которые сейчас трудятся на Борю, для этого понадобится несколько жизней. – Илья опять рассме-

ялся дробным смешком.

– И где записан этот пароль? – спросил Андрей.

– Он нигде не записан, он хранится только вот здесь, –
Илья постучал себя пальцем по выпуклому лбу.

Некоторое время Андрей молчал, переваривая услышанное. Наконец он спросил:

– Так в чём же дело?

– Дело в том, дорогой мой друг, что у меня сейчас нет доступа ни к этой программе, ни даже к компьютеру. Я собирался это сделать, но не успел... Это к вопросу, как получилось, что и меня он нагрел. И почему я сам нахожусь в таком плачевном состоянии. Если ты не торопишься, я тебе расскажу.

– Да куда мне торопиться? Я ведь и разыскал тебя, чтобы всё понять, – ответил Андрей. – Может, теперь объединёнными усилиями что-нибудь и придумаем... Но я тебя слушаю, рассказывай!

– Хорошо, поехали дальше. Тут нужно вернуться к теории. Изучая природу удачливости, я сделал некоторые любопытные выводы. Прежде всего, удачливость как способность ловить удачу может быть очень большой и очень маленькой, но всё же это некое качество. А вот сама удача – она как энергия или материя в природе: может принимать разные формы, но не исчезает и не возникает ниоткуда. Только существует, с одной стороны, в мире вещей и событий, а с другой стороны, в психологическом пространстве людей. Улавливаешь? Её общее количество в мире не меняется. Я

вообще не удивлюсь, если её абсолютный баланс равен нулю... И что из всего этого следует, как ты думаешь?

– Что следует? – Андрей озадаченно наморщил лоб. – Ну, наверное, то, что если где-то её количество увеличивается, то где-то уменьшается? Так?

– Молодец, Андрэ, соображаешь! – рассмеялся Илья и поднял кружку. – Твоё здоровье!

Он отпил и продолжил:

– Всё верно, это как жидкость в сообщающихся сосудах. И что немаловажно, удача может принимать отрицательное значение. То есть превращается в злостную невезуху. Не может Фортуна быть ко всем сразу повёрнута лицом! Да, к кому-то она обращена в данный момент лицом, но к другому при этом задом, как бы ни повернулась! Грубо говоря, если кто-то где-то находит клад, то кому-то другому где-то в другом месте падает на голову кирпич. Этот закон, который я бы назвал «законом сохранения удачи», выполняется не так, чтобы строго арифметически, но как общая тенденция. Среднестатистически по всему социуму. Но в нашем с Борей случае фишка в том, что удачливость распределяется адресно, я бы даже сказал, точно. Именно в силу наших, так сказать, электронно-магических действий. То есть, передавая Борису удачливость, я не просто отказываюсь от своей удачи, я привлекаю к самому себе со всех сторон всевозможные неблагоприятные события.

– Это я тоже понял, – уныло сказал Андрей. – Вернее,

почувствовал на собственной шкуре.

– А я понял это не сразу, – со вздохом сказал Илья. – Я просёк эту закономерность только тогда, когда со мной стала твориться всякая хрень. Причём посыпалось всё как из рога изобилия. Сначала от меня к другому ушла жена...

– Жена? – удивлённо переспросил Андрей. – Я и не знал, что ты был женат!

– Был, – усмехнулся Илья, – но недолго. Детей сделать не успели, и, наверное, это к лучшему. Но бог с ним... Потом я попал под машину. Не по своей вине, какой-то идиот пьяный за рулём сбил. Отделался ушибами и переломами, провалялся пару месяцев в больнице. Пока там лежал, угнали машину, сейчас в розыске. Затем сгорела дача в Стрельне.

– Надеюсь, никто не пострадал? – спросил Андрей.

– Слава богу, никто... Вот это ещё одна особенность моей электронной магии. Она действует только в отношении отдельного человека. С плюсом или с минусом, неважно. Поэтому очень маловероятно, если бы, скажем, загорелась моя квартира. От этого, скорее всего, пострадали бы другие. Хотя если они сами неудачники, то всё возможно... Да, так вот, это по-крупному, а ещё была куча мелких бытовых неприятностей, о которых рассказывать долго и неинтересно... Ещё мои недруги по универу тиснули в одном научном журнале злопыхательскую статью, где заклеямили меня как графа Калиостро двадцать первого века. В общем, до меня дошло, что все эти неприятности со мной последнее время не случайны,

это всё следствие моего эксперимента по передаче своего везения. А у Бориса тем временем дела всё больше процветали. Он только попохатывал. Мы к тому времени уже отработали методику снятия кода удачливости с чужих мозгов. И Боря при мне успешно испытал её на двоих, кто на него, так сказать, поработал. Насколько я знаю, у них тоже потом дела пошли неважно. Когда я попытался Борису объяснить, что мы не очень хорошими делами занимаемся, что это ничем не отличается от воровства, он и слушать не захотел. И когда я сказал, что хотя бы в своих интересах должен отменить действие программы, вернуть себе нормальную жизнь, вот тут-то его по-настоящему и узнал...

Илья сокрушённо покачал головой и снова закурил. Сделав пару затяжек, он продолжил:

– Он мне категорически отказал! Он сказал, что и так мне хорошо платит, а если мне не нравится, то я могу катиться на все четыре стороны. В общем, мы сильно поругались. Я решил уйти, но сначала вернуть себе удачу без его позволения. Я без проблем мог пользоваться главным компьютером, на котором была установлена программа «VVV». Я знал, как и что нужно делать. Пароль, как я тебе говорил, был известен только мне. Поменять его тоже было невозможно – программа надёжно защищена от этого. Но вот тут-то и возникло это «но», о котором я упоминал. Когда я попытался войти в программу, оказалось, что доступ в программу защищён ещё одним паролем, поверх моего.

– А ты его не знаешь? – догадался Андрей.

Илья криво улыбнулся.

– Ирония судьбы в том, что я сам включил в программу возможность этого дополнительного пароля как защиту от несанкционированного проникновения посторонних лиц. Это как PIN-код в сотовом, за которым стоит PUK-код. Или лучше представь себе замок с несложным шифром на сейфе. Допустим, ты этот шифр разгадал и вскрыл замок, но за ним стоит замок с куда более сложным шифром, который разгадать никаких шансов. Так вот, я знаю внутренний, сложный шифр, а внешнего и простого, которым он закрыт, не знаю. Не знаю, потому что его можно менять, и Борис его поменял. А мне, естественно, не сообщил. Он предугадал, что я захочу всё изменить, и принял меры. Я попробовал договориться с Борисом, но это превратилось в ещё один скандал, после которого Борис сказал, что он в моих услугах больше не нуждается.

– И ты оставил всё как есть? – спросил Андрей.

– Ну а дальше ты в общих чертах знаешь, – выпустив клуб дыма, подытожил Илья. – Я и сам уволился, потому что с этим человеком больше не хотел иметь дело. Вообще-то я раньше должен был понять, что это за тип и чего от него можно ожидать... Сам виноват. За то, что помогал отнимать удачу у других, теперь вот наказан. И вот сейчас фактически безработный, устроиться никуда не могу – не обратно же на кафедру идти! Живу за счёт того, что репетиторствую по-

немногу, частные уроки даю по математике...

– И что же, ничего нельзя исправить? Только из-за того, что ты не знаешь этого несчастного пароля? – недоумённо произнёс Андрей.

– Я даже мог бы влезть в программу дистанционно, через сеть, – сказал Илья. – Я один знаю, как это сделать. Когда создавал эту программу, оставил для себя такую лазейку. Но на данный момент она перекрыта этим чёртовым паролем. Самое досадное, что он небольшой. Можно попытаться подобрать его методом тыка, хотя на это уйдёт масса времени. Есть и особые программы, которые вскрывают такие пароли – просто механическим перебором. Но я, честное слово, хоть и сам давно занимаюсь программированием, не знаю, где такую раздобыть. Написать самому – наверное, смог бы, но опять же надо много времени. В принципе, проблема решаемая. Однако главная трудность в том, что у меня теперь даже своего компьютера нет!

– Даже так? – удивился Андрей.

– Я оттуда ушёл, но неприятности продолжаютя. Как, впрочем, и следовало ожидать... Вскоре после того, как я уволился, мою квартиру взломали и обчистили, когда меня дома не было. Комп тоже унесли, а на новый денег пока нет, – мрачно констатировал Илья. – Я вполне допускаю, что это ограбление сам Боря заказал или даже лично организовал. Он мог так дополнительно застраховать себя от моих действий. Как бы то ни было, я без компа совсем беспомощен.

Сидеть и пытаться взломать систему, сидя в интернет-клубах, сам понимаешь, пустая затея. Так можно всю оставшуюся жизнь просидеть.

– Слушай, Илья, – сказал Андрей, ощущая в душе проблески надежды. – Раз уж мы с тобой теперь братья по несчастью, давай бороться вместе. Поехали ко мне, у меня есть компьютер, и он в твоём распоряжении. Как и моя квартира.

– Да? Ну что ж, отрадно это слышать! – Илья затушил сигарету. – Тогда поехали к тебе!

Через полтора часа они были у Андрея. Было решено отложить всякие действия до утра, на трезвую голову, а пока только обсудить ситуацию. Тем более что было непонятно, что предпринимать.

Андреево жилище Илья оценил с порога.

– О, какие у тебя хоромы, Андрэ! – присвистнул он, оглядывая обстановку.

– Да какие там хоромы, – махнул рукой Андрей. – Старый дом, скрипучие половицы, вся сантехника износилась, и вообще капитальный ремонт требуется. И за это всё ещё надо заплатить огромный налог!

– Э, друг мой, – усмехнулся Илья. – В нашем возрасте многие о таком могут только мечтать! Ого! А это что за симпатяга? – он наклонился и погладил котёнка, который откуда-то выскочил и стал бодать брючину Ильи.

– Да вот, на улице подобрал, – сказал Андрей. – Благодаря ему-то я и узнал о вашем центре «ви-ви-ви»! Проходи, садись!

– Как это «благодаря ему»? – удивился Илья, устраиваясь в кресле.

– А, я же не вдавался в подробности! – И Андрей поведал о прыжке Фарта на клавиатуру.

Илья посмеялся, но внезапно посерьёзnel и задумчиво

произнёс, потирая лоб:

– Гм, любопытно, более чем любопытно...

– О чём это ты? – спросил Андрей с недоумением.

– Так, кое на какие мысли навело, но надо ещё обдумать...

А не выпить ли нам чаю, да покрепче? А то голова, знаешь ли, тяжёлая после пива.

– Конечно! – отозвался Андрей. – Сейчас заварим!

Сидя на кухне и оглядываясь по сторонам, Илья ещё раз отметил, что Андрей живёт очень даже хорошо.

– Ну что ты, Илья! Хорошо, я думаю, живёт Боря Межин! – усмехнулся Андрей, заваривая чай. – Слушай, я только одного до сих пор никак не пойму: как у меня-то получилось на него выйти? Я ведь по жизни совсем не везунчик. Я в этом плане совершенно обычный середнячок. А ведь Боря говорил, что его находят только удачливые люди!

– Да, Андрэ, меня тоже это занимает, – ответил Илья. – Ты прав, к нему приходили люди, явно отмеченные Фортуной. Так сказать, с коэффициентом удачливости выше среднего. Я сам их анкетные данные читал... А ты, судя по тому, что сам мне рассказал, к числу таковых не относишься. И нашёл ты его как-то необычно... надо же, котёнок помог! Знаешь, у меня есть ещё кое-какие мысли... Если я тебя не утомил своими рассуждениями, могу поделиться.

– Конечно, говори, Илья! Какие могут быть вопросы? Мы теперь в одной упряжке...

Андрей разлил по чашкам крепкий, как смоль, чай. Илья

отпил, удовлетворённо вздохнул и, по своей привычке полуприкрыв глаза, заговорил:

– Когда я создавал математическую модель переноса удачливости от одного к другому, то понял одну важную вещь, о которой Борису не рассказал. Дело в том, что да – удача может концентрироваться от разных людей к одному центру. Но вопрос в том, может ли это продолжаться сколь угодно долго? Я хочу сказать, перетекать от какого угодно количества людей к кому-то одному? Может ли один человек иметь сколь угодно удачи?

– Не знаю, тебе виднее, – пожал плечами Андрей.

– А ты сам прикинь. В природе, как мы знаем, не могут долго существовать потенциалы, сосредоточенные в одном месте и намного превышающие окружающую среду. Потому что есть такая штука – энтропия. Потому что природа не любит слишком большой разницы потенциалов. Если проще, когда где-то чего-то слишком много, а этого же где-то в другом месте слишком мало, то природа стремится такое положение вещей выровнять. Второй закон термодинамики! Это тебе, Андрэ, понятно?

– Да, конечно, – кивнул Андрей. – Школьную физику не совсем ещё забыл.

– Очень хорошо, – продолжал Илья. – Кстати, это в какой-то мере относится и к обществу. Товарно-денежные потоки – характерный пример. Так вот, в силу этого закона все такие состояния, когда чего-то где-то переизбыток, неустой-

чивы. Это же относится и к удаче. Я тебе говорил, что занимался такой интересной областью математики, как теория катастроф. Так вот, её уравнения, применённые к нашему случаю, показывают, что для любого носителя удачи есть некое её предельное количество. Как бы критическая масса, понимаешь? И она очень неустойчива. Если её превысить, то любой толчок, любое незначительное событие может привести к быстрому и необратимому разрушению этой критической массы. Как если бы прорвало плотину.

– И что это в нашей ситуации значит? – Андрей настолько заинтересовался услышанным, что даже забыл про чай.

– А это значит, – невозмутимо ответил Илья, прихлёбывая из своей чашки, – что по всем признакам Боря уже близок к своему лимиту, к своей критической массе. Он думает, что может грабастать чужую удачу, сколько влезет, но тут он сильно ошибается.

– А по каким признакам это можно определить? – спросил Андрей, крайне заинтригованный.

– По тем, что он начал сосать удачу у того, у кого её немного, – ответил Илья со смешком, – а именно у тебя. Это просто говорит о том, что его резервуар переполнен. И вот-вот лопнет. Я думаю, ты – последний, у кого он украл толику удачливости. Для его перегруженного потенциала уже вот-вот скажется фактор неустойчивости, который его обрушит. А тебе, судя по всему, выпало быть инициатором этого процесса.

– Но каким образом? – недоверчиво усмехнулся Андрей. – Пока я чувствую себя жертвой, а не орудием возмездия судьбы!

– Пока не могу понять, но какую-то роль ты должен сыграть. Одно могу сказать: ты не случайно на него вышел, однозначно. И нашёл меня. Всё выстраивается в логичную цепь, но одного звена – вероятно, последнего – не хватает. Но сегодня мы ничего уже не придумаем... Давай отложим всё на завтра. Я с твоего позволения лягу спать, а то сегодня чертовски устал.

По Илье действительно было видно, что сегодняшней день дался ему нелегко. Андрей и сам чувствовал огромную усталость – главным образом от всего, что на него вывалил светлая голова Ильи Шуховский.

– Да, Илья, ты прав, пора нам обоим отдохнуть... – сказал он. – Вот тебе диван, располагайся.

Андрей проснулся раньше, и пока Илья храпел на своём диванчике, пошёл на кухню готовить завтрак. Прибежал Фарт и с требовательным мяуканьем начал толкаться в ногах в ожидании утренней порции.

– Сейчас, сейчас, экий ты нетерпеливый, – пробурчал Андрей, доставая из холодильника кусок варёной рыбы.

Он тоскливо посмотрел в окно. Кое-где на деревьях уже виднелись пожелтевшие листья. «Вот и лето прошло, – рассеянно подумал Андрей. – А день на удивление тёплый. Скорее всего, таких больше не будет». Он вспомнил, как в начале лета, в такой же солнечный день нашёл Фарта на улице и принёс домой. Почему-то тот день врезался ему в память множеством деталей. Тогда он был преисполнен радужных надежд, а теперь от них остался только горький привкус разочарования. Все начинания пошли прахом.

«Интересно, как бы всё сложилось, если бы я его не подобрал, – размышлял Андрей. – Прошёл бы себе мимо, и сейчас, наверное, не знал бы этих проблем... Да собственно, он-то здесь при чём? Он только маленький пустячок, с которого всё началось... А каким же пустячком, как сказал Илюха, всё может закончиться?»

– Доброе утро, Андрэ! – раздался за спиной картавый те-норок. Андрей от неожиданности вздрогнул.

– Привет, Илья, я и не слышал, как ты встал, – сказал Андрей. – Садись, сейчас есть будем.

Илья сел и тоже стал задумчиво смотреть в окно.

– Такая духота с утра, – вымолвил он. – Наверное, дождь будет ближе к вечеру. Или даже гроза.

– Да, в прогнозе по радио на сегодня обещали грозу, – отозвался Андрей. – Пожалуй, последняя в этом году!

Они принялись за яичницу с колбасой. Илья всё время о чём-то напряжённо думал. «Похоже, у него мозг всё время находится в рабочем режиме» – отметил про себя Андрей.

– Какие идеи, Илья? Что будем делать? – спросил он.

– Идей немного, – сказал Илья. – Вернее, совсем нет. Давай ещё раз повторим исходные условия задачи. Есть твой комп, есть выход в интернет. Это хорошо. Наша цель – обратиться к программе. Это я как старый опытный хакер сумею. Это тоже хорошо. Но для этого надо знать пароль, а мы не знаем. А вот это плохо. Всё, что мы можем делать, это подбирать пароль наугад. Он, правда, небольшой, состоит всего из четырёх символов... ну, как и пин-код. Но если учесть, что в нём могут быть и кириллица, и латинские буквы, да ещё и цифры... Возможных комбинаций – астрономическое число. Можно состариться, пробуя их все. Но пока больше никаких возможностей не вижу.

– Слушай, я вот тут подумал... – неуверенно начал Андрей. Если у Ильи не было идей, то какие могли быть идеи у него? Но Илья молча ждал, и Андрей продолжил:

– Ты говоришь, что любой пустяк может разрушить то, что Боря себе нахапал. И ещё то, что я должен сыграть в этом какую-то роль. Но похоже, я-то свою роль уже сыграл... Я к тому, что раз у меня всё началось с котёнка, может, он каким-то образом имеет отношение и к концу этой истории? Может, он как-то подтолкнёт то самое неустойчивое состояние?

– Хм... – задумался Илья и даже перестал жевать. – Не хочешь ли ты сказать, что твой котёнок может нам дать какую-то подсказку?

– Вот-вот, как-нибудь нам намекнуть... Сейчас я его принесу. – Андрей поднялся со стула. – Эй, Фарт! Ты где, шельмец?

– Как ты его назвал? – переспросил Илья, изменившись в лице.

– Фарт... Это кличка у него такая, – Андрей остановился. – А что?

– Это же и есть пароль, – тихо пробормотал Илья.

– Пароль? – поражённо переспросил Андрей.

– Точно! Всё сходится! – Илья в возбуждении ударил кулаком по ладони. – Ты его подбираешь, он тебя через компьютер выводит на нашу компанию, тебя обманывают, ты разыскиваешь меня, а я прихожу к тебе и догадываюсь, что ты назвал кота этим паролем. Круг замкнулся! Да и не удивительно, что Боря придумал такой пароль – как раз в тему...

Они некоторое время молчали, ошалело глядя друг

на друга.

– Я вообще-то мог и раньше угадать... – нарушил паузу Илья, кусая губу. – Надо же, так просто! Но сколько бы мне времени понадобилось? Нет, всё-таки без этой подсказки я бы долго искал... И потом, кто знает, может, мне упал бы на голову тот самый пресловутый кирпич? Да мало ли ещё что может случиться с человеком, которому принципиально не везёт!

– Не может быть! – наконец вымолвил Андрей. – Слишком много совпадений! Что по этому поводу говорит теория вероятностей?

– Это не просто совпадения, Андрэ! – воскликнул Илья. – Это проявление всё тех же глобальных закономерностей, которые я нашёл, но которые нельзя использовать так, как это делал Борис! Тех закономерностей, которые за чужой счёт подняли Бориса из грязи в князи, а других, как мы с тобой, опрокинули вниз! Но теперь они же вернут всё обратно!

– Если так, то это легко проверить, – сказал Андрей. – Прошу за компьютер! Но только вдруг Борис снова этот пароль поменял? И потом, ведь чтобы ты вошёл, тот комп с программой «ви-ви-ви» должен работать, и к тому же быть подключённым к интернету.

– Не поменял, – уверенно ответил Илья. – Он думает, что если меня выгнал, то от меня навсегда избавился, и можно не беспокоиться. А комп у него сейчас наверняка работает. Он круглосуточно у него работает, чтобы электронная магия

действовала непрерывно! Хотя я много раз ему говорил, что это не есть хорошо, может быть перегрев. К сети он тоже в это время подключается. Клиентов-то надо ловить!

– Хорошо, если так, – согласился Андрей. – Тогда действуй, и пусть удача хоть на сей раз от нас не отвернётся!

– Всё будет о кей! – бодро сказал Илья. – Фарт с нами!

Он сел перед Андреевым ноутбуком, и вскоре его длинные пальцы уверенными быстрыми движениями стучали по клавишам. Андрей не понимал, что делает Илья, он только сидел рядом и следил за священнодействием Ильи. Тот был явно в своей стихии. Он напряжённо смотрел на монитор, пестривший цифрами и значками, которые для Андрея были не понятнее, чем китайские иероглифы, а его руки непрерывно и быстро, как у пианиста, щёлкали по клавиатуре. Минут через десять Илья издал торжествующий возглас:

– Есть!

У Андрея застучало в висках.

– Мы угадали? – только и спросил он.

– Да, чёрт побери! – Илья не скрывал ликования. – Теперь я в программе! Андрэ, будь другом, завари мне кофе покрепче! Мне предстоит изрядно потрудиться! Как в старые добрые времена!

Андрей без лишних слов побежал на кухню. «Только бы у него получилось, – молил он, – господи, только бы получилось!»

Илья почти без отрыва работал часов шесть. За это вре-

мя Андрей дважды приносил ему крепчайший кофе и бутерброды, а Илья поглощал всё это, не отрываясь от своего занятия. На единственный вопрос Андрея «Ну как?» он только неопределённо помотал головой. К концу он выглядел совсем вымотанным. Но на лице его Андрей прочитал удовлетворение.

– Всё, – сказал Илья, нажав последний раз «Enter». – Адью, Борис Анатольевич! Отныне все ваши заклинания на чужую удачу отменяются! А мы с тобой, Андрэ, пожалуй, пойдём прогуляемся.

– А когда будут результаты? – спросил Андрей. – И главное, какими они будут?

– Не знаю, сударь, не знаю, – шутливо развёл руками Илья. – Может, через час. А может, через месяц. Фортуна, ты знаешь, дама капризная и непредсказуемая. Но то, что результаты будут, я уверен. Как это всё будет протекать, тоже не спрашивай. Сам увидишь.

– Ладно, будем надеяться, – вяло сказал Андрей. Он всё ещё не верил, что можно просто вот так взять и какими-то действиями на клавиатуре вернуть назад всё плохое, что с ним произошло за последние три месяца. – Надо пройтись, только вот смотри, тучи какие тёмные надвигаются. Похоже, и вправду дождь с грозой будет.

– Это ерунда по сравнению с тем, что мы пережили! – весело сказал Илья, натягивая свой плащ. С момента, как он закончил, он пребывал в явно приподнятом расположении

духа. Андрей снова видел перед собой бодрого и уверенного в себе Илью Шуховского, каким он был три года назад.

Андрей проводил Илью до метро, и там они расстались. Андрей пошёл домой, и тут разразилась мощная гроза с ливнем. Лило как из ведра, лиловые молнии вспыхивали ежеминутно, порывы ветра сшибали с ног. Андрей не помнил, когда в последний раз в Питере была такая буря.

Вернувшись домой, Андрей бухнулся в кресло и некоторое время сидел в прострации. Фарт запрыгнул к нему на колени и заурчал. Андрей потрепал его по загривку.

«Посмотрим, какое ты звено в цепи», – усмехнулся он про себя.

Вечером Андрей смотрел местные новости по телевизору. Сообщили, что в административном здании на Гражданском проспекте возник сильный пожар. «К настоящему моменту пожар потушен, – говорил ведущий, – но выгорел весь пятый этаж, где располагались офисы частной компании, а также чердачное помещение. Огнём уничтожено всё оборудование и имущество, которые там находились. Из людей, к счастью, никто не пострадал, так как в помещении к тому времени уже никого не было».

Как прокомментировал на камеру бригадир пожарной команды, причиной возгорания, вероятнее всего, было короткое замыкание, вызванное прямым попаданием молнии в антенну на крыше здания. Случай редкий, но не уникальный.

Андрей отказывался верить тому, что слышал. Но когда

в кинокадрах показали обгоревшее здание, все сомнения у него отпали: да, это было оно. Теперь у Бориса не было инновационного центра. И не было оборудования, помещения, не было ничего.

Андрей бросился звонить Илье.

– Ты слышал про ваш центр? – задыхаясь от волнения, спросил он Илью, когда тот снял трубку. – Неужели это ты... то есть мы с тобой?

– Слышал, – хмыкнул Илья на том конце провода. – Жаль, конечно, оборудования, и программу жаль. Сколько я на неё угробил сил и времени! Вряд ли у меня хватит терпения написать её снова. Но что-нибудь подобное должно было случиться, так что я не сильно удивлён. И это, я думаю, – добавил Илья со своим дробным смешком, – ещё не всё. Борю ещё ждут большие огорчения!

Ночью Андрей почти не спал. В памяти то и дело вспыхивали кадры, где показывали сгоревший центр «VVV»: дымящийся остов крыши с одиноко торчащей антенной, чёрные от копоти стены здания, пустые зияющие окна, ощерившиеся осколками лопнувших стёкол. Не верилось, что он сам совсем недавно там работал. И ещё не верилось, что он косвенным образом причастен к тому, что случилось. Андрей ворочался с боку на бок, прокручивая в уме всё произошедшее с ним за последние три месяца и гадая, что же теперь будет с ним и с Борисом. Заснуть ему удалось только под утро.

Встав около полудня, первым делом Андрей позвонил Борису домой, чтобы выразить ему сочувствие. Хотя в глубине души он понимал, что Борис заслужил такую неприятность, всё же злорадствовать не был расположен. Да и хотелось если не предупредить Бориса, то как-то дать понять ему (не объясняя причин), что везение его закончилось, а началось невезение, и чтобы он был теперь осторожнее.

Ответила женщина, которая представилась супругой Бориса. От неё Андрей узнал ещё одну новость, которая его просто шокировала. Сегодня рано утром Борис на своей машине попал в аварию. Произошло столкновение с другой машиной. Борис получил серьёзные травмы и находится в реанимации. Врачи сказали, жить будет, но пробудет в лежа-

чем состоянии долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.